

ТРУДЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

ТОМ ДВЕСТИ ДЕВЯТЫЙ

МОСКВА
2018

ТРУДЫ

ВОЛЬНОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
РОССИИ

ТОМ ДВЕСТИ ДЕВЯТЫЙ

МОСКВА
№1/2018

ТРУДЫ

ВОЛЬНОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
РОССИИ

ИЗДАЕТСЯ С 1765 г.

ВОЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО РОССИИ

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ВЭО РОССИИ

ТРУДЫ

ВОЛЬНОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
РОССИИ

ТОМ ДВЕСТИ ДЕВЯТЫЙ

МОСКВА
№ 1/2018

УДК 33
ББК 65

С 2003 года по решению Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования Российской Федерации «Научные труды Вольного экономического общества России» включены в «Перечень ведущих научных журналов и изданий», выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Since 2003, by decision of the Presidium of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education of the Russian Federation, «Scientific Works of the Free Economic Society of Russia» are included in the «List of leading scientific journals and publications» produced in the Russian Federation in which basic scientific results of dissertations for the degree of doctor and candidate of sciences should be published.

УДК 33
ББК 65

© Вольное экономическое общество России, 2018
© The Free economic society of Russia, 2018

ISBN 978-5-94160-205-6
ISSN 2072-2060

Редакционный совет

- ПОПОВ Г.Х.** Главный редактор, председатель Сената (Совета старейшин) ВЭО России, почетный президент ВЭО России, президент Международного Союза экономистов, академик РАЕН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия).
- АСАУЛ А.Н.** Член Президиума ВЭО России, директор АНО «Институт проблем экономического возрождения», заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН, д.э.н., профессор (г. Санкт-Петербург, Россия).
- БАЙЗАКОВ С.Б.** Научный руководитель АО «Институт экономических исследований» Министерства экономического развития и торговли Республики Казахстан, д.э.н., профессор (г. Астана, Республика Казахстан).
- БОДРУНОВ С.Д.** Президент ВЭО России, директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, первый вице-президент Союза промышленников и предпринимателей Санкт-Петербурга, д.э.н., профессор (г. Санкт-Петербург, Россия).
- ВАСА Л.** Директор Центра исследований инновационных технологий факультета экономики и социальных наук Университета имени Святого Иштвана, д.э.н., доцент (г. Геделле, Венгрия).

ГЕОРГИЕВ Р.М.

Вице-президент Международного Союза экономистов, заместитель декана факультета экономики и бизнес-администрирования Софийского государственного университета св. Климента Охридского, д.э.н., профессор (г. София, Болгария).

ГЛАЗЬЕВ С.Ю.

Вице-президент ВЭО России, советник Президента Российской Федерации, академик РАН, академик РАЕН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия).

ГРИНБЕРГ Р.С.

Вице-президент ВЭО России, научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия).

ДАВЫДОВ В.М.

Член Правления ВЭО России, директор Института Латинской Америки РАН, президент Ассоциации исследователей иберо-американского мира, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия).

ИВАНТЕР В.В.

Действительный член Сената ВЭО России, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия).

КРАСИЛЬНИКОВ В.Н.

Действительный член Сената ВЭО России, генеральный директор Международного Союза экономистов, академик РАЕН, доктор экономики и менеджмента, к.э.н., профессор (г. Москва, Россия).

- ОСКОЛЬСКИЙ В.В.** Президент Союза экономистов Украины, президент Ассоциации товарной нумерации Украины, академик АЭН Украины, заслуженный экономист Украины, д.э.н., профессор (г. Киев, Украина).
- РАЕВСКИЙ В.А.** Действительный член Сената ВЭО России, главный ученый секретарь Международной Академии менеджмента, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия).
- РАТНИКОВА М.А.** Координатор-составитель, вице-президент ВЭО России, директор ВЭО России, доктор экономики и менеджмента (г. Москва, Россия).
- САМЕДЗАДЕ З.А.** Вице-президент Международного Союза экономистов, председатель Комитета Милли Меджлиса (Парламента Азербайджана) по экономической политике, главный редактор газеты «Экономика», академик Национальной Академии наук Азербайджана, д.э.н., профессор (г. Баку, Азербайджанская Республика).
- СОЛЬДА Д.** Вице-президент Международного Союза экономистов, президент Ассоциации экспортеров и импортеров Аргентины, д.э.н., профессор (г. Буэнос-Айрес, Аргентинская Республика).
- СОРОКИН Д.Е.** Вице-президент ВЭО России, председатель Научно-практического совета ВЭО России, научный руководитель ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия).

ТОСУНЯН Г.А.

Вице-президент ВЭО России, президент Ассоциации российских банков, член-корреспондент РАН, заслуженный деятель науки РФ, д.ю.н., профессор (г. Москва, Россия).

ЭСКИНДАРОВ М.А.

Вице-президент ВЭО России, ректор ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», академик Российской Академии образования, заслуженный деятель науки РФ, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия).

ЯКУТИН Ю.В.

Вице-президент ВЭО России, научный руководитель ЗАО Издательский дом «Экономическая газета», заслуженный деятель науки РФ, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия).

Editorial board

ПОПОВ G.Kh.

Editor-in-chief, president of the Senate (Council of elders) of the VEO of Russia, honorary president of the VEO of Russia, president of the International Union of Economists, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Dr. Sc. Econ., Professor (Moscow, Russia).

ASAUL A.N.

Member of Presidium of the VEO of Russia, director of the Institute of economy renovation problems, honored Science Worker of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Dr. Sc. Econ, Professor (Saint Petersburg, Russia).

BAIZAKOV S.B.

Research advisor of the JSC Economic Research Institute at the Ministry of Economic development and trade of the Republic of Kazakhstan, Dr. Sc. Econ., Professor (Astana, Republic of Kazakhstan).

BODRUNOV S.D.

President of the VEO of Russia, director of the Institute of the new industrial development named after S.Y. Vitte, first vice-president of the Union industrialists and entrepreneurs of St. Petersburg, Dr. Sc. Econ., Professor (Saint Petersburg, Russia).

VASA Laszlo

Director of the Center for Research of Innovative technologies of the faculty of Economics and Social Sciences of Szent Istvan University, Dr. Sc. Econ., associate Professor (Gödöllő, Hungary).

GEORGIEV R.M.

Vice-president of the International Union of Economists, deputy dean of the faculty of the Economics and business administration of the Sv. KlimentOhridski University of Sofia, Dr. Sc. Econ., Professor (Sofia, Bulgaria).

GLAZ'EV S.Yu.

Vice-president of the VEO of Russia, advisor to President of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Dr. Sc. Econ., Professor (Moscow, Russia).

GRINBERG R.S.

Vice-president of the VEO of Russia, scientific director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. Econ., Professor (Moscow, Russia).

DAVYDOV V.M.

Member of the Board of the VEO of Russia, director of the Institute of Latin America of the Russian Academy of Sciences; president of the Association of researchers of Ibero-American World, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. Econ., Professor (Moscow, Russia).

IVANTER V.V.

Member of the Senate of the VEO of Russia, scientific director of the Institute of economic forecasting of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. Econ., Professor (Moscow, Russia).

- KRASILNIKOV V.N.** Member of the Senate of the VEO of Russia, general director of the International Union of Economists, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Doctor of Economics and Management, Cand. Sc. Econ., Professor (Moscow, Russia).
- OSKOLSKY V.V.** President of the Ukraine Union of Economists, president of the Ukraine Association of commodity numeration, Academician of the Academy of Economic Sciences of Ukraine, honorary economist of Ukraine, Dr. Sc. Econ., Professor (Kiev, Ukraine).
- RAEVSKIY V.A.** Member of the Senate of the VEO of Russia, chief scientific secretary of the International Academy of Management, Dr. Sc. Econ., Professor (Moscow, Russia).
- RATNIKOVA M.A.** Coordinating compiler, vice-president of the VEO of Russia, director of the International Union of Economists, Doctor of Economics and Management (Moscow, Russia).
- SAMADZADE Z.A.** Vice-president of the International Union of Economists, Committee chairman on Economic policy of the MilliMejlis (the Parliament of Azerbaijan), chief editor of the newspaper «Economics», Academician of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Dr. Sc. Econ., Professor (Baku, Republic of Azerbaijan).

SOLDA D.

Vice-president of the International Union of Economists, president of the Association of exporters and importers of Argentina, Dr. Sc. Econ., Professor (Buenos Aires, Republic of Argentina).

SOROKIN D.E.

Vice-president of the VEO of Russia, chairman of the scientific and practical Council of the VEO of Russia scientific director of the Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Financial university under the Government of the Russian Federation», corresponding member of Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. Econ., Professor (Moscow, Russia).

TOSUNYAN G.A.

Vice-president of the VEO of Russia, president of the Association of Russian Banks, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, honored Science Worker of the Russian Federation, Dr. Sc. Law, Professor (Moscow, Russia).

ESKINDAROV M.A.

Vice-president of the VEO of Russia, rector of the Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Financial university under the Government of the Russian Federation», Academician of Russian Academy of Sciences, honored Science Worker of the Russian Federation, Dr. Sc. Econ., Professor (Moscow, Russia).

YAKUTIN YU.V.

Vice-president of the VEO of Russia, scientific director of «Publishing house «Economic Newspaper», honored Science Worker of the Russian Federation, Dr. Sc. Econ., Professor (Moscow, Russia).

Содержание

21 НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ

АБАЛКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ НА ТЕМУ:

«УМНАЯ НАЛОГОВАЯ СИСТЕМА» VS

«БЕЗДЕФИЦИТНЫЙ БЮДЖЕТ, ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС»

23 *Д.Е. Сорокин*

Вступительное слово

25 *А.О. Алехнович, К.М. Никитин*

«Умная» налоговая система

45 *М.Д. Абрамов*

«Умная» налоговая система обеспечит удвоение доходов бюджета здесь и сейчас

55 *А.Г. Аганбегян*

Налоговая система России не выполняет стимулирующую функцию и перестает выполнять фискальную

62 *С.Ю. Глазьев*

Диспропорции налоговой системы и пути их преодоления

69 *Н.П. Мельникова*

Ключевые направления создания «умной» налоговой системы и риски их практической реализации

75 *М.В. Ершов*

Уменьшение налога на добавленную стоимость: некоторые комментарии

79 *Н.Н. Тютюрюков, Г.Б. Тернопольская*

Налоговая система — для роста человеческого потенциала

90 *Н.Ф. Зарук*

Влияние «умной» системы налогообложения на аграрную политику России

- 109 ***Р.С. Гринберг***
Комментарий по теме
- 115 ***В.А. Раевский***
Комментарий по теме
- 132 ***Д.Е. Сорокин***
Заключительное слово
- 135** **II МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-
ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «УРАЛ – XXI ВЕК:
РЕГИОН ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ»**
- 136 ***Я.П. Силин***
Стратегические доминанты новой индустриализации
в пространстве Уральского макрорегиона в XXI веке
- 163 ***А.В. Слудных***
Инновационное развитие высокотехнологич-
ного предприятия АО «ПО „УОМЗ“» в условиях
неоиндустриализации
- 185 ***Е.В. Попов***
Перспективы развития экономической науки на Урале
- 203 ***С.Г. Пьянкова, О.Т. Ергунова***
Тренды инновационного развития субъектов
Уральского федерального округа в условиях новой
индустриализации
- 223** **АНАЛИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ**
- 224 ***А.А. Мишин***
Иностранные вложения и сделки слияний
и поглощений как инструмент привлечения инвестиций
золотодобывающей компании

- 233 **М.В. Русакович**
Разработка механизма стратегического контроллинга
в управлении затратами промышленного
предприятия
- 248 **А.Н. Столярова, А.И. Колгушкин**
Особенности российской модели теневой экономики
в современных условиях хозяйствования
- 261 **А.А. Глумов, С.А. Шитиков**
Исследование межрегиональных хозяйственных связей
в пространстве макрорегиона (на примере Уральского
экономического района)
- 288 **Э.Р. Закирова**
Возможности финансово-экономической интеграции
в агропромышленном комплексе
- 297 **А.Ю. Коковихин**
Управление человеческими ресурсами в стратегических
проектах субъекта Федерации
- 310 **Д.А. Купряжкин**
Зазеркалье экономики виртуальной реальности
- 323 **К.С. Иванова**
Особенности интеграционных процессов стран –
участниц ЕАЭС в валютной сфере
- 342 **Д.А. Азаров, Д.М. Назаров**
Оценка влияния военно-промышленного комплекса на
экономический рост России
- 353 **Н.Ю. Власова**
Факторы и тенденции развития социально-
экономического пространства крупнейших российских
городов

- 365 **В.Н. Мамяченков**
Состояние рынка продовольственных товаров
Свердловской области в 1990 году (по материалам Центра
документации общественных организаций)
- 377 **А.В. Курдюмов**
Устойчивость системы продовольственной безопасности:
теоретико-методологический аспект
- 389 **В.А. Лазарев**
Баромембранная технология переработки молочной
сыворожки как фактор продовольственной безопасности
Уральского региона
- 403** **ПОРТРЕТЫ УЧЕНЫХ**
- 404 К 80-летию В.М. Полтеровича
- 408 К 65-летию В.Б. Крымова
- 412 **Требования к научным статьям для публикации**

Contents

21 SCIENTIFIC DISCUSSIONS

**ABALKIN READINGS ON THE FOLLOWING TOPIC:
“SMART TAX SYSTEM” VS. “BALANSED
BUDGET THEN AND THERE”**

23

D.E. Sorokin

Opening speech

25

A.O. Alekxnovich, K.M. Nikitin

«Smart» taxes

45

M.D. Abramov

«Smart» fiscal system provide with the doubling of budget income then and there

55

A.G. Aganbegyan

The tax system of Russia does not fulfill the motivating function and ceases to fulfill the fiscal one

62

S.Yu. Glazyev

Tax system maladjustments and the ways of their overcoming

69

N.P. Melnikova

Key directions of a «smart» tax system establishment and risks of their practical implementation

75

M.V. Yershov

The decrease of value added tax: some comments

79

N.N. Tyutyuryukov, G.B. Ternopolskaya

What tax system offers for the development of human capital

90

N.F. Zaruk

The influence of «smart» taxation system on russian agrarian policy

- 109 **R.S. Grinberg**
Comments on the following topic
- 115 **V.A. Rayevsky**
Comment on the following topic
- 132 **D.E. Sorokin**
Closing remarks
- 135 II INTERNATIONAL SCIENTIFIC-PRACTICAL CONFERENCE
“URAL – XXI CENTURY: A REGION OF INNOVATIVE
DEVELOPMENT”**
- 136 **Y.P. Silin**
Strategic keynotes of new industrialization in the ural
macroregion space in the 21ST century
- 163 **A.V. Sludnykh**
Innovative development of high-tech enterprise of JSC
«PO „UOMZ“» in the conditions of non-industrialization
- 185 **E.V. Popov**
Perspectives of economic science development in the Urals
- 203 **S.G. Pjankova , O.T. Ergunova**
Trends of innovative development of subjects of the Ural
federal district in the conditions of new industrialization
- 223 ANALITICAL ARTICLES**
- 224 **A.A. Mishin**
Foreign investments and m&a deals as investment generation
tool for a gold-mining company
- 233 **M.V. Rusakovich**
Development of the mechanism of strategic controlling
in the management of costs of an industrial enterprise

- 248 **A.N. Stoljarova, A.I. Kolgushkin**
Features of the russian model of the shadow economy
in the current conditions of management
- 261 **A.A. Glumov, S.A. Shitikov**
Economic interregional relations research
in the macroregional space (case of the Ural
economic Region)
- 288 **E.R. Zakirova**
Possibilities of financial and economic integration
in agro-industrial complex
- 297 **A.Yu. Kokovikhin**
Human resources management in strategy projects
of russian federation subjects
- 310 **D.A. Kupryazhkin**
Wonderland of the virtual reality economy
- 323 **K.S. Ivanova**
Features of the integration processes of the EEU member
countries in the monetary sphere
- 342 **D.A. Azarov, D.M. Nazarov**
Assessment of Russia's military-industrial complex
impact on the national economy growth
- 353 **N.Yu. Vlasova**
Drivers and trends of the socio-economic space
development of the largest russian cities
- 365 **V.N. Mamyachenkov**
Condition of the market of food goods
of the Sverdlovsk Region in 1990 (on materials
of the Center of documentation of public
organizations)

377

A.V. Kurdyumov

The stability of the system of food security:
theoretical and methodological aspect

389

V.A. Lazaryev

Baromembrane milk whey processing technology
as a factor of food security of the Ural Region

403**PORTRAITS OF SCIENTISTS**

404

To the 80th anniversary of V.M. Polterovich

408

To the 65th anniversary of V.B. Krymov

412

Scientific articles publication requirements

НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ

АБАЛКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ НА ТЕМУ: «УМНАЯ НАЛОГОВАЯ СИСТЕМА» VS «БЕЗДЕФИЦИТНЫЙ БЮДЖЕТ, ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС»

Нужно ли отменить НДС, будет ли введена прогрессивная шкала налогообложения и как связаны детеневи́зация и понижение налоговой ставки — эти и другие острые вопросы налоговой политики обсудили эксперты на Абалкинских чтениях, которые состоялись 30 ноября 2017 года в Вольном экономическом обществе России.

С основными докладами выступили:

Алехнович Анастасия Олеговна — руководитель Экспертного центра при Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, директор Института экономики роста им. Столыпина П.А.

Никитин Кирилл Михайлович — председатель Комитета по налоговой и бюджетной политике ООО «Деловая Россия», директор Центра налоговой политики экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Модератор Абалкинских чтений — Д.Е. Сорокин, вице-президент ВЭО России, научный руководитель ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», член-корреспондент РАН.

В настоящем разделе представлены статьи, в основу которых легли доклады спикеров Абалкинских чтений.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

OPENING SPEECH

Д.Е. СОРОКИН

Вице-президент ВЭО России, председатель Научного совета ВЭО России, научный руководитель ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», член-корреспондент РАН

D.E. SOROKIN

Vice-president of the VEO of Russia, chairman of the Scientific board of the VEO of Russia, scientific director of the Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Financial University under the Government of the Russian Federation», corresponding member of the Russian Academy of Sciences

Уважаемые коллеги! Тема сегодняшних чтений не просто актуальная, а затрагивающая буквально каждого, поскольку речь идет о налоговой системе, а ведь каждый так или иначе является налогоплательщиком, с одной стороны, и получателем денег из бюджета, который формируется в том числе из наших налогов, — с другой.

Сегодня у нас два ключевых докладчика. Это Анастасия Олеговна Алехнович, руководитель Экспертного центра при Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, и директор Центра налоговой политики эко-

номического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Кирилл Михайлович Никитин. Они представят нам разработки Института роста им. П.А. Столыпина. А затем в обычном режиме будут выступать участники наших чтений.

Анастасия Олеговна, пожалуйста, начинайте.

«УМНАЯ» НАЛОГОВАЯ СИСТЕМА

«SMART» TAXES

А.О. АЛЕХНОВИЧ

Руководитель Экспертного центра при Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, директор Института экономики роста имени Столыпина П.А.

A.O. ALEKHNOVICH

Head of the Expert Center under the Commissioner for the Protection of the Rights of Entrepreneurs under the President of the Russian Federation, Director of the Stolypin Institute for Growth Economy P.A.

К.М. НИКИТИН

Директор Центра налоговой политики экономического факультета Московского Государственного Университета

K.M. NIKITIN

Director of the Center for Tax Policy, Faculty of Economics, Moscow State University

АННОТАЦИЯ

Налоговая система в России сегодня не способна обеспечить условия для экономического роста, социально-экономического развития и устранения избыточного неравенства доходов насе-

ления, по сути, полноценно выполняется одна из трех основных функций – фискальная.

При этом Россия входит в группу стран с наиболее высокой налоговой нагрузкой, налоговая система подвержена постоянным изменениям, и субъекты предпринимательской деятельности не способны прогнозировать фискальную нагрузку даже в краткосрочном периоде

Низкий уровень доходов населения и рентабельности бизнеса, недостаточные налоговые доходы бюджета и большой государственный и теневой сектор являются основными факторами, которые необходимо учитывать при подготовке и проведении реформы системы налогообложения.

В основе новой налоговой системы должен лежать анализ Big Data на базе новейших технологий, она должна быть комплексом мер по установлению оптимального уровня изъятия из экономики. В целях эффективного выполнения стимулирующей функции налоговую политику необходимо синхронизировать с основными этапами выхода на высокие стабильные темпы экономического роста за счет снижения сырьевой зависимости и диверсификации экономики. Также необходимо полноценно реализовать и выравняющую неравенство в доходах функцию между группами населения, отраслями и регионами. Необходимо создать новую, умную налоговую политику.

ABSTRACT

Russian tax system is not capable of providing essential conditions for stable economic growth and social and economic development, as well as of reducing income inequality.

Russian Federation is among countries with world's highest tax burdens. Tax system is subjected to constant changes. It is impos-

sible for business ventures to plan tax burdens even in short-term period.

Low levels of households' income and business profitability, insufficient government tax revenues do not allow for undertaking tax system reforms.

New tax system should be based on the analysis of big data.

It should encompass a set of measures ensuring optimal imposition of taxes. To ensure efficiency of stimulating function of the tax system, tax policy should be synchronized with the main stages of social and economical development program "Growth Strategy", which is aimed at increasing population's welfare and living standards, as well as supporting main sources of economic growth. It is vitally important to create new smart tax system.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Умная налоговая система, налогообложение, экономический рост.

KEYWORDS

Smart taxes, Taxation, Economic Growth.

ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ

По итогам послания Президента в декабре 2016 г. Правительству Российской Федерации было дано поручение разработать основные направления налоговой политики на 2019 и последующие годы. На сегодняшний день Министерство финансов и Министерство экономического развития подготовили отдельные предложения по изменению налоговой системы, однако целостной концепции представлено пока не было.

Экспертный центр при Уполномоченном по защите прав предпринимателей отметил значительное ухудшение ситуации по выполнению задачи, поставленной Президентом, в части неповышения уровня налоговой нагрузки на предпринимателей. Осложнилась ситуация в регионах, связанная с дисбалансом налогово-бюджетной системы.

Притом что за последние годы Федеральная налоговая служба добилась значительных успехов в упрощении администрирования (за счет перевода отчетности в электронный вид, развития сервиса «личного кабинета» на сайте ФНС и т.д.), в целом налоговая система не является оптимальной с точки зрения баланса ключевых функций: фискальной, распределительной и стимулирующей. В настоящее время заметен очевидный перекося в сторону функции наполнения бюджета в ущерб прежде всего функции стимулирования устойчивого экономического роста.

Сегодня Россия входит в группу стран с наиболее высокой налоговой нагрузкой (на 7,2 п.п. выше, чем в среднем по миру). Общая налоговая нагрузка включает в себя налог на прибыль, налог на фонд оплаты труда, прочие налоги. По данным исследований PwC, в России общая налоговая нагрузка в 2007–2016 гг. снизилась с 51,4 до 47,4%, при этом нагрузка на ФОТ выросла на 4,3 п.п. и достигла 36,1% (рис. 1.1). В среднем по миру за этот период налоги на труд сократились с 18,2 до 16,3%. По налоговой нагрузке на ФОТ Россия в 2,2 раза превышает среднемировой показатель. Низкий уровень

доходов населения, низкая рентабельность бизнеса и низкий уровень налоговых доходов бюджета из-за спада в экономике не позволяют существенно изменять налоговую систему (низкая база — нет пространства для маневра).

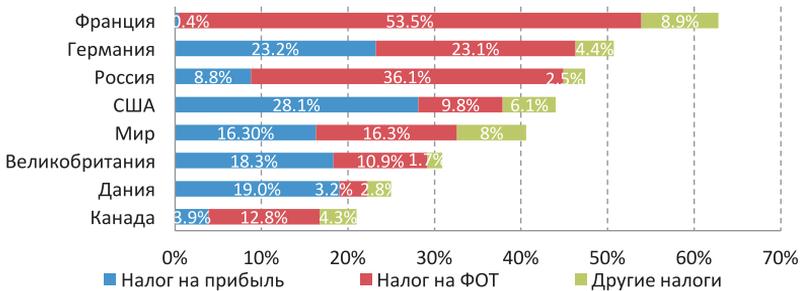

Рис. 1.1. Налоговая нагрузка на предприятия в 2016 г.

Источник: PwC, paying taxes 2008–2017

Доля государственной экономики выше, чем в других странах, то же касается и «теневого» сектора. Все это снижает доходы консолидированного бюджета, а также увеличивает нагрузку на частные законопослушные предприятия.

Российская бюджетная система отличается высокой степенью централизации — значительная часть доходов поступает в федеральный бюджет. При этом доля налоговых доходов в муниципальных и региональных бюджетах крайне низка (рис. 1.2, 1.3), что ставит их в зависимость от межбюджетных трансфертов и лишает мотивации к созданию условий для развития бизнеса. С 2004 по 2015 гг. доля налоговых доходов со-

кратилась с 52,4 до 28,6%. На Москву в 2016 г. приходится 27% налоговых поступлений, администрируемых ФНС (рис. 1.4).

Усилия федеральных и региональных органов власти по созданию условий для развития МСП фактически сводятся на нет муниципальными органами, не мотивированными к развитию малого бизнеса. Так, муниципальное образование зависит исключительно от трансфертов, а не от налоговых поступлений от бизнеса.

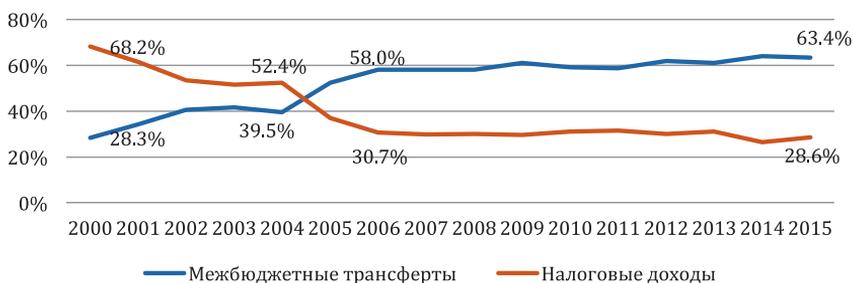

Рис. 1.2. Структура доходов местных бюджетов в России, %

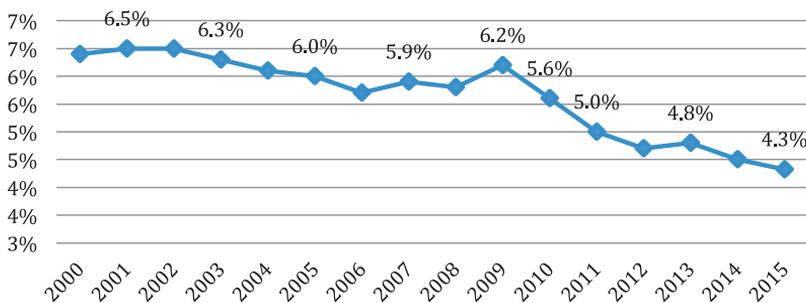

Рис. 1.3. Доля доходов местных бюджетов в ВВП России, %

Источники: Минфин РФ, расчеты Института экономики роста

Кроме того, общая налоговая нагрузка и вес отдельных налогов очень существенно отличаются в зависимости от вида бизнеса и его размера. 77% налогов юридических лиц, администрируемых ФНС, поступают от крупных предприятий. Более четверти объема налогов юридических лиц приходится на сектор добычи полезных ископаемых, и почти треть — на секторы посреднических услуг (операции с недвижимостью, торговля). Также налоговая нагрузка на крупные предприятия ниже, чем на сектор МСП (рис. 1.5, 1.6).

Рис. 1.4. Региональная структура налоговых поступлений в России в 2016 г., %

Существующие системные проблемы не позволяют налоговой системе решать задачу стимулирования экономического роста, а также свою функцию выравнивания уровня жизни различных социальных групп и межрегиональных различий в уровне доходов.

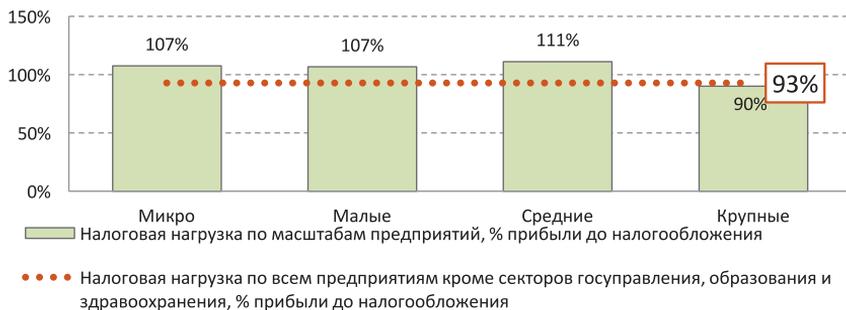

Рис. 1.5. Налоговая нагрузка (по налогам, администрируемым ФНС) на предприятия (юридические лица на ОСН) по масштабам предприятий в 2016 г., % прибыли до налогообложения

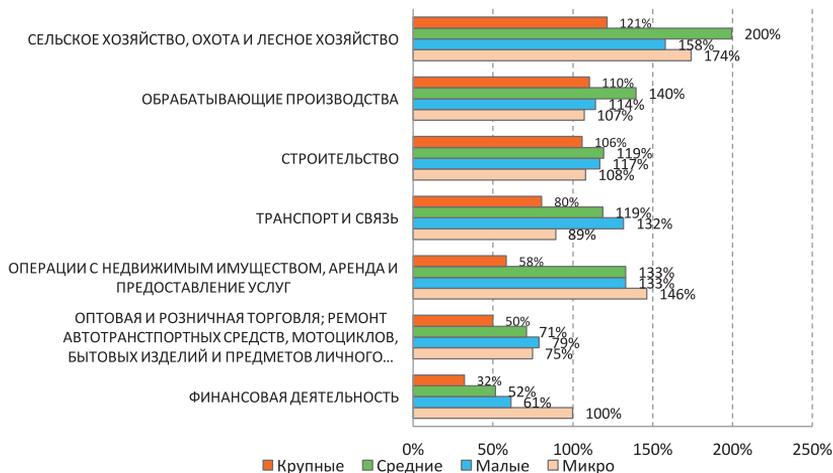

Рис. 1.6. Налоговая нагрузка (по налогам, администрируемым ФНС) на предприятия (юридические лица на ОСН) по видам экономической деятельности [топ-7 по занятости] и масштабам предприятий в 2016 г., % прибыли

Источники: ФНС, расчеты Института экономики роста

Сохраняется приоритет краткосрочных фискальных целей над увеличением постоянных доходов бюджета в средне- и долгосрочном периоде. Это выражается в высокой налоговой нагрузке и росте числа неналоговых платежей.

Чрезмерная централизация налоговой системы приводит к концентрации налогов в столицах и изъятию больших сумм из бюджетов регионов, которые не всегда компенсируются за счет трансфертов. Малая часть налоговых доходов остается на региональном и местном уровнях, что лишает регионы и муниципалитеты мотивации в создании условий для развития бизнеса, борьбе с теневым сектором. 88% регионов — дотационные.

В России фактически действует регрессивная шкала налогообложения доходов. Помимо 13% НДФЛ, на доходы граждан начисляются страховые взносы, эффективная ставка которых составляет 30% для дохода менее 815 тыс. руб. в год и постепенно снижается с ростом дохода. Для граждан с высоким доходом нагрузка ниже.

Также из зарплат население платит 18% НДС на большую часть товаров и услуг.

Из-за несовершенства конкуренции торговая наценка на потребительские товары в России в 2–3 раза выше, чем в Европе (оценки ФАС).

Налоговая нагрузка на физических лиц и на труд не является льготной в сравнении с другими странами. Налоговая нагрузка на фонд оплаты труда в России в 2,3 раза выше среднемирового показателя. При

этом с 2007 г. средняя нагрузка на ФОТ снижалась, хотя в России она продолжала расти, что может служить стимулом для дестимулирования высокопроизводительных рабочих мест (рис 1.7).

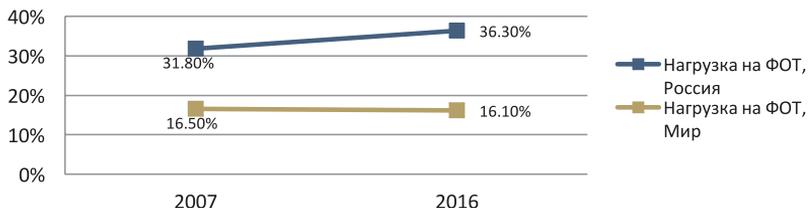

Рис 1.7. Изменение налоговой нагрузки в 2007–2016 гг., % прибыли

Источник: PwC, расчеты Института экономики роста

Крупный бизнес (в том числе сырьевой) имеет дополнительные преференции. Высокие налоги на труд малообеспеченных слоев населения и сравнительно низкие на верхнюю дециль шкалы доходов. Несмотря на низкий плоский НДС, социальные налоги одни из самых высоких в мире, поэтому 25% зарплат находятся в тени.

МСП не получает необходимые средства для развития в силу избыточного уровня изъятия из экономики. Наряду с высокой фискальной нагрузкой (особенно на ФОТ) в России происходит изъятие средств предприятий (и граждан) через завышенную процентную ставку по кредитам, которая в 2016–2017 гг. была значительно выше инфляции. Высокая доля прибыли взимается с производственного сектора через завышенные ставки корпоративных налогов при заниженных став-

ках косвенных налогов на потребление и природную ренту.

Как уже отмечалось, основное налоговое бремя несет законопослушный частный бизнес. Большой теневой сектор МСП, офшорный сектор крупных компаний и государственный сектор (который может компенсировать налоги за счет повышения цен и тарифов/сокращения дивидендов и пр.) испытывают меньшее давление налоговой нагрузки. Уровень налоговой нагрузки в российском корпоративном секторе выше среднемирового.

Система налоговых льгот неэффективна и не достигает поставленных целей, отсутствует методика оценки эффективности исходя из их результативности (роста налогооблагаемой базы, а не просто объема выпадающих доходов). При этом государственные предприятия имеют специальные льготы. Существует также большое количество неэффективных, не мотивирующих к развитию льгот. Кроме того, не удается стабилизировать налоговую систему. Ежегодно в Налоговый кодекс принимаются десятки изменений, в том числе не анонсированных заранее (в рамках Основных направлений налоговой политики, Послания Президента и пр.).

Сегодня приоритетными остаются доходы государства, а не граждан и бизнеса. Текущая налоговая политика усугубляет социальное неравенство. По сути, сегодняшняя система налогообложения — в целом примитивный инструмент по изъятию средств из экономики в пользу консолидированного бюджета. Текущая

налоговая политика выполняет в основном фискальную функцию и не дает возможности контролировать соблюдение баланса между объемом изъятий и средствами к развитию, а также соблюдение правил устойчивого социального развития.

Ключевая задача новой налоговой политики — создание умной налоговой системы, которая будет стимулировать рост экономики. Новая налоговая система должна основываться на анализе Big Data, на базе новейших технологий и быть комплексной системой по установлению оптимального уровня изъятия. Ориентируясь на показатель налоги/прибыль, она должна одновременно проводить изъятие сверхнормативной прибыли и налоговое стимулирование отраслей, секторов и регионов, даже кластеров (но не отдельных компаний), имеющих наибольший мультипликативный эффект на экономику и значение для долгосрочного роста и для решения социальных задач.

Чтобы новая налоговая политика эффективно выполняла стимулирующую функцию, она должна быть синхронизирована с основными этапами стратегии социально-экономического развития «Стратегия роста» и стимулировать приоритетные источники роста.

Рост будет происходить за счет привлечения высокотехнологических инвестиций, в связи с этим необходимо налоговое стимулирование модернизации и повышение производительности труда, создание новых высокопроизводительных рабочих мест у отечественных производителей, развитие предпри-

нимательской активности, необходим выход бизнеса из тени, а также диверсификация экономики и снижение сырьевой зависимости доходов бюджета, с приоритетом на высокотехнологическом производстве.

Цели и принципы новой налоговой реформы

К основным целям реформы налоговой системы можно отнести стимулирование экономического роста, социально-экономического развития и выравнивание избыточного неравенства доходов, препятствующего первым двум целям. Важно обеспечить общее снижение налоговой нагрузки (до 35% от прибыли); детеневизацию и деофшоризацию МСП; стимулирование модернизации и повышение производительности труда и, как следствие, рост налогооблагаемой базы. Также ключевыми параметрами реформы являются отраслевая и региональная диверсификации (повышение нагрузки в отраслях и регионах с избыточной доходностью и снижение — в депрессивных и перспективных регионах); ликвидация излишней нагрузки и неравенства в доходах населения; налоговое и бюджетное стимулирование властей различного уровня к привлечению инвестиций; перераспределение доходов между различными уровнями бюджетов.

Налоговая реформа должна проходить в два этапа.

Целью первого этапа является увеличение налоговой базы за счет снижения налоговой нагрузки на несырьевой сектор экономики, стимулирования роста производственных МСП, создания условий для выхода

бизнеса из тени и ликвидации избыточного неравенства в доходах населения.

Предлагается 5 групп решений: для микро- и малого бизнеса, мер, направленных на модернизацию и рост производительности труда, устранение социального неравенства, распределение доходов между уровнями бюджетов, обеспечение стабильности налогового законодательства.

В целях поддержки микро- и малого бизнеса в рамках концепции новой налоговой политики предлагается принятие закона, устанавливающего статус самозанятого как ИП без права найма, вводя фактически уведомительный характер регистрации, патент до 20 тыс. руб. в год. Для выравнивания условий ведения деятельности недобросовестного и добросовестного бизнеса при неповышении налоговой нагрузки на последнего предполагается введение торгового сбора при условии зачета других налоговых начислений в том же объеме.

Модернизацию и рост производительности труда возможно обеспечить за счет повышения конкурентоспособности и роста производительности труда развивающихся малых и средних производственных компаний, установив пониженную ставку страховых взносов (14%) для производственных предприятий, создающих ВПРМ; повысив коэффициент (с 1,5 до 2) к расходам на НИОКР, уменьшающим налогооблагаемую прибыль. Также предполагается введение нулевой ставки НДС по проектной (инжиниринговой) и дизайнерской деятельности, разработке и продаже

программного обеспечения, т.е. для тех видов деятельности, которые невозможно ограничить таможенными барьерами.

Третья группа мер, направленных на социальное выравнивание, включает в себя отмену порога по уплате страховых взносов (796 тыс. руб. в 2016 г.), включение в базу для расчета налогового вычета всего объема налогов и страховых взносов, уплачиваемых физическим лицом (например взносы в негосударственные пенсионные фонды), снижение ставок страховых взносов в ФОМС для работодателей, предоставляющих работникам ДМС (идентичное покрытие по ОМС). При этом необходимо вернуть адресность уплаты страховых взносов выше законодательно установленных пределов годового дохода физического лица.

Четвертая группа решений предлагает механизмы по распределению доходов между уровнями бюджетов. Необходимо предоставить право субъектам РФ — в дополнение к акцизам — вводить налог с продаж на алкогольную и табачную продукцию. Поступления от НДС должны быть распределены на 50% в федеральный бюджет и на 50% — в региональные. Муниципальная часть НДС выплачивается в бюджет по месту указанного работником места жительства.

Обеспечения стабильности налогового законодательства можно добиться за счет введения нового бюджетного правила — в случае роста налоговых доходов возвращать 50% прироста в экономику за счет снижения ставок или предоставления дополнительных

целевых льгот. Например, снижение ставки НДС до единой — постепенно, пропорционально росту собираемости (достигнутому за счет внедрения АСК НДС-2, улучшения качества администрирования) НДС к базовому уровню 2015 г., с поправкой на инфляцию. Также внедрение таких мер, как упрощение системы всех видов отчетности, толкования всех неясностей и неточностей в пользу налогоплательщика и отмены штрафов и пеней, если налоговые органы неправильно разъясняют Налоговый кодекс.

Одним из важнейших элементов проведения первого этапа налоговой реформы является создание информационно-аналитической системы «Электронная экономика 1.0», которая базируется на сборе данных о развитии отдельных субъектов предпринимательской деятельности, групп предприятий, отраслей и регионов по принципу администрирования. База данных должна иметь доступ к источникам данных ФНС, ФТС, Казначейства, внебюджетных фондов. При этом важно, что данные должны предоставляться в обезличенном агрегированном виде с учетом норм ст. 102 НК РФ «Налоговая тайна». Данная система не призвана заменить официальную систему государственной статистики, ее задача — дополнить имеющуюся систему в соответствии с лучшими международными практиками в этой сфере.

С точки зрения сопоставимого анализа наибольшее значение будут иметь структурные характеристики экономики (добавленная стоимость, выручка, при-

быль, оплата труда и т.д.), отраженные в данных налогового учета.

Располагая данными о выпуске, налоговых поступлениях и фонде оплаты труда, ФНС России предоставляет органу, ответственному за экономическое развитие, следующие статистические данные:

- Выпуск в текущих ценах.
- Финансовый результат.
- Налоговые поступления по видам налогов.
- Фонд оплаты труда и налогообложение ФОТ.
- Стоимость недвижимого имущества по видам.
- Добавленная стоимость.
- Занятость.
- Количество высокопроизводительных рабочих мест.
- Инвестиционная активность.
- Данные о продажах по видам продукции АСК НДС-2 и др.

Данные анализируются на предмет доходности и перспектив роста по отраслям и регионам. Вырабатываются меры налоговой, тарифной таможенной политики, исходя из задач стимулирования экономического роста и наполнения доходов бюджета.

В ходе реализации второго этапа должна состояться тонкая настройка налоговой системы, направленная на устранение диспропорций и эффективное перераспределение ресурсов с целью обеспечения устойчивого роста экономики. В рамках второго этапа возможно усложнение налоговой системы: применение налоговых

новаций, которые в купе с использованием новейших технологий (анализа больших данных) позволяют устанавливать оптимальный уровень изъятия из экономики с целью стимулирования экономического роста в новых отраслях и депрессивных регионах.

Переход ко второму этапу возможен при достижении целевых показателей стимулирования экономического роста и достижении целей первого этапа налоговой реформы.

Налоговая политика должна в первую очередь стимулировать привлечение высокотехнологических инвестиций. В связи с этим необходимо провести налоговое стимулирование модернизации и повышения производительности труда, создания новых высокопроизводительных рабочих мест у отечественных производителей. Важно обеспечить условия для развития предпринимательской активности и выхода бизнеса из тени, добиться диверсификации экономики и снижения сырьевой зависимости доходов бюджета с приоритетом на высокотехнологическом производстве.

Реализация налоговых предложений, содержащихся в среднесрочной программе социально-экономического развития страны «Стратегии роста», позволит мобилизовать дополнительный приток инвестиций в размере 1,5–2 трлн руб. в год. Суммарный эффект от предложенных мер, выраженный в дополнительном приросте темпов ВВП (рис. 1.8), составит 0,7 п.п. в год на первом этапе (2017–2019 гг.) и 1,4 п.п. — на втором этапе (2020–2025 гг.). Прирост потребления домохо-

зайств и государства, инвестиций, а также прирост доходов консолидированного бюджета по вариантам представлены на рис. 2–2.3.

Рис. 1.8. Прирост ВВП по вариантам, %

Источник: расчеты ИНП РАН

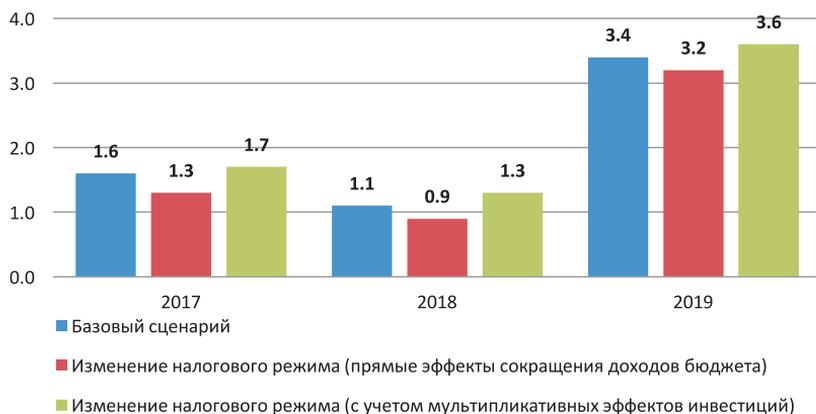

Рис. 2. Прирост потребления домохозяйств по вариантам, %

Источник: расчеты ИНП РАН

Рис. 2.1. Прирост госпотребления по вариантам, %

Источник: расчеты ИНП РАН

Рис. 2.2. Прирост инвестиций по вариантам, %

Источник: расчеты ИНП РАН

Рис. 2.3. Консолидированный бюджет по вариантам в 2017–2025 гг.

Источник: расчеты ИНП РАН

«УМНАЯ» НАЛОГОВАЯ СИСТЕМА ОБЕСПЕЧИТ УДВОЕНИЕ ДОХОДОВ БЮДЖЕТА ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС

«SMART» FISCAL SYSTEM PROVIDE WITH THE DOUBLING OF BUDGET INCOME THEN AND THERE

М.Д. АБРАМОВ

Президент Автономной некоммерческой организации «Экспертно-аналитический Центр по модернизации и технологическому развитию экономики», к.т.н.

M.D. ABRAMOV

President of the Autonomous Non-Commercial Organization «Expert-Analytical Center for Economy Modernization and its Technological Development», Cand.Sc. {Engineering}

АННОТАЦИЯ

В докладе показано, что существующая налоговая система делает производство в России невыгодным и разрушает промышленность. При этом собираемость налогов не превышает 50%. Даны рекомендации по совершенствованию подоходного

налогообложения, налога на добавленную стоимость, налогового администрирования, сбора таможенных налогов и взносов и повышению эффективности изъятия природной ренты. Реализация предложенных рекомендаций даст федеральному бюджету дополнительные доходы от 8,0 до 11,0 трлн руб. ежегодно.

ABSTRACT

The report shows the existing fiscal system makes production in Russia unprofitable and destroys the industry. At the same time, the fiscal performance does not exceed 50%. There are also recommendations for improving income taxation, value added tax, tax administration, collection of customs taxes and fees and the natural rents withdrawal efficiency respectively. The implementation of such recommendations will ensure the Federal Budget additional revenues from 8.0 to 11.0 trillion rubles annually.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Налоговая система, прогрессивная шкала, налог на добавленную стоимость, таможенные пошлины, природная рента.

KEYWORDS

Fiscal system, progressive taxation scale, VAT (value-added tax), custom duties, resource rent.

Сегодня российская налоговая система неумная, так как она делает производство в России невыгодным и разрушает российскую промышленность. Налоговые законы сложны, запутаны и несправедливы. Собираемость налогов не превышает 50%. Система сбора таможенных налогов и пошлин крайне неэффек-

тивна. Система налогообложения добычи и экспорта полезных ископаемых требует реформирования.

Теперь на этих проблемах остановлюсь более подробно.

В России производить невыгодно. Этот тезис звучал здесь неоднократно. Возьмем, например, модельное предприятие, предложенное Минфином в «Основных направлениях налоговой политики», и посмотрим, что будет, если применить к нему американскую налоговую систему. Учтем, что в США нет НДС и налога на имущество предприятий; доход работников до 9 тыс. долларов в год налогом не облагается; у них социальные сборы — 13,3% против наших 30%; прибыль до 2 миллионов долларов в год, которая инвестируется в производство (идет на покупку оборудования), исключается из налогооблагаемой базы и налогом на прибыль не облагается. В результате получается, что в США налоговая нагрузка в восемь раз ниже, чем в России. Аналогичная картина при сопоставлении с другими странами.

Поскольку работать невыгодно, промышленность разрушается. Производство многих видов продукции сократилось в десятки раз по сравнению с советским временем. Например, в 2015 г. производство ткацких станков, экскаваторов, бытовых пылесосов, шерстяных тканей, согласно Росстату, составило от 0,23 до 1,9% относительно уровня 1990 г.; производство тракторов, металлорежущих станков, часов всех видов, кузнечнопрессовых машин, мотоциклов — от 3,0 до 4,8%. С другими видами продукции дела ненамного лучше.

Численность работников машиностроения сократилась с 9,7 млн чел. в 1990 г. до 2,6 млн чел. в 2013 г., т. е. на 73% или в 3,7 раза. Казалось бы, дальше некуда. Если аппроксимировать кривые снижения производства тех или иных подотраслей, можно по каждому производству определить, через сколько лет оно полностью прекратится. Некоторые прекратятся через год, некоторые — через два, некоторые — через пять.

Собираемость налогов в России не превышает 50%. Как мы это определили? Например, подоходный налог и социальные сборы в 2015 г. были собраны с налоговой базы 22 триллиона рублей, а доходы населения, согласно Росстату, составили около 50, это то, что они посчитали, на самом деле больше. Другой пример: НДС был собран с налоговой базы 18 триллионов рублей, а добавленная стоимость, подлежащая обложению НДС, согласно Росстату, составляла 58 триллионов рублей.

Одни уклоняются от налогов, чтобы выжить, а другие — из принципа: зачем платить, если можно не платить?

Но налоговая служба с каждым годом работает эффективней. Если они всерьез применят уже разработанную систему АСК НДС-2 и другие новинки, то многие производственные предприятия закроются. Чтобы этого не произошло, надо создать нормальную налоговую систему, сделать ее умной.

Прежде всего надо совершенствовать систему подоходного налогообложения. И кто бы что бы ни говорил, пока у нас не будет прогрессивной шкалы, ничего хоро-

шего не будет, и весь мировой опыт это подсказывает. В России налоговая нагрузка на малые и средние доходы физических лиц существенно выше, чем в других странах. Например, необлагаемый налогом доход в Германии составляет 46 тыс. руб. в месяц, в США — 45 тыс. руб., во Франции — 32 тыс. руб., в Китае — 35 тыс. руб. Если бы при сегодняшних зарплатах в России была французская или китайская шкала, то от налога было бы освобождено по меньшей мере 60% населения, а если бы немецкая или США — то 70–80% населения.

Совершенствование подоходного налога и связанная с ним реформа оплаты труда — одно из обязательных направлений налоговой и промышленной политики. При этом, по мнению ученых Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН, «необходимой предпосылкой является осознание того, что рыночная реформа заработной платы и сопутствующие ей изменения — это не борьба с бедностью, а борьба за эффективность производства»¹.

Мы предлагаем для России прогрессивную шкалу со следующими ставками:

Годовой доход, руб.	Ставка налога
До 240 000 (20 тыс. руб./мес.)	0
Свыше 240 000 до 3 000 000 (250 тыс. руб./мес.)	13
Свыше 3 000 000 до 12 000 000 (1 млн руб./мес.)	30
Свыше 12 000 000 млн руб.	50

¹ Долгосрочный прогноз развития экономики России на 2007–2030 гг. — М.: Институт народно-хозяйственного прогнозирования РАН, 2007.

Предлагаемая шкала почти не затронет средний класс. При этом половина населения будет освобождена от уплаты налога. Увеличение налоговой нагрузки почувствуют 2–3% населения. При этом доходы бюджета вырастут на 1,5–2,0 трлн руб.

Одновременно с введением прогрессивной шкалы НДФЛ необходимо обеспечить эффективное администрирование этого налога и навести элементарный порядок с оценкой труда служащих предприятий с государственным участием. Например, можно принять закон, согласно которому доход руководителей предприятия не может превышать средний доход по предприятию больше, чем в 5–10 раз.

Большие резервы совершенствования имеет НДС.

Анализ собираемости НДС показал, что при номинале 18% реальная эффективная ставка НДС в 2015 г. не превышала 4,28%. Расчет простой: сумму собранного НДС, указанную ФНС в Форме 1-НОМ, делим на добавленную стоимость облагаемой НДС продукции, указанную Росстатом, и получаем собираемость НДС менее 30%. Кто-то скажет, что так считать нельзя. Но собираемость НДС 22,1% получена на примере анализа реальных отчетных данных одной из областных налоговых инспекций России.

Данные² министра финансов А. Силуанова о собираемости НДС 94% явно преувеличены. В Европейском союзе собираемость НДС не превышает 75–80%.

² «Силуанов пообещал „непопулярные решения“ по налогам», РБК, 2014, <https://www.rbc.ru/economics/14/07/2014/57041f409a794760d3d3ff51>.

Мы предлагаем ввести показатель «добавленная стоимость» в качестве налоговой базы НДС и основного отчетного показателя деятельности предприятия. Добавленная стоимость в расчетном периоде равна валовой выручке предприятия от продажи всех товаров и услуг минус расходы на закупки товаров и услуг (включая и закупки основных средств) от других бизнесов. Мы предлагаем установить единую ставку НДС, равную 8%; сократить число льгот по НДС; НДС к уплате считать «прямым» способом как произведение добавленной стоимости и ставки налога; по опыту Китая, отменить или существенно снизить ставку возмещения НДС при экспорте сырья; 50% НДС оставлять регионам, что компенсирует им потери при введении предлагаемого нами необлагаемого подоходным налогом минимума в 20 тыс. руб./мес.

Реализация мер совершенствования НДС улучшит предпринимательский климат: упростится администрирование, снизится налоговая нагрузка на предприятие и ему будет безразлично, является ли плательщиком НДС его поставщик и насколько честно он платит НДС в бюджет. Кроме того, будут снижены розничные цены, сократится число дотационных регионов, повысится собираемость НДС с 30 до 90%, и бюджет получит дополнительно от 2,0 до 2,5 трлн руб. ежегодно.

Существенного совершенствования требует налоговое администрирование. У меня жена — бухгалтер. Я говорю: «Распечатай мне квартальный отчет по

НДС». Она попыталась распечатать; на экране ПК появилась картинка с текстом: «Объем — 1444 страницы. Печатать нецелесообразно. Продолжить?» Спасибо, не надо! А ведь это для малого производственного предприятия общей численностью 12 человек. Мы предлагаем форму налоговой декларации на одной странице со всеми налогами. Так сделано, например, в Швеции, где предприятие получает заполненную декларацию от налоговой инспекции. Если возражений нет — директор подписывает и отправляет обратно или пишет обоснованные возражения. С учетом наличия у ФНС систем АСК НДС-2, онлайн-касс и др. в России можно было бы сделать то же самое.

Необходимо навести порядок во внешней торговле. Поступления от таможи составляют около 50% доходов ФБ РФ. Вместе с тем таможня дает половину от того, что должна давать. Это мы установили, выполнив по заданию Комитета Государственной думы по транспорту НИР «Администрирование внешнеторговых грузопотоков». По итогам нашей работы в 2015 г. в Думе создали комиссию высокого уровня и обнаружили, что в 2013 г. бюджет недополучил 2,5 трлн рублей из-за неполучения таможенных пошлин. Основные потери связаны с продажей продукции за рубеж своим фирмам по заниженной цене; а те продают ее конечному покупателю по рыночной цене. Это легко выявить с помощью общедоступной «зеркальной статистики», суть которой состоит в том, что сравнивается информация продавца и покупателя о проданном и полученном товаре.

Например, по данным ФТС, Россия в 2015 г. поставила в США нефтепродукты на 3,1 млрд долл., а по данным США, они получили из России эти товары на 9,0 млрд долл. Соотношение данных по нефтепродуктам с Германией составляет 10,9 млрд и 27,1 млрд долл.

Меры, предлагаемые для уменьшения контрабанды и коррупции, очень простые: Федеральная таможенная служба с применением «зеркальной статистики» должна обосновывать и подтверждать документами разницу своих данных и данных, представляемых странами-партнерами.

Необходимо повысить эффективность изъятия природной ренты. Здесь у нас тоже большие резервы. Следует изменить порядок взаимодействия российского государства с добывающими компаниями: право добычи нефти, газа и др. следует давать компаниям на конкурсной основе с фиксированной платой за единицу добываемого ими сырья. При этом сырье остается в собственности государства, которое продает его по разумным ценам без использования офшоров и посредников. На таких условиях наши компании («Лукойл», «Газпромнефть» и др.) работают за рубежом. Тогда наши компании будут заинтересованы в снижении издержек производства и повышении производительности труда. В результате реализации этой меры можно будет снизить вдвое тарифы на энергоресурсы (бензин, дизтопливо, электроэнергию, тепло и т.д.). Одновременно дополнительные доходы бюджета составят 2,0–2,5 трлн руб. ежегодно.

Таким образом, можно утверждать, что реализация наших рекомендаций улучшит предпринимательский климат в России и даст бюджету дополнительные доходы от 8,0 до 11,0 трлн руб. ежегодно.

К сожалению, мы пока не смогли найти тех, кому это нужно. Свои предложения мы направляли и Президенту, и Правительству, и в Думу. От всех получили отписки.

НАЛОГОВАЯ СИСТЕМА РОССИИ НЕ ВЫПОЛНЯЕТ СТИМУЛИРУЮЩУЮ ФУНКЦИЮ И ПЕРЕСТАЕТ ВЫПОЛНЯТЬ ФИСКАЛЬНУЮ

THE TAX SYSTEM OF RUSSIA DOES NOT FULFILL THE MOTIVATING FUNCTION AND CEASES TO FULFILL THE FISCAL ONE

А.Г. АГАНБЕГЯН

Заведующий кафедрой экономической теории и политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, академик РАН

A.G. AGANBEGYAN

Head of the Economic Theory and Policy Department of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Sciences

АННОТАЦИЯ

Рассматриваются две основные функции налоговой системы – фискальная и стимулирующая. Первая с учетом сложившейся экономической ситуации фактически не выполняется. Вторая просто как таковая отсутствует. По мнению автора, нужны коренные изменения в налоговой системе. При разработке новой системы должны быть привлечены разные специалисты. Также автор отмечает, что поскольку инвестиции являются главным фактором экономического роста, то с помощью налоговой системы необходимо стимулировать их рост.

ABSTRACT

This article considers two main functions of the tax system which are fiscal and motivating respectively. The first one is almost not working in the view of current economic situation. The second is simply not existing at all. In the author's opinion, tax system is craving for some radical changes. Different specialists are required for new system development. There was also noted that investments are the main factor of economic advance, so it is necessary to spark their growth through the tax system.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Социально-экономическое развитие, инвестиции, экономический рост, бюджет, налоговая система, налоговая нагрузка, инвестиции в человеческий капитал.

KEYWORDS

Socio-economic development, investment, economic advance, budget, tax system, tax burden, investment in human capital.

Уважаемые коллеги, в кризис 2008–2009 гг. условия нашего социально-экономического развития коренным образом изменились. Мы перестали развиваться в значительной мере за счет роста цен на нефть, как развивались десятилетие до этого, когда цена на нефть выросла, как вы знаете, в восемь раз с 1998 по 2008 г. Налоговая же система осталась ориентированной на старые условия, и поэтому в современных условиях она несостоятельна, с моей точки зрения, и не выполняет ни одной функции из тех, которые должна выполнять.

Налоговая система прежде всего выполняет известную фискальную функцию, она должна обеспечивать бюджет. У нас растет валовый продукт, а сумма налогов сокращается. Между тем за эти годы валовый продукт не снизился. До 2020 г. бюджет в рублях расти не будет, а с учетом инфляции он вообще сокращается. Прогнозируется рост валового продукта на уровне 4% до 2020 г. Я не говорю о 3% в одном 2020 г. Что значит «бюджет сокращается»? Он тянет экономику вниз. Значит, налоговая система не выполняет даже фискальную функцию. И понятно, почему. Нельзя сделать налоговую систему, где 40% налогов поступает от одного продукта — нефти. В этом случае вы полностью зависите от цены на нее. Поэтому если она снизится даже немного (а валовый продукт растет, естественно, не за счет нефти, доля нефти в валовом продукте ведь совсем другая, чем в налоговой системе), то валовый продукт может расти и без нефти, не за счет нее, естественно. Это первая функция.

Вторая функция налоговой системы — стимулирующая. Понятно, что если вы поручите сделать налоговую систему фискальному ведомству, то о каком стимулировании может быть речь? Это все равно что уголовный кодекс попросить написать полицию. Никому в голову это не придет. А по налоговой системе пришло. Ни в одной стране минфин никогда не разрабатывал налоговую систему. Налоговая система — это основа экономики страны, и в ее разработке должны участвовать представители разных течений, специалисты из разных отраслей. Налоговая система — это очень важная система, и она должна разрабатываться какой-то общегосударственной комиссией.

Стимулирование. Вы помните, что до 2002 г. включительно существовала льгота по налогу на прибыль на капвложения, так называемая «инвестиционная» льгота. Затем ее отменили. Какое получилось стимулирование?

Инвестиции — это главный фактор экономического роста. Их невозможно увеличивать, если государство с сумм инвестиций берет еще и налог. Оно тем самым показывает: не инвестируй. Мы довели долю инвестиций в валовом внутреннем продукте сейчас до самого низкого уровня в мире — 17%. Развитые страны имеют 20%. При 20-процентных инвестициях и при доле вложений в человеческий капитал, в экономику знаний в 30% они развиваются в 1,5–2 раза быстрее. Как должна развиваться страна, у которой доля инвестиций в ВВП 17%, а доля вложений в человеческий капитал — 13? Не 30, а 13. Очевидно, что при таких параметрах,

если цена на нефть не будет расти, мы будем развиваться с нулевым ростом. Какой может быть рост при таких показателях?

Если мы хотим развиваться, то у нас есть два главных источника — инвестиции в основной и человеческий капитал. Это 80% от всех источников развития. Остальные 20% — эффективное использование, без финансирования экономического роста, при старых фондах. И это очень ограниченный источник. И если мы сейчас не будем стимулировать инвестиции, то какой может быть форсированный рост инвестиций? Какой может быть экономический рост?

Представьте, что вы вкладываете деньги в техническое освоение действующего производства. Вы должны реорганизовать цех, демонтировать старые станки, купить новые и установить их. Значит, вы должны те детали, которые делались на старых станках, перебросить на какой-то другой завод. У вас денег и так нет, а с вас берут в этот период еще и налог. О чем это говорит? Государству не хочется, чтобы осваивались новые технологии. Вы строите новые мощности высокотехнологических отраслей. Ну, дай мне их построить, потом бери налог. Дай мне технологически обновиться, это длится полгода, но облегчи мне финансовую ситуацию, тогда я буду в этом как-то заинтересован. Нет, мы возьмем налог и с этого. И так повсеместно. Никакой стимулирующей роли здесь нет.

Мы немножко облегчили налогообложение в области информационных технологий. В годы рецессии экспорт

информационных технологий из России вырос в два раза, с 3,5 трлн до 7,6 трлн сейчас. Но что такое 7,6 трлн? Я недавно был в Китае, в городе Дальнем. Это центр областного подчинения. Даже не центр области. Это одна из трех зон развития. Ее построили за восемь лет. Она дает экспорт интернет-услуг и софтвера на 10 млрд долларов. Больше, чем вся великая Россия. Что они хотят? Они хотят у нас учиться. Вы себе не представляете, они предлагают нам зарплату 500 000 в месяц в рублях. Потому что мы не умеем коммерциализировать фундаментальную науку. А почему мы не умеем ее коммерциализировать? Потому что ни льгот, ни условий для этого, естественно, нет.

В России налоговая нагрузка составляет 35%. Здесь упоминалось, что в США она такая же. К сожалению, нет. В США она 29. Выше нагрузка только в Италии, Германии и Франции. Но им не нужно развиваться. А в США и Японии нагрузка ниже, чем у нас. Мы же хотим их когда-нибудь догнать, поэтому нам нужна нагрузка, как у развивающихся стран. А в развивающихся странах она составляет 25–30%.

Как распределяется налоговая нагрузка в развитых странах? Половину платит бизнес, половину — население. Страховка на пенсию — 10%, страховка на здравоохранение — 7%, подоходный налог — 25–30%. Я говорю среднее по развитым странам. Налог на недвижимость — 1% от рыночной цены. А у нас 13% налога на доходы физических лиц, и фактически нет налога на недвижимость... Попытки содержать всех пенсионе-

ров, бесплатную медицину за счет денег предприятий на достойном уровне в принципе утопичны. Поэтому Россия по уровню жизни пенсионеров на 98-м месте, реальных доходов — на 50-м, экономического развития — на 45-м, образования — на 33-м, то есть мы где-то там.

В связи с этим нам нужно коренное изменение налоговой системы, и она должна играть распределительную роль. Она должна сокращать разрыв между бедными и богатыми. У нас этот разрыв сейчас составляет 15,7 раз, в Европе — от 8 до 10, в странах социал-демократической ориентации — 6, в Японии — 5. Необходимо введение прогрессивного налогообложения. Нужно введение налога на роскошь.

ДИСПРОПОРЦИИ НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

TAX SYSTEM MALADJUSTMENTS AND THE WAYS OF THEIR OVERCOMING

С.Ю. ГЛАЗЬЕВ

Вице-президент ВЭО России, Советник
Президента Российской Федерации, академик
РАН

S.YU. GLAZYEV

Vice-president of Russian VEO, Adviser
to the President of the Russian Federation,
Academician of the Russian Academy
of Sciences

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены существенные для экономики страны диспропорции налоговой системы, а также предлагаются пути их преодоления. В частности обращается внимание на необходимость сохранения системы налогообложения природных ресурсов в качестве фундаментальной основы всей шкалы налоговых поступлений. Также отмечается необходимость снижения налоговой нагрузки на реальный сектор экономики и ее

повышение в отношении посредников, введения прогрессивной шкалы НДФЛ.

ABSTRACT

In this article the tax system maladjustments are considered as well as the ways of their overcoming. The great notice was taken of the necessity of environmental recourses current taxation system continuance as the pillar of the whole tax scale.

The author notes it's necessary to reduce the tax burden on the real economy sector as well as advance it for intermediaries. There is also a need for the personal income tax progressive scale establishment.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Национальный доход, федеральный бюджет, налоговая система, НДС, НДСП, реальный сектор, посредники, природные ресурсы, инвестиции, налоговое администрирование, накопления, НИОКР, НДС, налог с продаж, денежная политика, офшоризация.

KEYWORDS

National income, federal budget, tax system, APT, MET, real sector, intermediaries, natural resources, investments, tax management, savings, Research and Advanced Development, VAT, sales tax, monetary policy, offshorization.

Хочу обратить внимание на диспропорции налоговой системы и сразу скажу о рекомендациях. Первая диспропорция, на которую постоянно обращал внимание академик Львов: у нас самым недооцененным фактором производства является труд, доля заработной платы в выпуске продукции у нас са-

мая низкая в мире. То есть степень эксплуатации труда, если брать на единицу заработной платы, в России в три раза выше, чем, скажем, в Европейском союзе. И труд, самый недооцененный фактор по сравнению с природными ресурсами, в какой-то степени с капиталом, является главным фактором налогообложения. НДС, налог на прибыль, страховые выплаты во внебюджетные фонды — это все труд. Это первая диспропорция, которая, конечно, должна быть устранена.

Две другие диспропорции заключаются в том, что реальный сектор платит больше, чем посредники, и земли получает меньше, чем централизованная бюрократия. На этом мы останавливаться не будем.

Вопрос: как исправлять эти диспропорции?

Исходя из оценки вклада разных факторов в национальный доход, очевидно, что главным фактором у нас на сегодняшний день является природный ресурс. Исходя из этого и была выдвинута идея про природную ренту в качестве основы, главного фундамента налоговой системы. Частично она была реализована. В 1992 г. мне удалось добиться введения экспортных пошлин. За счет них мы получали до 40% федерального бюджета в 1992–1993 гг. Потом под давлением валютного фонда при лоббировании наших нефтегазовиков они были отменены, а Е.М. Примаков их восстановил.

Сейчас экспортные пошлины постепенно отменяются под давлением наших обязательств перед ВТО. Я считаю, что это абсолютно неправильно. Нам нужно сохранять налогообложение природных ресур-

сов в качестве фундаментальной основы всей шкалы налоговых поступлений. Их можно, конечно, заменять. Сейчас идет дискуссия: НДСП или НДС. Понятно, что НДСП с точки зрения экономической науки — налог на потребителя, поэтому с точки зрения природной ренты он особой роли не играет. У кого лучше ресурсы, те больше получают. Что касается НДС, то мы еще в середине 90-х годов подготовили законопроект, он до сих пор есть в архивах Госдумы, который был принят в первом чтении, предусматривающий введение налога на дополнительный доход недропользователей. По образцу того, как это сделано во всем мире. Но он был заблокирован правительством, потому что Минфин (не знаю, насколько обоснованно или нет) считал, что обеспечить прозрачность исчисления себестоимости у нефтяников невозможно. Вы знаете, были скандалы, нефтяная жидкость и все прочие ухищрения, когда нефтяные внутрикооперационные поставки проводились через Кипр, в Кипре изымалась основная часть дохода, и бюджет ничего не получал. Тем не менее я считаю, что надо сохранять и усиливать экспортную пошлину, введение НДС — это не решение вопроса.

Вторая серьезная проблема — потребление накопления. Наша налоговая система угнетает накопления. Об этом здесь говорилось. Хочу обратить внимание, что введение прогрессивного подоходного налога (есть соответствующие расчеты по этой теме) в обмен на ускоренную амортизацию позволяет примерно 5 триллионов рублей высвободить для инвестиций. Если мы

вводим прогрессивную шкалу в рамках общего объема налоговых поступлений, константа. Мы вводим прогрессивный налог на доходы физических лиц и одновременно увеличиваем поступления по амортизации, вводим ускоренную амортизацию. Маневр — 5 триллионов рублей в пользу инвестиций. Я попутно замечу, что у нас бремя налогообложения примерно среднее по планете, но бремя налогообложения производственной сферы намного выше, чем в других странах, а налогообложение населения, соответственно, намного ниже.

Еще одна проблема: у нас фактически не учитывается главный фактор экономического роста — научно-технический прогресс. Если в большинстве стран мира на 1 рубль (доллар) затрат на НИОКР платится премия, в разных странах от пол-единицы валюты до полутора единиц, то у нас по-прежнему все НИОКРы облагаются налогами. Здесь есть несколько предложений. Я бы хотел напомнить. Торгово-промышленная палата РФ несколько лет назад вышла с системными предложениями по льготам на НИОКР. К сожалению, законодатель только частично их реализовал, и сейчас их можно было бы актуализировать.

Еще одно предложение. Просто скажу, что в свое время мы проводили большое исследование по поводу НДС и доказали, что этот налог — самый главный враг экономического роста, и попытки просто снижать НДС — это не решение проблемы, надо его отменить. Кроме того, инфляционный налог, налог на труд и т. п. — то есть налогом облагается все, что прогрес-

сивно. Просто душит экономическое развитие. Я помню дискуссию, когда НДС вводился. Е. Гайдар тогда говорил, что поскольку будет высокая инфляция, надо вводить НДС, потому что все страны так делали при переходных режимах и при высокой инфляции НДС гарантирует бюджету текущие поступления. Но раз у нас инфляции сегодня нет, значит, самое время вспомнить об отмене НДС и замене, например, налогом с продаж, это известная тема. Замечу, что эффективность НДС, сбор НДС составляет всего лишь одну десятую, то есть начисляется в десять раз больше, чем реально взимается, и этим занимаются два миллиона бухгалтеров, которые могли бы заняться чем-то более полезным для развития экономики.

Теперь несколько слов о налоговом администрировании. Реальность такова, что у нас вся налоговая система в действительности выступает в качестве каких-то фантиков, потому что налоговая служба работает от достигнутого уровня. Она каждый год должна собирать все больше налогов. Поэтому налоговый пресс у нас все время растет. Это связано не только с тем, что налоговая система несбалансированная, но и с тем, что конкретные чиновники налоговой службы должны выдавать на-гора налоги. Я постоянно дискутирую на эту тему с таможеней. Они говорят: «Мы самые важные в стране, потому что мы даем больше всего дохода в бюджет». Я им пытаюсь объяснить: «Не вы даете, а бизнес дает, участники внешнеэкономической деятельности». Но они пропускают это мимо ушей. И пока налоговая

служба не поймет, что не она дает налоги, а конкретный бизнес, производство прежде всего, успеха, думаю, у нас не будет.

Обращу внимание, что недавно был опубликован анализ мировой экономической ситуации. Темпы развития мировой экономики, вы знаете, повысились, и главная причина — это снижение налоговой нагрузки и смягчение денежной политики. У нас все наоборот. Замечу, что табличка, которая здесь была представлена, о том, что у нас финансовые посредники платят меньше налогов, чем реальный сектор, говорит о том, в чьих интересах работает наша налоговая система. Они получают сверхприбыли, при этом практически ничего не платят, выводят деньги в офшоры, живут прекрасно и обладают колоссальным влиянием в принятии решений, о чем свидетельствует неубиенная тема офшоризации нашей экономики. Сколько бы Президент про это ни говорил, офшоризация, видимо, только увеличивается.

Последнее, о чем хочется сказать. В Китае сегодня высокая налоговая нагрузка. Но было бы интересно посмотреть, какой она была 20–30 лет назад. Потому что, мне кажется, что когда мы говорим о запуске, реанимации экономического организма, а он у нас сегодня парализован, инвестиций практически нет, то нам нужно иметь минимальную нагрузку. Другое дело, когда экономический организм пошел работать, ее можно повышать. Поэтому сравнивая Россию с Китаем, интересно сравнивать не сегодняшние состояния, а которые были тогда. Вот такие замечания.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОЗДАНИЯ «УМНОЙ» НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ И РИСКИ ИХ ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ

KEY DIRECTIONS OF A «SMART TAX SYSTEM» ESTABLISHMENT AND RISKS OF THEIR PRACTICAL IMPLEMENTATION

Н.П. МЕЛЬНИКОВА

Профессор Департамента налоговой политики и таможенно-тарифного регулирования Финансового университета при Правительстве РФ

N.P. MELNIKOVA

Professor of the Department of Tax Policy and Customs and Tariff Regulation of the Financial University under the Government of the Russian Federation

АННОТАЦИЯ

Речь в материале идет о дальнейшем развитии налоговой системы России. Поднимается несколько наиболее актуальных в настоящее время вопросов: использование прогрессивной шкалы при взыскании налогов с доходов физических лиц, высокая налоговая нагрузка на труд в части страховых взносов и возврат так называемой инвестиционной льготы. Автор предлагает очень взвешенно подходить к решению этих вопросов. Например, по мнению автора, переход к прогрессивному налогообложению связан с целым комплексом рисков. Без их оценки невозможно говорить о создании «умной» налоговой системы.

ABSTRACT

The material in question is about the further tax system development in Russia. This article rises several currently topical issues which are the progressive scale usage for personal income tax collection, the high tax burden on labor in terms of insurance fee, the return of the so-called investment incentive respectively. The author offers a very balanced approach to solving these issues. For example, in author's opinion, the transition to progressive taxation is associated with a whole range of risks. And it's impossible to talk about «smart» tax system creation without their assessment.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Умная налоговая система, прогрессивное налогообложение, НДФЛ, налогообложение труда, инвестиционная льгота, налог на прибыль, налоговая нагрузка, риски.

KEYWORDS

Smart tax system, progressive taxation, personal income tax, labor taxation, investment privilege, profit tax, tax burden, risks.

Прежде всего хотелось бы поддержать тему сегодняшних Абалкинских чтений: «Умная налоговая система». В настоящее время при обсуждении направлений дальнейшего развития российской налоговой системы отказались от употребления терминов «налоговая реформа», «реформирование налоговой системы». Это не случайно, так как реформа всегда связана с определенным рода революционными изменениями. Важнейшей потребностью российского бизнеса сегодня является потребность в предсказуемости и, главное, в предсказуемости проведения налоговой политики. Внесение в механизм налогообложения изменений, продуманных, научно обоснованных, одобренных экспертами, согласованных с бизнес-сообществом, позволит «с умом» подойти к настройке нашей налоговой системы к новым требованиям экономического развития. И тогда мы получим действительно «умную» налоговую систему.

Наиболее обсуждаемыми сегодня экономистами и бизнесом проблемами в области дальнейшего развития российской налоговой системы являются налогообложение труда и восстановление ранее отмененной инвестиционной налоговой льготы по налогу на прибыль организаций. Что касается налогообложения труда, то здесь два ключевых вопроса: переход к прогрессивному налогообложению доходов физических лиц и снижение налоговой нагрузки на труд в части обязательных страховых платежей социально-го характера.

По поводу перехода от пропорционального НДФЛ к прогрессивному подоходному налогу хотелось бы отметить следующее. Основным доводом в пользу введения прогрессивного налогообложения является необходимость сглаживания растущего неравенства в распределении доходов между различными слоями общества и практической реализации принципа справедливости в налогообложении. Действительно, прогрессивный метод в налогообложении доходов физических лиц соответствует концепции вертикальной справедливости. Справедливость в налогообложении, безусловно, нужна. Однако переход к прогрессивному налогообложению связан с целым комплексом рисков, которые нельзя не учитывать при решении данного вопроса. К этим рискам можно отнести: сокрытие доходов богатых людей, особенно в условиях отсутствия контроля за расходами физических лиц; потери доходной части бюджетов за счет введения необлагаемого минимума (необлагаемый минимум — это обязательное условие прогрессивного налогообложения доходов физических лиц); потери доходов бюджета в дотационных регионах и рост доходов бюджетов в успешно развивающихся регионах и др. Важным является вопрос о готовности российского общества к принятию этих рисков. Не менее интересен и важен вопрос о том, видят ли сами малоимущие слои населения первоочередность решения вопроса усиления справедливости и выравнивания доходов посредством именно введения прогрессии в налогообложении доходов.

Возможно, сегодня более важным является вопрос о первоочередном снижении нагрузки на труд. Высокая совокупная нагрузка по страховым платежам социального характера негативно сказывается не только на бизнесе, но и на самих малообеспеченных гражданах. Есть информация, что если еще два-три года назад работодатели оформляли на работу, назначая минимальные заработные платы, то теперь вообще перестали оформлять своих сотрудников, чтобы не платить даже с этих копеек. Безусловно, что снижение размеров страховых выплат приведет к огромным потерям доходов внебюджетных фондов. Однако повышение качества налогового администрирования позволит в определенной мере компенсировать потери. Также можно надеяться на то, что бизнес ответит на снижение нагрузки выплатами белых зарплат.

Что касается восстановления инвестиционной налоговой льготы. Данная льгота есть во всех развитых странах. Только в России она была ликвидирована при введении главы 25 Налогового кодекса «Налог на прибыль организаций». Отмена данной льготы была обусловлена необходимостью компенсировать потери бюджета в результате резкого снижения законодательной налоговой ставки по налогу на прибыль с 35 до 24%. Кроме того, говорилось также о том, что отменили льготу из-за больших злоупотреблений с ней. Второй аргумент, конечно же, не выдерживает никакой критики. Что касается первого аргумента, то надо серьезно отнестись к сравнению действенности двух на-

логовых инструментов воздействия на экономическую активность — снижения налоговой ставки на прибыль абсолютно для всех налогоплательщиков и наличия инвестиционной налоговой льготы, стимулирующей тех, кто наращивает объемы инвестиций, обновляет основные фонды.

УМЕНЬШЕНИЕ НАЛОГА НА ДОБАВЛЕННУЮ СТОИМОСТЬ: НЕКОТОРЫЕ КОММЕНТАРИИ

THE DECREASE OF VALUE ADDED TAX: SOME COMMENTS

М.В. ЕРШОВ

Член Президиума ВЭО России, главный директор по финансовым исследованиям «Института энергетики и финансов», профессор Финансового университета при Правительстве РФ, д.э.н.

M.V. ERSHOV

member of the Coordinating Council of the International Union of Economists, managing director for financial research of the «Institute for energy and finance», member of the Board of the VEO of Russia, Professor of Financial University under the Government of the Russian Federation, member of the Commission on Banks and Banking of RSPF, Dr. Sc. Econ.

АННОТАЦИЯ

Снижение налога на добавленную стоимость (НДС) может одновременно стимулировать повышение темпов экономического

роста и улучшение его качества. В результате снижения НДС высокотехнологичные отрасли способны стать важным драйвером экономического роста.

ABSTRACT

The VAT reduction can simultaneously lead to economic growth and improve the quality of this growth. High technology industries can become an important driver of economic growth due to the possible decrease of VAT.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Налог на добавленную стоимость (НДС), темпы экономического роста, качество экономического роста, высокотехнологичные отрасли.

KEYWORDS

Value Added Tax (VAT), the rate of economic growth, the quality of economic growth, high technology industries.

Добрый день, уважаемые коллеги! Спасибо за очень интересную дискуссию, которую мы сегодня ведем. Сначала такой системный взгляд на проблемы нашей налоговой системы. Действительно, сейчас перед нашей экономикой ставится двоякая задача среди многих других: стимулирование роста (давнишняя тема) и повышение качества этого самого роста. А это на самом деле вещи довольно трудно совместимые, потому что вы не можете одновременно и ускорять движение, и шлифовать технику. Сначала вы тренируетесь, а потом уже более быстро бежите. Но есть исключения. И в том числе НДС, о котором сегодня много раз гово-

рилось, и Сергей Юрьевич тоже чуть-чуть упоминал, это, в принципе, на мой взгляд, тот рычаг, который позволяет успешно совмещать обозначенные задачи.

Вот смотрите, ведь любое снижение налогов, в принципе, высвобождает ведение бизнеса и позволяет этому бизнесу развиваться более быстро. Притом что снижение налога на добавленную стоимость делает главным бенефициаром от такого снижения отрасли с более высокой добавленной стоимостью, то есть более продвинутые отрасли. То есть не сырье, что у нас обычно всегда было главным бенефициаром, а уже более продвинутые, технологичные вещи. Таким образом, если мы снижаем НДС, то мы, по сути, достигаем двоякого эффекта: мы облегчаем для бизнеса более быстрое развитие, но в этом бизнесе, в более быстром развитии делаем главным драйвером такого роста именно более высокотехнологические отрасли, которые начинают вытягивать за собой все остальное. Такие высокотехнологические отрасли становятся более значимыми уже в экономическом росте. Тем самым экономический рост в целом повышается и становится более высокого качества, то есть решается та задача, которая перед нами уже много лет ставится нашим Президентом. Поэтому я считаю, что тема НДС у нас давно возникает, то активней, то пассивней, но мне кажется, что НДС, если ставка будет все-таки настойчиво снижаться и если те трудности, о которых мы знаем, при реализации НДС будут как-то преодолены (а эта тема стоит на повестке дня довольно много времени), то, представляется, это тот самый ры-

чаг, который при правильном использовании позволит решить эту двуединую задачу — и повысить темпы роста, и одновременно увеличить его качество. А это нам сейчас крайне важно.

Это все. Хотя сегодня неоднократно звучала моя любимая тема денежно-кредитной политики, процентных ставок, кредитов, но я сегодня не буду ее касаться. Это отдельная тема. Большое спасибо!

НАЛОГОВАЯ СИСТЕМА — ДЛЯ РОСТА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

WHAT TAX SYSTEM OFFERS FOR THE DEVELOPMENT OF HUMAN CAPITAL

Н.Н. ТЮТЮРЮКОВ

Профессор департамента налоговой политики и тарифно-таможенного регулирования ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», д.э.н.

N.N. TYUTYURYUKOV

Professor of the Department of tax policy and tariff and customs regulation, Financial University under the Government of the Russian Federation, Dr.Sc.Econ.

Г.Б. ТЕРНОПОЛЬСКАЯ

Профессор департамента учета, анализа и аудита ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», к.э.н.

G.B. TERNOPOLSKAYA

Professor of the Department of accounting, analysis and audit, Financial University under the Government of the Russian Federation, Ph.D. in Econ.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются факторы, влияющие на развитие человеческого капитала. Рассмотрены два фактора: улучшение уровня жизни (на примере уровня расходов на питание) и здоровье (на примере потребления чистой воды). В настоящее время для большинства россиян более трети расходов составляют расходы на приобретение продуктов питания. Предложено применение пониженной ставки НДС 9% при реализации продуктов питания. Далее, в России реализация федеральной целевой программы «Чистая вода» финансируется из средств федерального бюджета. Показано, что данный механизм финансирования не достаточно эффективен. Предложено применение ставки НДС 0% при доставке водопроводной чистой воды.

ABSTRACT

The article discusses the factors affecting human capital development, in particular improvement of quality of life (taking food costs as an example) and health (taking consumption of clean water as an example). Currently for the majority of Russians food costs take over one third of their total expenses. The authors suggest use of reduced 9% VAT rate for supply of food stuff. Russia allocates funds from the budget for implementation of federal program “Clean water”, whereas the authors show that this mechanism is not fully efficient. Instead, they suggest usage of 0% VAT rate for supply of clean water via public water supply system.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Человеческий потенциал, здоровье, расходы на продукты питания, водопроводные сети, чистая вода, налоговая система, НДС, пониженные ставки НДС.

KEYWORDS

Human potential, health, food costs, water supply system, clean water, tax system, VAT, reduced tax rates.

Начинается новый избирательный электоральный цикл. Претенденты на должность Президента России предлагают свои стратегии развития нашей страны. По мнению некоторых политологов, выборы выигрывают налоги и, соответственно, налоговая политика, а главное — на что она ориентирована.

По нашему мнению, сейчас основное внимание должно быть уделено развитию человеческого потенциала, ибо именно от него зависит успешное развитие страны. Основные компоненты человеческого потенциала определяются в том числе сохранением здоровья человека и улучшением условий его жизни. Знаменательно, что в ноябре 2017 г. в Санкт-Петербурге прошла XII Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Здоровье — основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения»¹. В рамках статьи рассмотрим, какая для этого необходима настройка налоговой системы.

Тема здоровья, разумеется, весьма обширна. Но, прежде всего, согласимся, что в основе здоровья человека — то, что он ест, и то, что он пьет. В разные годы разные слои населения на продукты питания тратят разную часть своих доходов (см. рис. 1). Тем не менее

¹ <https://humanpotential.spbstu.ru/2017> — доступ 15.12.2017.

общеизвестно, что если семья тратит на питание более трети своих расходов, то она относится к категории «бедных».

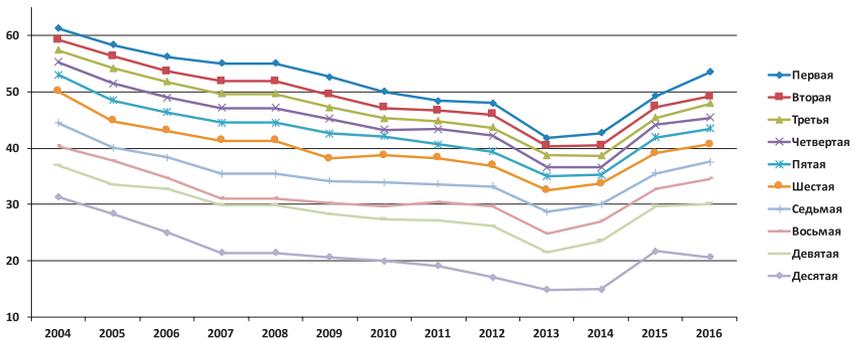

Рис. 1. Динамика доли потребительских расходов домашних хозяйств на продукты питания в децильных группах, %

Источник: данные Росстата за соответствующие года

Из диаграмм, представленных на рис. 1, видно, что до 2013 г. доли потребительских расходов домашних хозяйств на продукты питания для всех децильных групп постепенно уменьшались, но затем положение стало стремительно ухудшаться. В 2016 г. уже для восьмой (!) группы доля потребительских расходов домашних хозяйств на продукты питания составляет 34,5%. А ведь это люди с весьма высоким по сравнению с остальными уровнем доходов! Что интересно: если до 2014 г. изменение доли расходов на питание во всех децильных группах происходило «синхронно», то к 2016 г. положение в девятой и особенно в десятой группе явно выбивается из общей тенденции. Впрочем, для богатых

продукты питания — не самая большая статья расходов в любые времена.

Может ли государство повлиять на сложившуюся ситуацию? Вполне. Предложим инструменты налоговой политики, которые реально помогут уменьшить расходы домохозяйств на питание.

В настоящее время реализация только весьма ограниченного перечня продуктов питания облагается НДС по ставке 10%. К ним относятся овощи, хлебопродукты, молоко- и мясопродукты и некоторые другие. Реализация остальных продуктов питания облагается НДС по ставке 18%. В подавляющем большинстве стран реализация продуктов питания (кроме алкогольной продукции, промышленных напитков и небольшого ассортимента других продуктов питания) происходит по пониженной ставке — не более половины основной ставки.

Таким образом, можно предложить установить ставку НДС для реализации всех продуктов питания не более 9%. Конечно, бюджет не досчитается некоторых сумм, но зато будет реализовано «сбережение народа», которое предложил в 1754 г. П.И. Шувалов. Кстати, В. Путин еще в 2011 г. назвал «сбережение народа» главной целью современной России, всех преобразований, которые происходят в экономике, социальной сфере, общественной и политической жизни².

В число ведущих факторов, влияющих на здоровье человека, входит также качество питьевой воды. По мне-

² Путин назвал национальной идеей «сбережение народа» (<http://www.rosbalt.ru/main/2011/06/01/854450.html> — доступ 11.12.2017).

нию академика РАН Ю. Рахманина, «на сегодняшний день мы имеем, на мой взгляд, удручающие данные, согласно которым более 50% населения России вынуждены использовать для питьевых целей воду из централизованных источников водоснабжения, санитарно-гигиенические требования к которой на законодательном уровне минимальны с точки зрения ее безопасности»³. В этом же интервью он отмечает, что «первые стандарты качества питьевой воды были разработаны в 1937 году в Советском Союзе. В США они были приняты примерно в это же время, в 1933–1937 годах. Европа тогда еще не знала, что такое стандартизация качества питьевой воды, а в СССР и США эти стандарты уже были разработаны и начали применяться. В тех нормах было всего пять показателей, самых основных и необходимых для первоочередной гарантии чистоты и безопасности воды. Это говорит о том, что наука в нашей стране всегда была развита на высоком мировом уровне».

На данный момент в России стандарты качества воды пока еще находятся на уровне мировых. Однако в реальности можем ли мы, как, например, американцы или австрийцы, без боязни пить воду из-под крана? Пора задуматься о развитии технической базы по доставке и очистке питьевой воды.

Водопроводные сети являются важнейшим звеном в системе распределения и подачи воды населению. Этот элемент водоснабжения всегда на виду, и любые неполад-

³ Академик РАН, профессор Юрий Рахманин: Какую воду нам пить? (<https://ulpressa.ru/2016/11/28/akademik-ran-professor-yuriy-rahmanin-kakuyu-vodu-nam-pit/> — доступ 08.12.2017).

ки в его работе люди ощущают непосредственно. Разочаровывает, что сети водоснабжения изнашиваются очень быстро, а это дополнительный источник загрязнения.

Учитывая важность рассматриваемой проблемы, в России была принята Федеральная целевая программа «Чистая вода» (ФЦП), рассчитанная на 2011–2017 гг. Можно вспомнить, что председатель подкомитета Госдумы по экономике природных ресурсов Олег Валенчук на встрече с журналистами сообщил, что Госдума собиралась разработать и утвердить ФЦП еще к концу 2008 г.⁴ По его словам, «речь идет о создании высокоэффективной современной системы водоснабжения граждан не только в крупных мегаполисах, но и в сельской местности во всех регионах страны»⁵.

Характеризуя имеющуюся проблему, преамбула ФЦП озвучила, что, по данным формы федерального статистического наблюдения № 18 «Сведения о санитарном состоянии субъекта Российской Федерации» за 2009 г., доля проб питьевой воды из водопроводной сети, не соответствующих гигиеническим нормативам по санитарно-химическим показателям, составила 16,8%, а по микробиологическим — 5,1%. Пятая часть (!) населения России не имеет доступа к централизованным источникам водоснабжения и потребляет воду без необходимой предварительной очистки. По дан-

⁴ Программа была утверждена двумя годами позже — постановление Правительства Российской Федерации от 22.12.2010 № 1092, г. Москва «О федеральной целевой программе «Чистая вода» на 2011–2017 годы». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Ю.Н. Елдышев. В стране беда — питьевая вода (<http://www.ecolife.ru/1/Beda-voda%20Eldishev.pdf> — доступ: 09.12.2017).

ным Федеральной службы государственной статистики за 2009 г., централизованный водопровод отсутствует в 11% городов и 53% сельских населенных пунктов.

Целевым индикатором в Программе была указана «доля уличной водопроводной сети, нуждающейся в замене», значение которой должно было снизиться до 28% к 2017 г. — году окончания выполнения ФЦП (см. рис. 2). Тем самым планировалось восстановление состояния сети, которое было до 2000 г. В Паспорте программы были указаны объемы финансирования — в первые три года из федерального бюджета выделено 9 млрд руб., из которых освоено 96,4%. Однако из рис. 2 видно, что целевой индикатор так и не был достигнут и разрыв между фактическим состоянием дел и индикатором растет: с 0,8 п.п. в 2011 г. до 11,0 п.п. в 2016 г. Резонно предположить, что это вызвано выбором ошибочного инструмента финансирования.

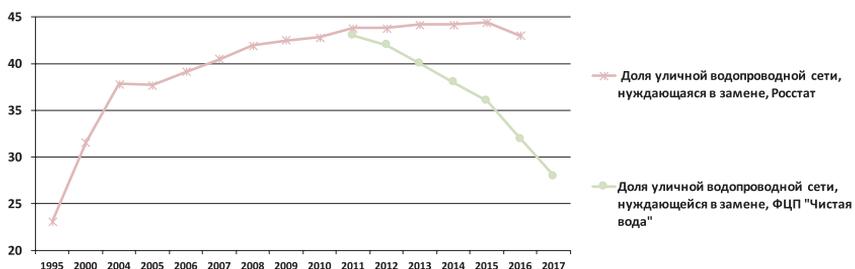

Рис. 2. Доля уличной водопроводной сети, нуждающаяся в замене: по данным Росстата и целевые показатели Федеральной целевой программы «Чистая вода», рассчитанной на 2011–2017 гг.

Источник: Росстат и Паспорт Федеральной целевой программы «Чистая вода»

Можно ли для выполнения этой программы использовать стимулирующие инструменты налоговой системы? Да, можно. Речь опять будет идти о применении налога на добавленную стоимость. Реализация стимулирующей функции этого налога — применение ставки 0% (а не пониженной!) — наметилась только в некоторых внутрироссийских операциях и только в последние годы.

В частности, по этой ставке происходит обложение пассажирских перевозок пригородным железнодорожным транспортом. Сначала ставка 0% была введена с 1 января 2015 г. до конца 2016 г., но этот стимулирующий инструмент настолько оправдал себя, что действие ставки 0% было продлено сначала до конца 2017 г., и затем второй раз аж до конца 2029 г.⁶ Действительно, ставка НДС 0% — это очень мощный стимулирующий инструмент.

Развитие стимулирующей функции НДС на территории России (а не только для экспортных операций) нами приветствуется. Мы предлагаем ставку НДС 0% распространить и на доставку водопроводной воды.

Во-первых, это означает получение организациями, отвечающими за доставку водопроводной воды населению, средств из федерального бюджета для решения задачи выполнения ФЦП без привлечения средств из регионального и муниципального бюджетов. Большинство местных бюджетов являются дефицитными, а число субъектов России, чьи бюджеты являются про-

⁶ Данные СПС «КонсультантПлюс», соответствующие федеральные законы.

фицитными, снижется. В 2016 г. бюджеты только четырех регионов сверстаны с профицитом⁷.

Во-вторых, за счет этого инструмента можно финансировать водопроводные сети городов, где количество потребителей воды велико. Уверены, что использование этого инструмента настолько выгодно, что ЖКХ вряд ли будут необоснованно изменять тарифы на свои услуги, дабы не потерять право применять этот инструмент. Следует отметить, что практика установления ставки НДС 0% для услуг по доставке питьевой воды присутствует в некоторых странах Европейского союза.

Финансы же Программы стоит направить на те территории, где платежи граждан не покрывают расходы по содержанию водопроводных сетей, или на строительство новых сетей.

Неизбежные потери федерального бюджета можно снизить, если предусмотреть механизм не полного, а частичного возмещения НДС при экспорте сырья. Ведь в цене сырья содержится минимальная добавленная стоимость, а в соответствии с теорией НДС должен возмещаться при экспорте товаров, готовых к конечному использованию, т. е. с высокой добавленной стоимостью.

Если в разрабатываемой в новом избирательном электоральном цикле налоговой политике будут учтены наши предложения, это поможет не только сохранению человеческого потенциала, но и его приумножению.

⁷ <http://bujet.ru/article/291627.php> — доступ 10.12.2017.

Библиографический список

1. Ю.Н. Елдышев. В стране беда — питьевая вода [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ecolife.ru/1/Beda-voda%20Eldishev.pdf> (дата обращения: 09.12.2017).
2. Академик РАН, профессор Юрий Рахманин: Какую воду нам пить? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ulpressa.ru/2016/11/28/akademik-ran-professor-yuriy-rahmanin-kakuyu-vodu-nam-pit/> (дата обращения: 08.12.2017).

References

1. Yeldyshev, Yu.N. V strane beda — pit'yevaya voda (Potable water is country's great issue). (<http://www.ecolife.ru/1/Beda-voda%20Eldishev.pdf> — accessed 09.12.2017).
2. Academicianor RAS, Professor Yury Rakhmanin: Kakuyu vodu nam pit'? (What water do we have to drink?) (<https://ulpressa.ru/2016/11/28/akademik-ran-professor-yuriy-rahmanin-kakuyu-vodu-nam-pit/> — accessed 08.12.2017).

ВЛИЯНИЕ «УМНОЙ» СИСТЕМЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ НА АГРАРНУЮ ПОЛИТИКУ РОССИИ

THE INFLUENCE OF «SMART» TAXATION SYSTEM ON RUSSIAN AGRARIAN POLICY

Н.Ф. ЗАРУК

Главный научный сотрудник
ФГБНУ «Федеральный научный центр
аграрной экономики и социального развития
сельских территорий — Всероссийский научно-
исследовательский институт экономики
сельского хозяйства» (ФГБНУ ФНЦ ВНИИЭСХ),
д.э.н., профессор

N.F. ZARUK

Chief Scientific Officer of the «Federal Research
Center for Agrarian Economics and Social
Development of Rural Territories — All-Russian
Research Institute of Agricultural Economics»
(FGBNU FNC VNIIEShKh), Doctor of Economics,
Professor

АННОТАЦИЯ

«Умная» система налогообложения рассматривается через призму новой модели аграрной политики. Дана оценка налогообложения сельскохозяйственных организаций на основе оценки различных систем налогообложения, анализа структуры налогов, динамики и величины налогов. Новая модель аграрной политики невозможна без дальнейшего совершенствования системы налогообложения, направленной на устранение сложившихся недостатков: отсутствие взаимосвязи между отдельными видами налогов; недостаточная дифференциация налоговых ставок и налогооблагаемой базы по различным подотраслям аграрной экономики; отсутствие четко выраженной направленности на стимулирование предпринимательской деятельности субъектов хозяйствования. Для решения этих проблем должна разрабатываться «умная» налоговая политика, модель которой должна учитывать стабильный рост аграрной экономики.

ABSTRACT

The «smart» taxation system is viewed through the prism of new model agrarian policy. The assessment of taxation of agricultural organizations based on assessment of various taxation systems, analysis of tax structure, dynamics and amount of taxes is given. The new model of agrarian policy is impossible without further improvement of the taxation system aimed at eliminating the existing shortcomings: the lack of correlation between certain types of taxes; inadequate differentiation of tax rates and taxable base in various sub-sectors of the agrarian economy; there is no clearly expressed focus on stimulating entrepreneurial activity of business entities. To solve these problems, the «smart» tax policy

should be developed, the model of which should consider stable growth in the agrarian economy.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Сельское хозяйство, аграрная политика, система налогообложения, налоговая нагрузка, воспроизводство, единый сельскохозяйственный налог, упрощенная система налогообложения, патентная система налогообложения, налог на добавленную стоимость, земельный налог, налоговое стимулирование.

KEYWORDS

Agriculture, agrarian policy, tax system, tax burden, reproduction, single agricultural tax, simplified taxation system, patent system of taxation, value added tax, land tax, tax incentives.

Развитие агропромышленного комплекса как системообразующей сферы экономики является одним из приоритетов государственной политики обеспечения продовольственной безопасности и стимулирования развития сельских территорий.

Указанные факторы определяют необходимость активизации косвенных методов государственного воздействия на развитие отраслей агропромышленного комплекса, среди которых важную роль играют налоги. Льготные условия налогообложения, органично встроенные в структуру экономического механизма, регулирующего агропромышленный комплекс, позволяют сократить издержки на производство сельскохозяйственной продукции и продуктов питания, оказывают положительное воздействие на уро-

вень рентабельности, обеспечивают инвестиционную привлекательность.

В связи с вышеизложенным следует подчеркнуть роль налогообложения в новых экономических условиях как косвенной государственной поддержки, стимулирующей сельскохозяйственное производство посредством льгот и преференций.

Система налогообложения сельскохозяйственных товаропроизводителей имеет целый ряд особенностей, присущих только этой отрасли. Это связано с ключевой ролью сельского хозяйства в обеспечении продовольственной безопасности страны, необходимостью поддержки жизненного уровня населения сельских территорий. Сельскохозяйственные товаропроизводители уплачивают от трех до десяти видов налогов в федеральный, региональный и местный бюджеты [2].

В российском налоговом законодательстве для сельхозтоваропроизводителей, в том числе для фермерских (крестьянских) хозяйств, предусмотрена возможность выбора системы налогообложения — это либо применение общей системы налогообложения, либо использование специальных налоговых режимов, к которым относятся: единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН), упрощенная система налогообложения (УСН) и патентная система налогообложения для индивидуальных предпринимателей (ПСН) [1].

Выбор системы налогообложения должен быть всесторонне проанализирован и взвешен, т.к. от этого будет зависеть в определенной степени результат всей хозяй-

ственной деятельности. Однако возможность применения упрощенной системы налогообложения и единого сельхозналога предоставляется при соблюдении условий, оговоренных в налоговом законодательстве.

В России для сельхозтоваропроизводителей установлен специальный льготный налоговый режим — единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН). При использовании ЕСХН, в сравнении с общим режимом налогообложения, у сельхозтоваропроизводителя снижается налоговая нагрузка, упрощается система ведения налогового и бухгалтерского учета, предоставляется освобождение от обязанности по уплате налога на прибыль, налога на имущество, НДС (для индивидуальных предпринимателей), налога на добавленную стоимость (НДС), а с 2019 г. сельхозтоваропроизводители могут стать плательщиками НДС [1].

Плательщиками ЕСХН являются сельхозтоваропроизводители, в том числе крестьянские (фермерские) хозяйства, индивидуальные предприниматели, которые производят сельскохозяйственную продукцию, выращивают рыбу, осуществляют первичную переработку и реализацию этой продукции (п. 2 ст. 346.2 НК РФ) (рис. 1) [1, 2].

Не вправе перейти на уплату ЕСХН предприниматели, у которых в общем доходе от реализации товаров, работ или услуг доля дохода от реализации сельхозпродукции и (или) рыбы (включая продукцию первичной переработки) составляет менее 70%, — этот показатель определяется по итогам работы за год, предшествующий году подачи заявления о переходе на ЕСХН; занимающиеся произ-

водством подакцизных товаров; переведенные на уплату единого налога на вмененный доход по отдельным видам деятельности.

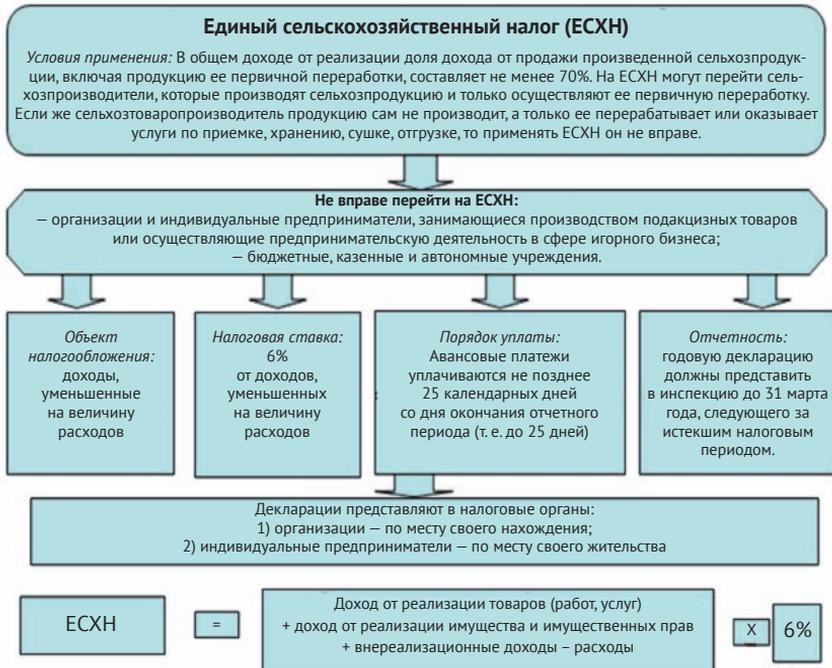

Рис. 1. Условия и порядок применения ЕСХН

Переход на уплату единого сельскохозяйственного налога осуществляется в период до 31 декабря либо при регистрации сельхозтоваропроизводителя через подачу заявления в налоговый орган.

Налогооблагаемой базой признается денежное выражение доходов, уменьшенных на величину расходов.

Налоговым периодом признается календарный год. Отчетным периодом признается полугодие. Используется кассовый метод. Налоговая ставка устанавливается в размере 6%.

Авансовые платежи по единому сельскохозяйственному налогу уплачиваются не позднее 25 календарных дней со дня окончания отчетного периода.

По истечению налогового периода отчетность предоставляется в виде налоговой декларации не позднее 31 марта года, следующего за истекшим налоговым периодом. Декларации представляют в налоговые органы:

- 1) организации — по месту своего нахождения;
- 2) индивидуальные предприниматели — по месту своего жительства [1, 2].

Организации и индивидуальные предприниматели, являющиеся сельскохозяйственными товаропроизводителями, вправе добровольно перейти на уплату ЕСХН.

Этот режим использовали в 2016 г. около 68% сельскохозяйственных организаций, доля их выручки в общей выручке сельскохозяйственных организаций составила в среднем за шесть лет 43% (см. табл. 1 и 2).

Для применения УСН необходимо, чтобы за девять месяцев предыдущего года доходы не превышали в 2017 г. — 59,8 млн руб., а с 2018 г. — 112,5 млн руб. (рис. 2).

С 1 января 2016 г. введены изменения по налоговым ставкам. В соответствии со ст. 346.20 НК РФ, если объектом налогообложения являются доходы, налоговая ставка устанавливается в размере 6%.

Таблица 1

**Число сельскохозяйственных организаций плательщиков
ЕСХН в 2009–2016 гг., Россия**

Год	Плательщики ЕСХН, всего ед.	Доля организаций плательщиков ЕСХН, %
2009	15 066	67
2010	14 924	68
2011	14 581	68,3
2012	14 215	67,8
2013	13 747	68,2
2014	14 222	68,6
2015	14 076	69,5
2016*	22 787	68

*По данным ФНС РФ № 5-ЕСХН

Законами субъектов Российской Федерации могут быть установлены дифференцированные налоговые ставки в пределах от 1 до 6% (с 1 января 2016 г.), если объектом налогообложения являются доходы от предпринимательской деятельности, уменьшенные на величину расходов, связанных с этой деятельностью, — в размере 15%. Законами субъектов Российской Федерации могут быть установлены дифференцированные налоговые ставки в пределах от 5 до 15% в зависимости от категорий налогоплательщиков (с 1 января 2015 г.).

Патентная система налогообложения (ПСН) для индивидуальных предпринимателей предполагает приобретение патента, например, на услуги по переработке сельскохозяйственных продуктов; услуги, свя-

занные со сбытом сельскохозяйственной продукции (хранение, сортировка, сушка, мойка, расфасовка, упаковка и транспортировка); услуги, связанные с обслуживанием сельскохозяйственного производства (механизированные, агрохимические, мелиоративные, транспортные работы); ветеринарные услуги.

Таблица 2

Динамика выручки и ЕСХН организаций – плательщиков ЕСХН в 2009–2016 гг., Россия

Год	Выручка, млн руб.		Доля выручки организаций плательщиков ЕСХН в общей выручке с/х организаций, %	Начислено ЕСХН, млн руб.
	с/х организаций	плательщиков ЕСХН		
2009	970 020	459 725	47,4	1125,9
2010	1 090 298	508 021	46,6	1504,1
2011	1 258 532	557 223	44,3	1541,3
2012	1 452 404	603 003	41,5	1590,5
2013	1 501 569	607 866	40,5	1659,9
2014	1 890 113	712 306	37,7	2029,8
2015	2 346 401	866 506	36,9	3373
2016*	2 549 200	1 321 087	51,8	8482

*По данным ФНС РФ № 5-ЕСХН

*Расчеты автора по данным ФСГС – Социально-экономическое положение России за 2016 г. по сельскому хозяйству, охоте и лесному хозяйству

При использовании специальных налоговых режимов (ЕСХН, УСН и ПСН), в сравнении с общим режимом налогообложения, у сельхозтоваропроизводителя снижается налоговая нагрузка, упрощается система веде-

ния налогового учета, предоставляется освобождение от обязанности по уплате налога на прибыль, налога на имущество, НДФЛ, налога на добавленную стоимость [1, 2].

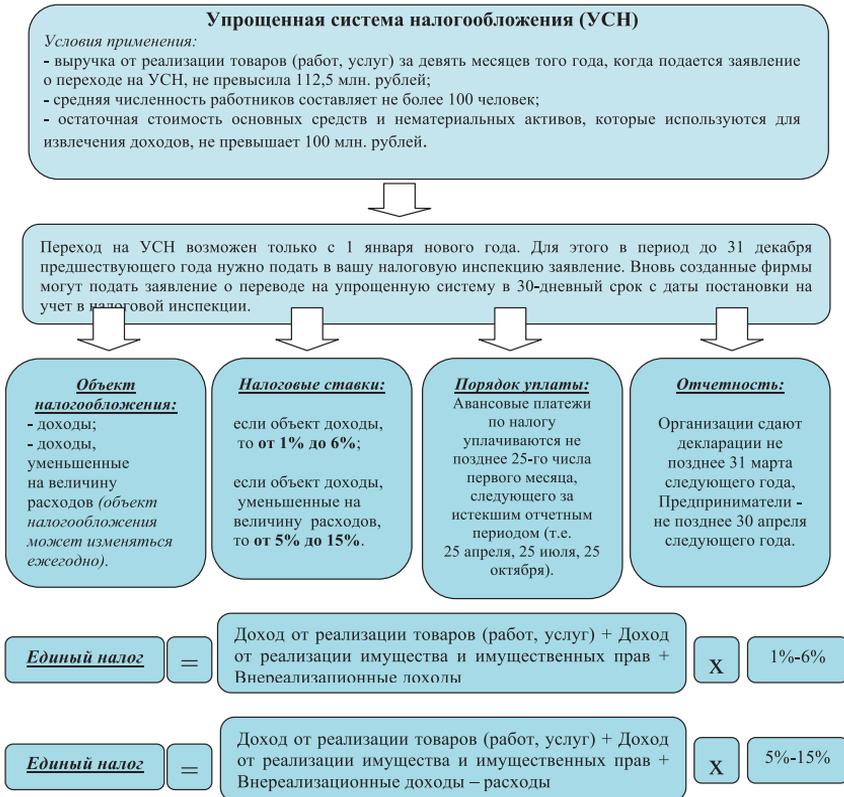

Рис. 2. Условия и порядок применения УСН

Выбор общей системы налогообложения предусматривает уплату всех необходимых налогов, сборов

и платежей, таких как налог на прибыль; налог на добавленную стоимость (НДС); государственные пошлины; акцизы; таможенные пошлины; налог на добычу полезных ископаемых; водный налог; сборы за пользование объектами животного мира и пользование объектами водных биологических ресурсов; транспортный налог; земельный налог; налог на имущество; налог на доходы физических лиц (выступает в виде агента, т. е. исчисляет и перечисляет в бюджет сумму удержанного налога); страховые взносы.

Рис. 3. Условия и порядок применения ПСН

За период с 2012 по 2016 гг. в соответствии с действующим налоговым законодательством РФ исчисленная

налоговая нагрузка для сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства колеблется в промежутке от 2,9 до 3,5% (табл. 3, 4), а для сельскохозяйственных организаций — от 10,8 до 12,6%.

Таблица 3

Налоговая нагрузка по видам экономической деятельности, %

Вид экономической деятельности	2012	2013	2014	2015	2016
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	2,9	2,9	3,4	3,5	3,5
Пищевая промышленность, производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	16,6	19,1	19,4	18,2	19,7
Оптовая торговля, включая торговлю через агентов, кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами	2,5	2,3	2,4	2,4	2,6
Розничная торговля, кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами; ремонт бытовых изделий и предметов личного пользования	3,9	3,8	3,6	3,7	3,7

*По данным ФНС РФ

В структуре уплаченных налогов доля ЕСХН в 2015 г. составляет 1,5%, а НДС — 53,7%. В Налоговом кодексе РФ действует 8 федеральных, 3 региональных и 2 местных налогов и 4 специальных налога.

Согласно действующему налоговому законодательству ни одна отрасль не имеет столько налоговых льгот и преференций, сколько предоставлено законодателем сельскому хозяйству. Это пониженные ставки по НДС (10%), по налогу на прибыль (0%), по

земельному налогу (0,3%); исключение из объекта налогообложения при исчислении транспортного налога сельскохозяйственной техники и специальной техники, используемой для производства сельхозпродукции. Введен специальный налоговый режим для сельскохозяйственного товаропроизводителя — единый сельскохозяйственный налог (6% от суммы доходов, уменьшенных на величину расходов, рассчитанную на дату получения доходов).

Таблица 4

Расчет налоговой нагрузки по сельскохозяйственным организациям РФ, в % (по методике Департамента налоговой политики Минфина РФ)*

Вид экономической деятельности	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Сумма уплачиваемых налогов, млрд руб.	79,16	94,85	108,6	118,86	123,64	141,01	187,26
Сумма уплачиваемых страховых взносов в государственные внебюджетные фонды, млрд руб.	25,7	31,29	44,01	49,5	65,45	75,1	98,04
Выручка, млрд руб.	970,02	1090,3	1258,5	1407,1	1501,6	1890,3	2346,4
Налоговая нагрузка без учета страховых взносов, %	8,2	8,7	8,63	8,2	8,23	7,5	8,0
Налоговая нагрузка с учетом страховых взносов, %	10,8	11,6	12,1	11,6	12,6	11,4	12,2

*Расчет проведен автором на основании Годовой бухгалтерской отчетности Министерства сельского хозяйства РФ за 2009–2015 гг.

Несмотря на то что для сельского хозяйства налогообложение является льготным, налоговое бремя для сельхозтоваропроизводителя остается высоким по сравнению с зарубежным опытом. Если сравнивать налоговую нагрузку на сельскохозяйственные организации в странах, входящих в ЕАЭС, то в Казахстане она самая низкая и составляет 4%, в России — 13%, в Белоруссии — 11% [3, 4].

В настоящее время в сельском хозяйстве трудно реализовать механизмы рыночной экономики с той же полнотой, как в других секторах и отраслях народного хозяйства. Не следует забывать о такой особенности сельского хозяйства, как сезонность. Сельхозпроизводитель может получить результат своего труда только ближе к четвертому календарному кварталу года. Безусловно, сказывается специфика отрасли: оборачиваемость капитала в растениеводстве составляет 2–3 года, в молочном животноводстве — примерно 8–10 лет. В соответствии с российским законодательством сельхозпроизводитель должен уплачивать исчисленные налоги в бюджеты различных уровней и государственные внебюджетные фонды в установленные сроки. То есть в нашем случае это означает, что необходимо выполнить свои обязанности по уплате налогов и сборов до получения финансового результата. Соответственно, для выполнения этих обязанностей необходимо произвести отвлечение финансовых средств из процесса воспроизводства. В связи с этим обстоятельством нарушается процесс воспроизвод-

ства, характеризующийся изъятием денежных средств из хозяйственного оборота. Однако если своевременно не осуществить начисление и уплату налогов в надлежащие сроки, то в соответствии с налоговым законодательством применяются штрафные санкции и начисляются пени, таким образом, искусственно увеличивается налоговая нагрузка. Все это ведет к росту задолженности в бюджеты всех уровней и государственные внебюджетные фонды, что отрицательно сказывается на финансовом положении сельхозпроизводителя [4, 5].

В связи с этим стратегическими направлениями для «умной» системы налогообложения в отрасли сельского хозяйства являются:

- усиление стимулирующей функции налоговой системы, что необходимо для модернизации российской аграрной экономики и в целом экономики;
- обеспечение налоговых процедур максимально комфортных для всех участников аграрного сектора;
- более справедливое распределение фискальной нагрузки по всем секторам экономики, обеспечивающее устойчивыми налоговыми поступлениями все уровни бюджетной системы;
- гарантия предсказуемости и стабильности налоговой системы.

Для повышения эффективности налогов в сельскохозяйственной отрасли необходимо:

- решить проблему применения налоговой ставки по земельному налогу в отношении земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения, не используемых для сельскохозяйственного производства, — в размере 3% от кадастровой стоимости земельного участка, а на сегодняшний день ставка составляет 1,5%. Ввести налоговые каникулы по ЕСХН для первично формируемых сельхозединиц по новым инвестиционным проектам сроком на пять лет;
- установить дифференцированные ставки по ЕСХН в пределах от 0 до 6% и предоставить это право субъектам Российской Федерации;
- снизить ставки по страховым вычетам для малого и среднего бизнеса, внедряющего инвестиционные проекты с новыми рабочими местами, до 15–20%, сейчас эта ставка составляет 30%;
- ввести нулевую ставку по акцизам на продажу топлива для сельхозтоваропроизводителей;
- гармонизировать налоговые законодательства государств — членов ЕАЭС в части уплаты НДС, учитывая особую важность НДС при осуществлении торговли.

Новая модель аграрной политики невозможна без дальнейшего внедрения «умной» системы налогообложения, направленной на устранение сложившихся недостатков, для этого необходимо применять различные методы стимулирования. Но основную роль в применяемых методах играет система налогообложения,

в силу того что от нее зависит величина всех источников инвестиций организаций: собственных, заемных и бюджетных, что, соответственно, играет огромнейшую роль в процессах расширенного воспроизводства. А это, в свою очередь, влияет на развитие аграрной экономики. Налоговое бремя влияет на формирование прибыли, следовательно, и на цены сельскохозяйственной продукции. От выручки зависят получение кредита сельскохозяйственными предприятиями и участие в государственных программах поддержки. Поэтому налоговая система влияет косвенно на все подсистемы экономического механизма, и это должно учитываться в разработке государственной аграрной политики в современных экономических условиях: экономических санкций, импортозамещения и деятельности Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Библиографический список

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 27.11.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2018). // СПС «Гарант» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://base.garant.ru> (дата обращения: 12.12.2017).
2. Зарук Н.Ф. Налоги и налогообложение: учебное пособие / Н.Ф. Зарук, А.В. Носов, М.Ю. Федотова, О.А. Тагирова // М.: ИНФРА-М, 2016. — 249 с.
3. Зарук Н.Ф. Методология определения налоговой составляющей в конечной цене продукции для расчета ее конкуренто-

- способности на рынке государств-членов ЕАЭС / Н.Ф. Зарук, А.В. Носов // *Нива Поволжья*. — 2017. — № 3 (44). — С. 122–129.
4. Маслова В.В. Экономическое регулирование воспроизводства в АПК / В.В. Маслова, Н.А. Борхунов, Н.Ф. Зарук и др. // *АПК: экономика и управление*. — 2017. — № 4. — С. 51–60.
 5. Папцов А.Г. Роль экономического механизма в воспроизводственном процессе сельского хозяйства России / А.Г. Папцов, В.В. Маслова, Н.Ф. Зарук и др. // *Нива Поволжья*. — 2016. — № 4. — С. 122–129.

References

1. Tax Code (part II) of Russian Federation dated 05.08.2000 N 117-FZ (red. ot 27.11.2017) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2018). // SPS «Garant». — URL: <http://base.garant.ru>.
2. Zарuk N.F. Nalogi i nalogoblozhenie: uchebnoe posobie / N.F. Zарuk, A.V. Nosov, M. Ju. Fedotova, O.A. Tagirova // Moscow: INFRA-M, 2016. — 249 p.
3. Zарuk N.F. Metodologija opredelenija nalogovoj sostavljajushhej v konechnoj cene produkcii dlja rascheta ee konkurentosposobnosti na rynke gosudarstv-chlenov EAJeS / N.F. Zарuk, A.V. Nosov // *Niva Povolzh'ja*. — 2017. — № 3 (44). — P. 122–129.
4. Maslova V.V. Jekonomicheskoe regulirovanie vosproizvodstva v APK / V.V. Maslova, N.A. Borhunov, N.F. Zарuk i dr. // *APK: jekonomika i upravlenie*. — 2017. — № 4. — P. 51–60.
5. Papcov A.G. Rol' jekonomicheskogo mehanizma v vosproizvodstvennom processe sel'skogo hozjajstva Rossii / A.G. Papcov, V.V. Maslova, N.F. Zарuk i dr. // *Niva Povolzh'ja*. 2016. — № 4. — P. 122–129.

Контактная информация:

ФГБНУ ФНЦ ВНИИЭСХ

123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, д. 35, корпус 2

FSBSI FRC VNIIESH

123007, Moscow, Khoroshevskoe highway, 35, building 2

Тел./Tel.: +7 (8499) 195-60-26, e-mail: zaruk84@bk.ru

КОММЕНТАРИЙ ПО ТЕМЕ

COMMENT ON THE FOLLOWING TOPIC

Р.С. ГРИНБЕРГ

Вице-президент ВЭО России, научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор

R.S. GRINBERG

Vice-president of the VEO of Russia, Research Advisor of the Institute of Economics of the Russian Academy of science, corresponding Member of RAS, PhD in Economics, professor

АННОТАЦИЯ

Автор предлагает отказаться от абсолютизации тезиса о налоговой нагрузке на бизнес как о единственном или решающем факторе динамики экономического роста. Поскольку при отсутствии государственной стратегии облагораживания индустриального ландшафта страны, по мнению автора, даже самая идеальная налоговая система не в состоянии обеспечить экономический рост, не говоря уже об устойчивом развитии.

ABSTRACT

The author suggests refusing to absolutize the business tax burden thesis as the only or decisive factor in the economic growth dynamics. In author's opinion, even the most ideal tax system isn't able to provide with economic growth, let alone sustainable de-

velopment, without a proper state industrial landscape ennoblement strategy.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Налоговая нагрузка, экономический рост, крупный бизнес, средний и малый бизнес, стагнация, сбытовые перспективы, экономическая активность, индустриальный ландшафт, примитивизация структуры экономики.

KEYWORDS

Tax burden, economic growth, large business, medium and small business, stagnation, sales prospects, economic activity, industrial landscape, economic structure's primitivization.

Прежде всего я должен разделить энтузиазм, который только что выразил наш председатель. Редко встретишь такую профессиональную презентацию, где даются не просто пожелания улучшения чего-либо, а вскрывается вся глубина, мягко говоря, несовершенства нашей налоговой системы. Но мне хотелось бы остановиться на более общей проблеме, имеющей прямое отношение к рассматриваемой теме.

Дело в том что мы в России имеем, как мне кажется, несколько искаженное представление о связи между налоговой нагрузкой на бизнес и темпами экономического роста. Постоянно критикуя правительство, мы должны отдавать себе отчет в том, что его игнорирование наших упреков и рекомендаций, в том числе и в области налоговой политики, совсем не случайно и лишь отчасти связано с некомпетентностью тех или иных

субъектов принятия решений. Если правящий дом страны придерживается стратегии сохранения статус-кво, а, судя по всему, это так и есть, то и его политика в области доходов и расходов государственного бюджета руководствуется той же задачей. Так что теперешняя налоговая система в РФ пока так или иначе справляется с угрозами разрушения наметившейся экономической стабильности, но, конечно, практически никак не способствует развитию страны. При этом в официальной риторике задача ускорения экономического роста считается не менее важной, чем сохранение стабильности, которая, как показывает и наш, и международный опыт, неизбежно превращается в застой с широко известными негативными последствиями.

Далее, следует отказаться от абсолютизации тезиса о налоговой нагрузке на бизнес как о единственном или решающем факторе динамики экономического роста. Применительно к сегодняшней России ложность такого тезиса особенно очевидна. Природа нашей хозяйственной стагнации не сводится к отмеченным в презентации недостаткам отечественной налоговой системы. Вялость экономической активности в стране имеет более глубокие корни.

Оставим в стороне наш большой бизнес. Он настолько специфичен, что живет по своим правилам. Возьмем малый и средний. Принято считать, что, если бы не обременительные налоги, его вклад в ВВП был бы намного больше, чем в настоящее время. Действительно, малый и средний бизнес дает всего лишь 20% валового

внутреннего продукта, и это, конечно же, показатель архаичной экономики, потому что в нормальной, развитой, умной экономике это всегда 65–70%, это средний класс, среднее сословие, вообще-то говоря, основа цивилизованной экономики. И кажется, что его налоговое угнетение не позволяет увеличить эту долю.

Но я смотрю по-другому на эту вещь. Мне кажется, что одна из главных проблем России и российской экономики — это отсутствие большого бизнеса, каким бы парадоксальным такое утверждение ни казалось. Он представлен главным образом в топливно-сырьевом комплексе и именно поэтому не нуждается в заказах для малого и среднего бизнеса, который в странах с диверсифицированной структурой экономики, как правило, производит узлы и детали для крупных предприятий. Это очень важное отличие нашей среды для малого бизнеса от указанных стран. Так что даже если бы у нас не было бы проблем с предпринимательской активностью, трудно было бы рассчитывать на расширение доли малого и среднего бизнеса в общем объеме экономики в силу отсутствия спроса на его товары и услуги.

Мой опыт общения с малым и средним бизнесом говорит о том, что когда у вас есть предпринимательский аппетит и вы видите, что ваши товары и услуги продаются, то вы не особенно обращаете внимание на налоговую нагрузку. Словом, главное препятствие для развития — это отсутствие или узость сбытовых перспектив.

А все дело в том, что еще 25 лет назад наша страна взяла курс на реализацию концепции (тогда об этом говорили, сейчас не говорят, сейчас вроде бы и наоборот, риторика в другую сторону) так называемых «естественных конкурентных преимуществ». Она сводится к тому, что мы живем в благодном мире (тогда, по крайней мере, это было так, конец 80-х — начало 90-х гг.) и разделение труда в нем складывается стихийно справедливо для каждого участника. Если у вас хорошо получается нефть, газ, металл и удобрения, то вы это и производите, и продавайте, а все остальное, например, потребительские и инвестиционные товары, будут вам поставлять те, у кого это получается лучше и дешевле. Результат такой установки не заставил себя долго ждать: стремительная деиндустриализация экономики и примитивизация ее структуры.

Сегодня, кажется, должно быть все иначе. Возвращение геополитики как бы обесценивает доктрину «естественных конкурентных преимуществ». Но в реальности дело так не выглядит. Есть скромные успехи в импортозамещении, но малый и средний бизнес здесь почти ни при чем. Хотя вообще-то я считаю, что он у нас эффективный и вполне нормальный. Другое дело, что у него ниша есть только такая — торговля, строительство и услуги.

Мой вывод очевиден и прост. Если у вас нет государственной стратегии облагораживания индустриально-го ландшафта страны, даже самая идеальная налоговая система не в состоянии обеспечить экономический

рост, не говоря уже об устойчивом развитии. Наше же правительство больше заинтересовано в сохранении статус-кво. Оно, похоже, идет нам навстречу, когда мы говорим о том, что страна нуждается в комплексной промышленной политике. Долго-долго мы их уговаривали, что индустриальная политика — это не плохое, не архаическое сочетание слов. Теперь пожалуйста. Закон о промышленной политике хотите? — пожалуйста, стратегическое планирование хотите? — пожалуйста. Но это не меняет сути дела.

В общем, уместно заключить мои рассуждения очень, по-моему, разумным ленинским высказыванием: пока вы не решите более общий вопрос, постоянно будете наткаться на мелкие вопросы... Спасибо!

КОММЕНТАРИЙ ПО ТЕМЕ

COMMENT ON THE FOLLOWING TOPIC

В.А. РАЕВСКИЙ

Действительный член Сената Вольного экономического общества России, главный ученый секретарь Международной академии менеджмента, д.э.н., профессор

V.A. RAYEVSKY

Full member of the Senate of the Free Economic Society of Russia, Chief Scientific Secretary of the International Academy of Management, Doctor of Economics, Professor

АННОТАЦИЯ

Значительная часть налогоплательщиков, как и экспертного сообщества, считает фискальную нагрузку чрезмерной, снижающей мотивацию хозяйствующих субъектов к инвестированию. В то же время очевидно, что она не удовлетворяет потребностям бюджетной системы по общему объему ее доходов, не обеспечивает должного финансирования по многим направлениям экономического и социального развития, а также межрегиональному срезу обязательств. Все до сих пор проходившие реформации положение существенно не исправили, поскольку меры по формальному снижению налоговой нагрузки ради повышения инвестиционной активности не обеспечили устранения структурно отраслевых диспропорций и уязвимости экономики от состояния внешней конъюнктуры, не затрагива-

ли деформацию системы принятия решений и регионального среза компетенций и обязательств. Совершенствование налогов должно осуществляться в рамках пересмотра всей системы перераспределения финансовых ресурсов и институтов, за нее ответственных.

ABSTRACT

A significant proportion of taxpayers as well as the expert community consider the fiscal burden to be excessive, reducing the motivation of economic entities to invest. At the same time it is obvious that it doesn't meet the requirements of the budgetary system for the total amount of its revenues, doesn't provide with the right financing many areas of economic and social development, and also it doesn't fit with a interregional cut-off of liabilities.

All previous reformations didn't really change anything, because the tax reducing measures with the purpose to advance investment activity didn't provide with structural and industrial imbalance correction and didn't cover economical insecurities from outer business state either; they didn't touch the desision-making system deformation and the interregional cut-off of liabilities.

Tax improvement should be carried out under the revision of the entire financial resourses reallocation system and all responsible institutions.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Налоги, фискальная нагрузка, бюджет и его структура по целевому назначению и региональному срезу, инвестиционные возможности предприятий и структурно отраслевой перекоп потребностей и ресурсов, стратегическое планирование развития во взаимосвязи с его ресурсным обеспечением.

KEYWORDS

Taxes, fiscal burden, budget and its structure by purpose and regional cut, investment opportunities of enterprises and structurally sectoral skewed needs and resources, strategic development planning in conjunction with its resource support.

Первый том научных трудов ВЭО России, вышедший в 1994 г., начинался с публикации материалов Пленума ВЭО, целиком посвященного обсуждению вопросов реформирования налоговой системы. Мне тогда довелось своим докладом открывать Пленум, и начал я с цитаты из работы К. Маркса «Классовая борьба во Франции»: «Когда французский крестьянин хочет представить себе черта, он представляет его в виде сборщика податей». В научной повестке работы ВЭО только пленумов по этой тематике было два, а еще научные конференции, круглые столы, не говоря уже о том, что в процессе обсуждения актуальных проблем экономики никогда не обходилось без обширных пассажей и целых выступлений, затрагивающих систему налогов. За это время вышел и неоднократно перерабатывался Налоговый кодекс, подвергались коренному пересмотру пенсионная система и системы социального и медицинского страхования с соответствующей корректировкой источников, обеспечивающих их функционирование. Поэтому весьма занимательно будет привести через 23 года обсуждений и бурной практической деятельности четвертый абзац из того же доклада: «Несомненно, налоговая си-

стема нуждается в реформировании. Ею недовольны налогоплательщики, и она не удовлетворяет потребностям бюджетной системы».

Представленный доклад с полемически заостренным названием (VS, как известно, аббревиатура от латинского *Versus* — против) отличается фундаментальной аналитической базой, обосновывающей основные выводы и предложения, тем более ценной, что для ее формирования было обеспечено взаимопонимание и конструктивное взаимодействие с налоговой службой на самом высоком уровне. Совершенствование организационно-методической работы налоговой службы и оснащение ее современными коммуникационными средствами уже привели к повышению собираемости налогов. Тем более интересна аналитика, подтверждающая, что, даже «нарисовав» в законодательных актах вполне среднестатистические в международных сравнениях ставки налогообложения, мы за счет дефектов в расчетах базы обложения и неспособности не только правильно учесть, но даже просто легализовать в подлинных масштабах экономическую активность самозанятых, малого бизнеса, да и вполне значимых по объемам и числу работающих хозяйствующих структур, получаем обременительную для бизнеса фискальную нагрузку, ограничивающую возможности инвестирования и развития. Это подтверждает наличие еще значительных возможностей снизить эту нагрузку в рамках проектного уровня налогообложения для конкретного

добросовестного налогоплательщика за счет совершенствования работы налоговой службы. И, увы, мы видим вопиющие потери доходов, не говоря уже о коррупционных рисках, в работе ответственной за сбор значительной части их общего объема таможенной службы, преобразования организационно-методической работы которой трудно назвать успешными. При ограниченных возможностях законодательного увеличения налогов и сложности соответствующих процедур, как бы в компенсацию, плодятся инициированные на федеральном и региональном уровнях поборы, а слабость их профессионально-методического обеспечения пытаются восполнить за счет административного давления, которое является самым нетерпимым элементом для формирования благоприятной среды развития бизнеса.

«Бездефицитный бюджет» в докладе по факту представлен двояко: во-первых, как некая «мантра», определяющая логику сторонников сохранения и даже увеличения фискальной нагрузки ради достижения такого результата, а во-вторых, как возможный результат реализации системы «умных налогов» со справедливой оговоркой, что решения практического свойства должны быть найдены в рамках согласований и достижения консенсуса при завершении работы над Стратегией развития экономики. Вряд ли среди присутствующих кто-то выскажется в ином плане. Тем не менее было бы правильно представить некоторые комментарии. Воз-

можно, они в какой-то мере предвосхитят тезисы, которые не могут не возникнуть в рамках предстоящей работы.

В пакете дискуссионных передач РБК ТВ есть постоянная рубрика, в которой противопоставление мнений сторонников «технического» и «фундаментального» анализа как основы инвестиционных решений также обозначено аббревиатурой VS. Но вот общепризнанный «гуру» частного инвестирования Уоррен Баффет считает, что и та и другая позиции в догматической постановке ведут их сторонников с той или иной временной разбежкой к потере своих денег. Баффет дает совет простой, но подходящий для любого ответственного решения, и не только в инвестировании: если я не могу рассчитать прямой доход на перспективу по меньшей мере пяти лет, я просто забываю об этом варианте и перехожу к рассмотрению других возможностей.

Государственная стратегия инвестирования или постановки цели развития отличается, конечно, ориентацией на более длительную перспективу, чем это может себе позволить частный инвестор. Но это не избавляет от самой необходимости расчетов, пусть и с серьезными допусками, в том числе по векторам, противодействующим поставленной цели. В конечном счете из сумм фактически собранных налогов должен быть составлен консолидированный бюджет с учетом его иерархического построения и структуры, определяемой целями

экономической политики. В этом и состоит основное предназначение налоговой системы. Она может рассматриваться в системе государственного управления как самостоятельный институт, ради лучшего администрирования, профессиональной подготовки кадров, решения методических и организационных вопросов, эффективность которых обеспечивается специализацией, но она является в то же время и частью единой бюджетной системы. Несоответствие отдельных налогов и совокупной нагрузки в целом пожеланиям налогоплательщиков, как и неудовлетворенность, но уже в качестве предприятий, организаций и граждан — бенифициаров бюджетных расходов, общим объемом и структурным срезом бюджета, — это естественная диалектика поведенческих побуждений субъектов во взаимодействии с экономической средой, мотивации их суждений и поступков. Мы могли убедиться в этом по дискуссиям и в те годы, которые публицисты относят к «тучным». Не может быть игнорирован и опыт упомянутых в начале наших комментариев ранее проведенных реформаций, которые так и не привели к эффективным решениям.

Дефицит бюджета — уже законодательно оформленная в конкретных цифрах реальность, и даже на три года вперед, с постепенным снижением до почти символических 0,8% ВВП. При этом поставленная задача снижения дефицита бюджета, очевидно, явилась и препятствием для решения назревших проблем коррек-

тировки его структуры. Принятый бюджет составляет в терминологии советского варианта планирования «базу» стратегии развития до 2030 года, в том смысле что она должна содержать конкретные решения не только достижения цели, но и преодоления инерции сложившихся стереотипов и наличествующих рисков как внутренних диспропорций, так и международного положения страны. Конечно, мне могут возразить с цифрами в руках, что отчетные данные об исполнении бюджета почти всегда лучше, чем законодательно закрепленный плановый результат. И резервы здесь есть. Но тут стоит задуматься, почему авторитетные замечания Счетной палаты на этот счет в лучшем случае учитываются лишь частично. Объяснить это можно по-житейски просто: создается дополнительный запас прочности для обеспечения исполнения бюджета и финансирования неотложных нужд (отдаем себе отчет в условности отнесения расходов к упомянутой категории). А мотивация Минфина РФ при представлении проектировок исходит из стремления снизить лоббистское давление на плановые расходы. Вот и министр финансов Силуанов А.Г. в своих откровенных комментариях отметил, что закладываемая в расчетах бюджета цена нефти (а только прямые нефтегазовые доходы составляют не менее половины его наполнения) должна учитывать возможное усиление финансовых санкций, вплоть до заморозки счетов ЦБ, на которых находятся ценные бумаги и валюта из российских государственных резервов. Можно ли от этого отмахнуться?

Возникает также вполне закономерный вопрос, почему в нашей стране меры по довольно существенному снижению налоговых ставок если и имели успех, то очаговый, не повлияли существенно на мотивацию бизнеса к увеличению инвестиций, изменение пропорций потребления и накопления или же состояние капитального счета платежного баланса. Достаточно вспомнить, что ставка налога на прибыль снижалась с 35 до 24, а затем до 20%, а налога на добавленную стоимость с 28 (действительно несуразных и не имеющих аналогов) до 20, а затем 18%. При этом платежный баланс, например, имел за 1994–2016 гг. порой значительные колебания от умеренных до действительно драматических цифр бегства капитала и положительного абсолютного притока (всего два года — 2006 и 2007), но при рассмотрении оказывается обязан таким колебаниям совсем другим, как правило, конъюнктурным обстоятельствам, чаще всего относимым к инвестиционному климату или «страновым рискам». Например, в памятном 2014 г. сальдо вывоза капитала составило 154 млрд долларов, втрое превышало суммы предшествующего и последующего годов, тоже немалые. Для сравнения: весь консолидированный бюджет в долларовом выражении можно определить суммой около 250–270 млрд. Никакого существенно значимого всплеска инвестиций не было зафиксировано и в годы относительно стабильной конъюнктуры. Рост инвестиций, наблюдавшийся во время использования соответствующей налоговой льготы, не был стабильным и фронтальным, не

привел к закреплению его как устойчивой тенденции экономического развития.

Дело в том, что прямое заимствование элементов «рейганомики» в стране, в которой с полной конвертируемостью национальной валюты скорее погорячились, вряд ли возможно. А погорячились потому, что и обратное решение даст, скорее всего, столь же обратный результат, ухудшая сложившиеся параметры оценки инвестиционного климата. Законодательное открытие всех шлюзов в этой области осуществляется как венец либерализации валютного законодательства, и еще в середине 80-х годов прошлого века во Франции, Италии и многих других странах Европы сохранялись существенные ограничения в этой области. В нашей же стране прекраснодушие в продвижении идей скорого восполнения недостатка ресурсов для инвестирования за счет снижения налоговых ставок и преждевременной, не соответствующей параметрам экономики, либерализации валютного законодательства уже привело к потере потенциальных инвестиционных ресурсов, по меньшей мере, до триллиона долларов. В опубликованном в прошлом году докладе Бюро экономических исследований США и содержащем такую же оценку приведено образное сравнение — соответствие этой суммы всем активам, хранимым населением и бизнесом внутри страны. И это не говоря уже о дополняющих иллюстрацию этого положения данных о чрезмерном расслоении материального достатка и владения соб-

ственностью, темпах роста крупнейших состояний и постепенного их дрейфа за юрисдикцию нашего законодательства, также подтверждающих необходимость корректировки инструментов распределения и перераспределения денежных ресурсов.

К сожалению, для понимания причин этих явлений не удастся ограничиться правовыми и экономическими факторами. Инвестиционный климат включает не только законодательство, судебную-арбитражную практику, налоговую нагрузку, степень регулирования и контроля, но также формируемые под их влиянием преобладающий вектор в мотивации решений и в целом модель ведения бизнеса. Имманентным наследием прежней системы хозяйствования изначально было обременение хозяйственной деятельности доминантой принятия инвестиционных решений, и не только их, в вышестоящих инстанциях. Но за ее сломом последовали практически полное устранение государства от управления государственным же пока предприятиями, бессистемный и даже, по многим обстоятельствам, «мутный» процесс приватизации, в результате чего реализация металллома, сдача в аренду или даже продажа зданий под снос и последующую непрофильную застройку стали для многих из них сущностью бизнеса. Государственное управление, ухватившись за «премию» в виде доходов от конъюнктурного взлета цен на энергоносители, пошло (точнее сказать «поплыло») в направлении демонстрации достижений роста

за счет потребления, по причине утраты собственных источников удовлетворения спроса, преимущественно импортного происхождения. Банковская система развивалась в сторону обслуживания торгово-посреднической деятельности и деградации инвестиционной составляющей менеджмента и нормативной базы в части обеспечения реконструкции и перевооружения предприятий реального сектора. Большая часть фигурирующих под этим названием активов относится к крупным, ориентированным на экспорт, в основном сырьевой направленности предприятиям, когда кредиты обеспечиваются не расчетами окупаемости, а устойчивым спросом на продукцию и валютной выручкой.

Поскольку, как мы надеемся, нас ждут решения стратегического характера, закрепленные в некоем обязывающем документе, приходится вернуться к тем базовым факторам, которые определяют уязвимость нашей экономики. Очевидно, это перекося в структурно-отраслевом развитии, вымывание предприятий и целых отраслей, которые ранее относились к «производству средств производства», включая отраслевую науку, проектирование, опытное производство и вплоть до кадрового профессионального обеспечения, соответствующая зависимость от импорта, в свою очередь «подвешенного» не только на конъюнктуре сырьевого экспорта и волатильности национальной валюты, но и политических рисках. Инвестиционные возможности действующих предприятий обрабатыва-

ющей промышленности, будучи зависимыми от той же группы факторов, ограничены. При благоприятных обстоятельствах они решают вопросы технического перевооружения и обновления своей продукции, но вряд ли их достаточно для инвестиций даже в смежные, той же отраслевой направленности производства. За три десятилетия не восстановлены объемы и необходимые компетенции в производстве многих видов простых и электромеханических инструментов, техники специального назначения и даже канцелярских товаров, а главное — в станкостроении. Свободные финансовые ресурсы сырьевых отраслей, если и направляются в непрофильные активы, то редко, бессистемно и, как правило, не слишком эффективно. Чаще они используются, как собственно и должно быть, для профильной отраслевой экспансии, включая и зарубежную. Процесс необходимого перераспределения свободных ресурсов на инвестиционные цели через банковскую систему (не более 8–9% в общем объеме инвестиций) нельзя признать удовлетворительным, и здесь важен сам факт, а не баланс субъективных факторов (нежелание изменить подходы к организации риск-менеджмента) и объективных (отсутствие инициативы и обеспеченных должным образом проектной документацией объектов). Во многих случаях восстановление утраченных компетенций и организация новых, соответствующих современным требованиям производств, — это вопрос нового строительства, требующего серьезных по объемам и долгосрочных по срокам окупаемости ресур-

сов. Это определяет значительный масштаб запросов на льготы, государственное софинансирование и другие формы государственно-частного партнерства, а значит, бюджетные средства и средства институтов развития, формируемых из государственных источников.

Этот краткий и далеко не полный пересказ проблематики, которая была задействована в обсуждениях возможных вариантов стратегии развития на перспективу, потребовался для констатации бесспорного положения, которое относится к теме и сегодняшней встречи. Решение вопросов перераспределения ресурсов, включая и новые факторы мотивации деловой активности, — это комплексная системная задача. Налоги — кристаллическая решетка экономики, определяющая объем возможных для перераспределения ресурсов после удовлетворения первоочередных нужд, которые традиционно связывают с бюджетом. Их проектная нагрузка, рассчитанная по законодательно утвержденным ставкам обложения хозяйственной деятельности, вполне комфортна для бизнес-среды, исходя из международных сравнений. А корректировка ставок обложения затрат на трудовые ресурсы, например, так или иначе будет связана с увеличением бюджетной поддержки соответствующих социальных расходов, весьма трудными решениями по ее обеспечению. Упрощенный подход к обеспечению деятельности внебюджетных фондов социального назначения, в том числе в части рассмотрения нормативов их форми-

рования как фактора стимулирования хозяйственной деятельности, вне сущностной концепции их назначения, возможный перекокс собственных источников и бюджетной поддержки, обесмысливает их деятельность в качестве самостоятельных институтов.

Несмотря на то что структура бюджета сейчас как раз далека от параметров, которые могли бы способствовать экономическому росту, но она принята на ближайшие три года и при спонтанном, несистемном пересмотре вызовет потерю ориентиров и даже непроизводительные потери финансовых ресурсов. Ее можно рассматривать лишь в качестве базовой для возможной коррекции в рамках будущего процесса формирования среднесрочных и долгосрочных целей стратегического назначения. Внутренние заимствования на денежном рынке возможны и даже часто оказываются достаточно успешными, но при этом, будучи связанными с нынешней структурой бюджетных назначений, отвлекают имеющиеся на финансовом рынке ресурсы от использования на цели, недостаточно представленные в бюджете, то есть те же инвестиции. Институты развития, инструменты их наполнения, проектное финансирование при наличии периодически фиксируемых проблем и потерь, связанных не только с методическими и организационными недоработками, но и с непрозрачностью деятельности, обремененной, условно говоря, «телефонным» правом и подменой «престижными» и «имиджевыми» объектами объектов инфраструк-

туры, пока в полной мере нельзя считать задействованными в решении ключевых проблем отраслевой разбалансированности.

Мы больше года обсуждали различные варианты стратегии долгосрочного развития. Более того, по факту перекрестного участия авторитетных ученых, специалистов в различных рабочих группах можно констатировать формирование относительного консенсуса в направлении решения многих важных проблем, хотя, к сожалению, не последовало прямого гласного поручения, предполагающего работу над стратегией в качестве рабочего документа в ответственных правительственных структурах, с учетом подготовленных вариантов Стратегии развития до 2030 г. Не последовало и какого-либо внятного выражения мнения в отношении тех принципиальных положений вариантов стратегий, которые можно считать концептуальными. Отложено даже введение в действие соответствующего Закона о стратегическом планировании, впрочем, имеющего такой важный недостаток, как отсутствие четких параметров содержания этого процесса и его документирования. На сегодня ясно, что уже по временному фактору вместо выхода на официальное межведомственное согласование и общественное обсуждение проекта Стратегии мы получим лишь предвыборный манифест, отягощенный неизбежными для электорального процесса решениями, существенно осложняющими формирование оптимальных установок с точки

зрения целей развития и их ресурсного обеспечения. Остается надеяться, что среди первых решений нового правительства будет то, которое определит уполномоченную структуру, ответственную за все согласования и формирование проекта реального бизнес-документа стратегического назначения, позволяющего в последующем работать над весьма важными документами среднесрочного уровня на три и шесть лет, которые в упомянутом Законе обоснованно отнесены также к стратегическим, но за близостью сроков исполнения и контроля этапов реализации обязывают к ответственным, просчитанным по всем факторам решениям.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

CLOSING REMARKS

Д.Е. СОРОКИН

Вице-президент ВЭО России, председатель
Научного совета ВЭО России, научный
руководитель ФГБОУ ВО «Финансовый
университет при Правительстве
Российской Федерации», член-
корреспондент РАН

D.E. SOROKIN

Vice-president of the VEO of Russia,
chairman of the Scientific board of the
VEO of Russia, scientific director of
the Federal State-Funded Educational
Institution of Higher Education «Financial
University under the Government of
the Russian Federation», corresponding
member of the Russian Academy of
Sciences

Спасибо всем участникам наших чтений! На мой взгляд, состоялся вполне профессиональный разговор, тон которому задали наши ключевые докладчики. Как обычно, обработанная стенограмма будет разослана во все заинтересованные ведомства, так что кто не сумел выступить, может прислать свой

материал для включения в стенограмму. Но разговор, думаю, будет продолжен, в том числе на семинаре в Институте экономики РАН, на который я приглашаю присутствующих.

В заключение хочу сказать, что многое, о чем сегодня говорилось, заставило меня вспомнить слова Экклезиаста о том, что когда говорят: «Смотри, вот это новое» — не верь, ибо это уже было в прошедших веках.

Вот сегодня звучала главная мысль: казна будет богатой, если будет экономический рост, если будет богатый предприниматель, если будет богатое население и так далее. Но ведь об этом писал в 1663 г. Юрий Крижанич в своей книге «Политика»: «Где одна лишь казна богата, а вся страна убога, там скоро не станет силы».

Российский министр финансов (1774–1845) Е.Ф. Канкрин: «Коренное условие доброго финансового управления — содействовать благосостоянию народа разными финансовыми учреждениями, облегчениями и проч., богатый народ может давать и большие доходы; а вымогать оный у бедного значит срубить дерево для получения плодов».

Наконец, первый российский министр госимущества (1838–1856) П.Д. Киселев: «Я принял государственных крестьян не с тем, чтобы выслуживаться внезапным возвышением с них доходов, а с тем чтобы сначала улучшить их состояние, и думаю, что таким образом более усердствую своему Отечеству, нежели те, которые

во всех своих начинаниях имеют в виду одну только финансовую выгоду. Каждый сверх меры исторгнутый от плательщиков рубль удаляет на годы развитие экономических сил государства».

Так что российская экономическая мысль давно сформулировала те ключевые положения, о воплощении которых мы говорили сегодня. Наша задача — постараться, чтобы они воплотились в жизнь.

II МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«УРАЛ — XXI ВЕК: РЕГИОН ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ»

29 ноября 2017 года в Уральском государственном экономическом университете (УрГЭУ) прошла приуроченная к 50-летию юбилею университета научно-практическая международная конференция «Урал — XXI век: регион инновационного развития», организованная с участием и при поддержке ВЭО России..

В пленарном заседании конференции приняли участие ректор УрГЭУ **Яков Силин**; вице-президент ВЭО России **Маргарита Ратникова**; советник президента Российской академии наук, заместитель председателя Совета по изучению производительных сил, член-корреспондент РАН **Валерий Чичканов**; генеральный директор Уральского оптико-механического завода **Анатолий Слудных**; председатель Объединенного ученого совета Уральского отделения РАН по экономическим наукам, заведующий кафедрой политической экономии УрГЭУ, член-корреспондент РАН **Евгений Попов**.

Помимо работы секций, в рамках конференции прошли «Аспирантские чтения — 2017», на которых молодые ученые выступили со своими докладами.

Кульминационным моментом этого знакового мероприятия стала учредительная конференция региональной общественной организации «Уральское отделение Вольного экономического общества России».

В настоящем сборнике представлены статьи, сформированные на основе пленарных докладов конференции.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ В ПРОСТРАНСТВЕ УРАЛЬСКОГО МАКРОРЕГИОНА В XXI ВЕКЕ

STRATEGIC KEYNOTES OF NEW INDUSTRIALIZATION IN THE URAL MACROREGION SPACE IN THE 21ST CENTURY

Я.П. СИЛИН

Ректор Уральского государственного экономического университета, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления, президент Уральского отделения ВЭО России, д.э.н., профессор

Y.A.P. SILIN

Rector of the Ural State University of Economics, Professor of the Department of Regional,

Municipal Economy and Management, President of the Urals Branch of the Russian Economic Outlook, Doctor of Economics, Professor

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена определению стратегических направлений развития в рамках новой индустриализации на примере Урала. Доказано, что Уральский макрорегион объективно обладает предпосылками для перехода на путь новой индустриализации и трансформации в другую экономику без кризисов и серьезных потрясений.

В результате анализа пространственных аспектов размещения Уральского макрорегиона выделен ряд его преимуществ с точки зрения безболезненного перехода на рельсы новой индустриализации. Выявлены основные стратегические приоритеты развития Уральского макрорегиона.

ABSTRACT

The paper deals with strategic directions for development within the framework of new industrialization using the case of the Urals. It proves that the Ural macroregion has all the prerequisites for following the path of new industrialization and being transformed into another economy that is free of acute crisis and turmoil.

The author associates regional development with the postulates of spatial economics and the issues of territorial allocation of resources.

Having analyzed spatial aspects of the Ural macroregion's location, we identify a number of its advantages from the standpoint of seamless transition to new industrialization. The author establishes the major strategic priorities for the region's development,

which include production of unmanned aerial vehicles and robots, nanomaterials, metal products and metal structures for developing and reclaiming the Arctic and the continental shelf, as well as implementation of projects in the nuclear industry and the military-defense complex.

To implement these avenues of new industrialization, the author suggests applying additive and information technologies, vertical integration, and complementarity of traditional and new production.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Новая (нео) индустриализация; Уральский макрорегион; приоритеты новой индустриализации; стратегии развития.

KEYWORDS

New (neo) industrialization, the Ural macroregion, priorities of new industrialization, strategies.

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы умы многих ведущих отечественных экономистов занимают проблемы формирования новой модели социально-экономического роста страны. Как считает Председатель Правительства РФ Д.А. Медведев: «Нам предстоит формировать модель развития, способную обеспечить нашей стране значимое место в современном мире» [15, с. 5].

Среди многочисленных предлагаемых экономических моделей и формул особо выделяется модель новой (нео) индустриализации. Хотя дискуссии о необходимости проведения в России новой индустриализа-

ции проводились еще с начала 1990-х гг., инициатором новой серьезной дискуссии в отечественной науке, как считают многие исследователи, выступил профессор МГУ С.С. Губанов, опубликовавший в 2008 г. фундаментальную статью по этому вопросу в журнале «Экономист» [11].

С.С. Губанов сущность новой индустриализации России определяет как вторую, цифровую и технотронную, фазу индустриализации [12, с. 43].

Многие известные отечественные ученые-экономисты — С.Д. Бодрунов [6, 7], С.Ю. Глазьев [8], Р.С. Гринберг [9, 10], Р.М. Нуреев [16], Е.Б. Ленчук [14], В.Т. Рязанов [17, 18, 19], А.З. Селезнев [20], Д.Е. Сорокин [23, 24], О.С. Сухарев [25], А.И. Татаркин [26, 27] и др. — будущее российской экономики видят через призму мощного технологического прорыва — через *новую индустриализацию*.

УРАЛЬСКИЙ МАКРОРЕГИОН — СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННО-ОБРАЗУЮЩИЙ ТИП РЕГИОНА

Среди крупных экономических районов (или, иначе, макрорегионов) России особо выделяется Уральский макрорегион, который представляет собой особый, государственно-образующий тип региона, исторически сформировавшийся в срединной, стратегически важной части страны, структурированной и идентифицированной на основе как традиционных факторов (географического, исторического, цивилизационного и культурного), так и новых факторов эпохи пост-

модерна (коммуникационных, сетевых, виртуальных и др.), и концентрирующий значительную долю населения, производственного, научного и оборонного потенциала, капитала и ресурсов России (см. рис. 1).

Урал в качестве крупнейшего экономического региона страны наиболее ярко воплотил как общую, так и регионально-историческую специфику инновационных преобразований. Уральский регион непосредственно влияет на экономические, социальные и политические процессы, протекающие в России.

Академик А.И. Татаркин предложил идею признания миссионерской роли Урала в модернизации российской экономики [27]. В ранее представленных работах нами также было обосновано авторское понимание процесса *новой индустриализации* и доказана его острая необходимость для экономики Уральского макрорегиона [21, 22].

Уральский макрорегион в настоящее время можно представить как некоторую саморазвивающуюся социально-экономическую целостность без жесткой замкнутости территориальных границ, характеризующуюся определенной культурно-цивилизационной общностью территорий, конструированием региональной идентичности, новыми формами кооперации в рамках вертикальной интеграции, существенном сближении экономических интересов субъектов, входящих в состав макрорегиона и т.п.

Для Уральского макрорегиона политика новой индустриализации вызвана необходимостью, во-первых,

обеспечения восстановления традиционных базовых отраслей промышленности на новой технологической основе (политика реиндустриализации), во-вторых, создания новых производств пятого и шестого технологических укладов, позволяющих в итоге поднять экономику не только региона, но и всей страны на новый уровень развития.

Рис. 1. Уральский макрорегион в пространстве России

Формирование промышленной цифровизации на Урале в ближайшей перспективе будет иметь скачкообразный характер и затронет структуру производства,

инжиниринговые процессы и технологии управления ими.

ПРИОРИТЕТЫ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ В МАКРОРЕГИОНЕ

Один из ключевых вопросов исследования — выбор отраслевых приоритетов новой индустриализации. Учитывая высокий уровень затрат на инновационные производства, соответствующие пятому и шестому технологическим укладам, создание высокотехнологичных секторов экономики требует наличия научного, трудового, материального, информационного, финансового и прочих потенциалов в регионе, а также политики поддержки со стороны федеральных и региональных властей.

Учитывая, что образ будущего облика экономики России видится расплывчатым, непознанным (и в первую очередь в связи с растущим отставанием ее в научном и технологическом развитии от развитых государств), для выявления стратегических направлений и отраслевых приоритетов новой индустриализации на территории Уральского макрорегиона нам пришлось выявить, проанализировать и обобщить конкретные данные по высокотехнологичным производствам предприятий, функционирующим в настоящее время в пространстве макрорегиона.

Проведенный нами анализ позволяет утверждать, что *отраслевые приоритеты* новой индустриализации Уральского макрорегиона находятся в области преиму-

щественного развития *средств производства*. Среди них выделяются следующие производства:

- оборонно-промышленный комплекс (предприятия присутствуют во всех субъектах Уральского макрорегиона);
- производство беспилотных летательных аппаратов (Республика Удмуртия, Свердловская область);
- атомная промышленность (Свердловская, Челябинская области; Республика Удмуртия);
- производство робототехники (Челябинская область и Пермский край);
- информационные технологии (Пермский край);
- аддитивные технологии (Свердловская область);
- производство наноматериалов (Свердловская область, Челябинская область, Пермский край, Республика Башкортостан);
- производство металлопродукции, предназначенной для развития и освоения Арктики и континентального шельфа.

ВЕРТИКАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА И НЕОИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ

Большинство инновационных уральских предприятий вошли в состав вертикально интегрированных структур крупнейших государственных корпораций, задачей функционирования которых является поддержка и развитие высокотехнологичных современных производств в стране, что соответствует сути новой индустриализации.

В корпорациях экономический эффект достигается за счет реального взаимодействия между тремя институциональными секторами — государством, производством и наукой (образованием), причем главной движущей и организующей силой выступают различные государственные структуры. В зарубежной экономической литературе данная триада идентифицируется под названием модель «тройной спирали», автором которой считается профессор Стэнфордского университета Генри Ицкович [13]. Ведущую роль в этой триаде играют университеты, а не государство. Логика данной модели с опорой на университеты проста: ведь только усилиями молодых людей можно построить новую инновационную экономику.

Создание вертикально интегрированных государственных корпораций представляет собой составную часть институтов развития наряду с особыми экономическими зонами и инвестиционными фондами [1, 2, 5].

Как доказывает С.С. Губанов, без вертикальной интеграции производства неоиндустриализация неосуществима [11].

В частности, в 2007 г. в России были созданы шесть государственных корпораций с целью решения задач экономического, социального и политического характера, среди которых ГК «Ростехнологии», ГК «Росатом», ГК «Роснано».

С позиции исследования новой индустриализации наибольший интерес представляет деятельность квазихолдинга ГК «Ростехнологии», квазимиистерства

«Росатом», главной задачей которых является повышение конкурентоспособности отдельных стратегических секторов (отраслей), обеспечение национальной безопасности, реструктуризация и консолидация соответствующих государственных активов. ГК «Роснотех» (в настоящее время ОА «Роснано») содействует реализации государственной политики по развитию nanoиндустрии, инвестируя в высокотехнологичные проекты, создающие новые производства на территории России.

Промышленные предприятия с высокотехнологичным производством Уральского макрорегиона широко представлены в структурах основных государственных корпорациях — «Ростех», «Росатом» и ОА «Роснано». Эти предприятия с весьма разветвленными отраслевыми (вертикальными) и территориальными (горизонтальными) производственными связями формируют своеобразные территориально-производственные сети.

Проведя анализ состава и специализации уральских предприятий, входящих в состав ГК «Ростех», ГК «Росатом» и АО «Роснано», можно констатировать, что важнейшие стратегические ориентиры новой индустриализации на территории исследуемого макрорегиона — это, во-первых, *отрасли оборонно-промышленного комплекса* (ОПК).

ОПК Уральского региона — важная точка инновационного роста. В Уральском макрорегионе предприятия пятого технологического уклада в основном сосредоточены именно на предприятиях ОПК.

Практически из 17 технологий, составляющих базу пятого технологического уклада, на предприятиях ОПК Урала сконцентрировано 16 (в том числе ядерные, космические, авиационные, химические) [28]. Предприятия ОПК Уральского региона способны участвовать в любой из 28 технологических платформ (из 36, созданных в РФ за период 2010–2015 гг.), которые позволяют в рамках определенной корпорации замкнуть круг производственной деятельности — от идеи до выпуска конечной продукции и их обслуживания.

Перспективность предприятий ОПК Уральского макрорегиона подчеркивает тот факт, что многие из них вошли в состав государственной корпорации «Ростех», цель деятельности которой закреплена как содействие разработке, производству и экспорту *высокотехнологичной промышленной продукции* путем обеспечения поддержки на внутреннем и внешнем рынках российских организаций — разработчиков и производителей высокотехнологичной промышленной продукции путем привлечения инвестиций в организации различных отраслей промышленности, включая оборонно-промышленный комплекс, а также участия в социальных и иных общественно значимых проектах в интересах государства и общества. Стратегическая цель «Ростеха» звучит как «содействие государственной политике по модернизации и развитию промышленности», что напрямую согласуется с парадигмой новой индустриализации.

В составе корпорации выделены 15 структурных подразделений: девять холдинговых компаний оборонно-

промышленного комплекса и шесть — в гражданских отраслях промышленности.

В каждом структурном подразделении корпорации представлены уральские предприятия, что свидетельствует о высокотехнологичном характере представленного производства и значимости для российской экономики в перспективе.

Производство беспилотных летательных аппаратов

В состав государственной корпорации «Ростех» входит концерн «Калашников» (бывшее Научно-производственное объединение «Ижмаш», Удмуртская республика, г. Ижевск) — крупнейший российский производитель боевого автоматического и снайперского оружия, управляемых артиллерийских снарядов, а также широкого спектра высокоточного оружия, большой сегмент гражданской продукции включает охотничьи ружья, спортивные винтовки, станки и инструмент.

Концерн является флагманом отечественной стрелковой отрасли, на его долю приходится порядка 95% производства стрелкового оружия России. Продукция концерна «Калашников» поставляется более чем в 27 стран.

Новыми стратегическими направлениями деятельности концерна являются: дистанционно-управляемые боевые модули, беспилотные летательные аппараты и многофункциональные катера специального назначения.

Среди заказчиков беспилотного воздушного судна есть как государственные органы и предприятия, так и различные коммерческие структуры.

Атомная промышленность

Атомная отрасль традиционно является одной из высокотехнологичных и экспортно ориентированных отраслей России и Уральского макрорегиона.

Пять «атомных» городов, расположенных на территории Урала (из десяти, находящихся в ведомственном подчинении государственной корпорации «Росатом»), представляют собой обособленный и замкнутый ядерно-оружейный комплекс, интегрирующий самые современные теоретические, конструкторские и производственные составляющие — от добычи, обогащения и производства урана до сборки ядерных боеприпасов [3, 4].

Пять крупнейших предприятий атомной промышленности (АО «Уральский электрохимический комбинат»; ФГУП «Электрохимприбор»; ФГУП «Производственное объединение «Маяк»; ФГУП «Приборостроительный завод»; ФГУП «Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики имени академика Е.И. Забабахина, Российский федеральный ядерный центр»), имеющие статус градообразующих, с полным основанием можно отнести к предприятиям пятого и шестого технологических укладов. От деятельности градообразующих атомных предприятий в значительной степени зависит жизне-

деятельность закрытых городов, на территории которых они функционируют (см. рис. 2).

Рис. 2. Атомная промышленность Урала

14 уральских предприятий включены в состав государственной корпорации «Росатом», основное назначение которой напрямую связано с процессами новой индустриализации — повышением конкурентоспособности продукции и услуг на атомных энергетических рынках за счет модернизации существующих технологий и технического перевооружения производственных мощностей.

Производство робототехники

Робототехника — одно из ведущих стратегических производств, быстро формирующихся на Урале. Российской «столицей» производителей данных машин может стать Пермь. Здесь же может разместиться соответствующий федеральный центр. Как раз в Перми был создан промобот — обладатель искусственного интеллекта. Промоботы уже «работают» гидами в музеях, консультантами в банке, продавцами и т.п.

На территории Челябинской области формируется Южно-уральский промышленный кластер «Робототехника и человеко-машинный интерфейс». В настоящее время в работе кластера задействованы 16 организаций и учреждений, в том числе ведущие предприятия робототехнической отрасли Уральского макрорегиона. Кластер имеет широкую сеть инженерно-технических, коммерческих и сервисных организаций, объектов транспортной, энергетической и инженерной инфраструктуры.

Центральным (кластерообразующим) субъектом, выпускающим конечную продукцию, является АО «ПК „НПО „Андроидная техника“» (г. Магнитогорск) — единственный разработчик и производитель антропоморфной робототехники в России, одна из ведущих компаний по производству неиндустриальных робототехнических систем в стране. Продукция предприятия предназначена для сфер образования, медицины, космической и атомной отраслей, различных областей сервиса. В организации решаются фундамен-

тальные инженерные задачи — интеграция технологий в области механики, электроники, электротехники, технического зрения, сенсорного восприятия, навигации, искусственного интеллекта и группового взаимодействия мобильных объектов.

Формирование роботокластера на территории Челябинской области происходит по принципу тройной спирали, включающей три основные составляющие: власть — бизнес — наука.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Как подчеркнул В.В. Путин на совещании с представителями ИТ-отрасли в Перми, «кто будет владеть информационными цифровыми кластерами в отдельных отраслях, тот будет хозяином этих отраслей в мире».

В Уральском макрорегионе активно формируется кластер информационных технологий. В частности, на территории Перми концентрируется кластер информационно-коммуникационных технологий, представляющий собой группу предприятий и организаций, осуществляющих деятельность по разработке и производству продуктов и услуг в области управления информацией (информационных технологий), а также осуществляющих деятельность, направленную на развитие данной отрасли.

К основной продукции ИТ-кластера Пермского края относятся: оборудование и комплектующие, предназначенные для сбора, хранения и передачи информации; тиражное программное обеспечения различного на-

значения; услуги в сфере информационных технологий; технические и программные средства защиты информации, услуги защиты информации; сервисы, основанные на современных технологиях обработки информации.

Аддитивные технологии

По мнению экспертов, на территории Свердловской области существуют все предпосылки для формирования новой специализации региона — аддитивного производства. Регион обладает развитым индустриальным, научно-техническим и кадровым потенциалом.

В июле 2016 г. был подписан документ о создании научно-производственного консорциума «Аддитивные технологии». В консорциум вошли ключевые субъекты компетенций в сфере аддитивных технологий и порошковой металлургии: Уральский электрохимический комбинат, «Корпорация ВСМПО-АВИСМА», Госкорпорация «Ростех», общество «Наука и инновации», Всероссийский институт легких сплавов, опытное конструкторское бюро «Новатор», Машиностроительный завод им. Калинина, Уральский федеральный университет, Уральское отделение Российской академии наук. В рамках консорциума «Аддитивные технологии» в течение 2017–2018 гг. планируется решить две практические задачи: создать средства производства — аддитивные машины и материалы, из которых эти машины будут создавать детали.

Перспективность развития аддитивных технологий на Урале обусловлена высокой динамичность мирового

рынка 3D-печати. По оценкам заместителя директора департамента Министерства промышленности и торговли РФ Д. Никитина, мировой рынок 3D-печати ежегодно растет на 20–30%, и в 2020 г. может превысить 20 млрд долл., что в четыре раза больше, чем в 2015 г.

В настоящее время заказчиками аддитивных изделий являются предприятия оборонно-промышленного комплекса, в том числе Особое конструкторское бюро «Новатор», Уральский приборостроительный завод, «НПО автоматика», а также производители нефтегазового и нестандартного оборудования. Промышленные аддитивные системы установлены и работают на Уральском оптико-механическом заводе, производственном объединении «Октябрь».

Производство наноматериалов

Производство наноматериалов представляет собой еще одно направление становления собственно неоиנדустриального сегмента экономики Уральского макрорегиона.

Ключевые уральские предприятия в данной сфере — это ОАО «Кыштымский горно-обогатительный комбинат» (производство особо чистых кварцевых концентратов), АО «Уралпластик-Н» (производство гибкой полимерной упаковки, модифицированной нанокompозитами собственного производства), ЗАО «Новомет-Пермь» (производство нефтедобывающего оборудования с использованием наноструктурированных покрытий), ООО «ЕСМ» (производство

прецизионных экологически чистых электрохимических станков нового поколения), ОАО «Челябинский трубопрокатный завод» (производство соединительных деталей трубопроводов с использованием наноструктурированных материалов), ООО «Трубная металлургическая компания» (производство высокоточных труб из нержавеющей сталей и сплавов).

Производство металлопродукции и металлоконструкций для развития и освоения Арктики и континентального шельфа

Уральский макрорегион обладает соответствующим научным, научно-техническим и инновационным потенциалом для освоения арктической зоны РФ.

В частности, коллектив ПАО «Магнитогорский металлургический комбинат» разработал и внедрил уникальную технологию производства листового проката с индексом «Arc». Это означает, что по своим характеристикам, вязкости и хладостойкости металлопрокат выдерживает эксплуатацию при температуре до -70 градусов по Цельсию. Этот металлопрокат применяется без ограничений в условиях Арктики для любых конструктивных элементов и не имеет аналогов в мире.

Поставщиками металла и конструкций для самых больших и мощных атомных ледоколов в мире (в частности «Урал» и «Арктика») также являются уральские предприятия, среди которых и ММК.

Считаем, что определяющий фактор, инициирующий прогрессивные структурные сдвиги в экономике

Уральского макрорегиона, — это запуск процессов новой индустриализации, основанной на приоритетной поддержке конкурентоспособных технологий по важнейшим стратегическим направлениям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Проведенное исследование показало, что в экономике Уральского макрорегиона происходят серьезные структурные изменения в пользу высокотехнологичных производств.

2. Экономические преобразования в пределах макрорегиона выделяются неповторимостью не только в зависимости от времени, но и от количественных и качественных характеристик пространства, ибо они со своими уникальными факторами и условиями ускоряют, тормозят или искривляют протекание этих преобразований.

3. Системный анализ статистических показателей за время современных реформ свидетельствует, что Уральскому макрорегиону удалось сохранить свой «генетический код» — *индустриальную модель с ядром производства средств производства*.

4. Стратегические приоритеты новой индустриализации Уральского макрорегиона заложены в следующих ключевых направлениях: оборонно-промышленный комплекс; производство беспилотных летательных аппаратов; атомная промышленность; производство робототехники; информационные технологии; аддитивные технологии; производство наноматериалов; произ-

водство металлоконструкций для освоения Арктики, которые базируются на новейших технологиях пятого и шестого технологических укладов, способных изменить конфигурацию экономического ландшафта Урала.

Библиографический список

1. Абалкин Л.И. Роль государства в становлении и регулировании рыночной экономики // Вопросы экономики. — 1997. — № 6. — С. 4–12.
2. Авдашева С.Б., Симачев Ю.В. Государственные корпорации: можно ли оценить корпоративное управление? // Вопросы экономики. — 2009. — № 6. — С. 97–110.
3. Анимица Е.Г., Власова Н.Ю., Дворядкина Е.Б., Новикова Н.В., Софронов В.Н. Закрытые атомные города России: особенности развития и управления. — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-т, 2002.
4. Анимица Е.Г., Силин Я.П. Новая индустриализация в пространстве макрорегиона: цели, возможности, этапы // Неоиндустриально ориентированные преобразования в экономическом пространстве Уральского макрорегиона. — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-т, 2017. — С. 41–45.
5. Барышева Г.А., Бондарь Т.В. Государственная корпорация как новый инструмент реализации государственной собственности // Современные наукоемкие технологии. — 2010. — № 2. — С. 135–138.
6. Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. — М.: Культурная революция, 2016. — 349 с.
7. Бодрунов С.Д., Гринберг Р.С., Сорокин Д.Е. Реиндустриализация российской экономики: императивы, потенциал, риски

- // Экономическое возрождение России. — 2013. — № 1 (35). — С. 19–49.
8. Глазьев С. Экономика будущего. Есть ли у России шанс? — М.: Книжный мир, 2016. — 640 с.
 9. Гринберг Р.С. Перемены в экономическом устройстве мира: российская специфика // Социально-экономические проблемы современности: поиски междисциплинарных решений: сб. науч. тр. участников Международной конференции «XXIV Кондратьевские чтения» ред. В.М. Бондаренко. — М: Изд-во Межрегион. обществ. организации содействия изучению, пропаганде научного наследия Н.Д. Кондратьева, 2017. — С. 94–98.
 10. Гринберг Р.С. Состояние и перспективы экономики современной России. Осмысливая роль государства в экономике // Кондратьевские волны. — 2016. — № 5. — С. 109–130.
 11. Губанов С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // Экономист. — 2008. — № 9. — С. 3–27.
 12. Губанов С. Неоиндустриализация: к вопросу о «вопросе» (некоторые уточнения) // Экономист. — 2017. — № 3. — С. 43–53.
 13. Ицкович Г. Тройная спираль. Университеты — предприятия — государство. Инновации в действии / пер. с англ. — Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та систем управления и радиоэлектроники, 2010. — 238 с.
 14. Ленчук Е.Б. Роль «Новой индустриализации» в формировании инновационной экономики России // Институциональная среда «новой индустриализации» экономики России: Сборник / Под ред. Е.Б. Ленчук. — М.: Институт экономики РАН, 2014. — 264 с.

15. Медведев Д.А. Социально-экономическое развитие России: обретение новой динамики // Вопросы экономики. — 2016. — № 10. — С. 5–30.
16. Нуреев Р.М. От старой индустриализации к новой // Экономическое возрождение России. — 2016. — № 2. — С. 38–44.
17. Рязанов В.Т. Время для новой индустриализации: перспективы России // Экономист. — 2013. — № 8. — С. 3–32.
18. Рязанов В.Т. Новая индустриализация России: стратегические цели и текущие приоритеты // Экономическое возрождение России. — 2014. — № 2 (40). — С. 17–25.
19. Рязанов В.Т. Новое индустриально-технотронное общество: грядущее под вопросом // Экономическое возрождение России. — 2017. — № 2 (52). — С. 47–54.
20. Селезнев А. Есть ли альтернатива парадигме новой индустриализации? // Экономист. — 2014. — № 89. — С. 19–27.
21. Силин Я.П., Анимица Е.Г. Перед вызовами третьей волны индустриализации // Известия Уральского государственного экономического университета. — 2016. — № 3 (65). — С. 14–25.
22. Силин Я.П., Анимица Е.Г., Новикова Н.В. Новая индустриализация — стратегический вектор развития промышленности России // Управление промышленным предприятием в условиях новой индустриализации. — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2016. — С. 7–25.
23. Сорокин Д.Е. Технологическое обновление российской экономики: необходимость и ограничения // Экономика. Налоги. Право. — 2017. — Т. 10. — № 1. — С. 20–28.
24. Сорокин Д.Е., Толкачев С.А. Условия и факторы эффективной реиндустриализации и промышленной политики России // Экономическое возрождение России. — 2015. — № 4 (46). — С. 87–99.

25. Сухарев О.С. Реиндустриализация России: возможности и ограничения // Экономист. — 2013. — № 3. — С. 6–12.
26. Татаркин А.И. Новая индустриализация экономики России: потребность развития и/или вызовы времени // Экономическое возрождение России. — 2015. — № 2 (44). — С. 20–31.
27. Татаркин А.И. Модернизационная миссия Урала в повышении интеграционной активности российской экономики. Части I и II // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. — 2013. — № 1 (33). — С. 32–65. [Электронный ресурс]. URL:<http://region.mcsnp.ru> (дата обращения: 31.01.2017).
28. Шалимов Л.Н., Лесных В.В. Вертикальная интеграция в институциональной трансформации ОПК. Екатеринбург: И УрО РАН, 2008. — 480 с.

References

1. Abalkin L.I. Rol' gosudarstva v stanovlenii i regulirovanii rynochnoi ekonomiki // Voprosy ekonomiki. — 1997. — № 6. — P. 4–12.
2. Avdasheva S.B., Simachev Yu.V. Gosudarstvennye korporatsii: mozjno li otsenit' korporativnoe upravlenie? // Voprosy ekonomiki. — 2009. — № 6. — P. 97–110.
3. Animitsa E.G., Vlasova N.Yu., Dvoryadkina E.B., Novikova N.V., Sofronov V.N. Zakrytye atomnye goroda Rossii: osobennosti razvitiya i upravleniya. — Ekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. ekon. un-t, 2002.
4. Animitsa E.G., Silin Ya.P. Novaya industrializatsiya v prostranstve makroregiona: tseli, vozmozhnosti, etapy // Neoundustrial'no orientirovannyye preobrazovaniya v ekonomicheskom prostranstve Ural'skogo makroregiona. — Ekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. ekon. un-t, 2017. — P. 41–45.

5. Barysheva G.A., Bondar' TV. Gosudarstvennaya korporatsiya kak novyi instrument realizatsii gosudarstvennoi sobstvennosti // *Sovremennye naukoemkie tekhnologii*. — 2010. — № 2. — P. 135–138.
6. Bodrunov S.D. Gryadushchee. Novoe industrial'noe obshchestvo: perezagruzka. — M.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2016. — 349 s.
7. Bodrunov S.D., Grinberg R.S., Sorokin D.E. Reindustrializatsiya rossiiskoi ekonomiki: imperativy, potentsial, riski // *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*. — 2013. — № 1 (35). — P. 19–49.
8. Glaz'ev S. *Ekonomika budushchego. Est' li u Rossii shans?* — M.: Knizhnyi mir, 2016. — 640 p.
9. Grinberg R.S. *Peremeny v ekonomicheskom ustroistve mira: rossiiskaya spetsifika // Sotsial'no-ekonomicheskie problemy sovremenosti: poiski mezhdistsiplinarnykh reshenii: sb. nauch. tr. uchastnikov Mezhdunarodnoi konferentsii «XXIV Kondrat'evskie chteniya» red. V.M. Bondarenko. M: Izd-vo Mezhtregion. obshchestv. organizatsii sodeistviya izucheniyu, propagande nauchnogo naslediya N.D. Kondrat'eva, 2017. — P. 94–98.*
10. Grinberg R.S. *Sostoyanie i perspektivy ekonomiki sovremennoi Rossii. Osmyslivaya rol' gosudarstva v ekonomike // Kondrat'evskie volny*. — 2016. — № 5. — P. 109–130.
11. Gubanov S. *Neoindustrializatsiya plyus vertikal'naya integratsiya (o formule razvitiya Rossii) // Ekonomist*. — 2008. — № 9. — P. 3–27.
12. Gubanov S. *Neoindustrializatsiya: k voprosu o «voprose» (nekotorye utochneniya) // Ekonomist*. — 2017. — № 3. — P. 43–53.
13. Itskovich G. *Troinaya spiral'. Universitety — predpriyatiya — gosudarstvo. Innovatsii v deistvii/per. s angl. Tomsk: Izd-vo Tomsk. gos. un-ta sistem upravleniya i radioelektroniki, 2010. — 238 p.*

14. Lenchuk E.B. Rol' «Novoi industrializatsii» v formirovanii innovatsionnoi ekonomiki Rossii // *Institutsional'naya sreda «novoi industrializatsii» ekonomiki Rossii: Sbornik / Pod red. E.B. Lenchuk.* — M.: Institut ekonomiki RAN, 2014. — 264 p.
15. Medvedev D.A. Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Rossii: obretenie novoi dinamiki // *Voprosy ekonomiki.* — 2016. — № 10. — P. 5–30.
16. Nureev R.M. Ot staroi industrializatsii k novoi // *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii.* — 2016. — № 2. — P. 38–44.
17. Ryazanov V.T. Vremya dlya novoi industrializatsii: perspektivy Rossii // *Ekonomist.* — 2013. — № 8. — P. 3–32.
18. Ryazanov V.T. Novaya industrializatsiya Rossii: strategicheskie tseli i tekushchie priority // *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii.* — 2014. — № 2 (40). — P. 17–25.
19. Ryazanov V.T. Novoe industrial'no-tekhnotronnoe obshchestvo: gryadushchee pod voprosom // *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii.* — 2017. — № 2 (52). — P. 47–54.
20. Seleznev A. Est' li al'ternativa paradigme novoi industrializatsii? // *Ekonomist.* — 2014. — № 89. — P. 19–27.
21. Silin Ya.P., Animitsa E.G. Pered vyzovami tret'ei volny industrializatsii // *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta.* — 2016. — № 3 (65). — P. 14–25.
22. Silin Ya.P., Animitsa E.G., Novikova N.V. Novaya industrializatsiya—strategicheskiivektorrazvitiyapromyshlennosti Rossii // *Upravlenie promyshlennym predpriyatiem v usloviyakh novoi industrializatsii.* — Ekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. ekon. un-ta, 2016. — P. 7–25.
23. Sorokin D.E. Tekhnologicheskoe obnovlenie rossiiskoi ekonomiki: neobkhodimost' i ogranicheniya // *Ekonomika. Nalogi. Pravo.* — 2017. — T. 10. — № 1. — P. 20–28.

24. Sorokin D.E., Tolkachev S.A. Usloviya i faktory effektivnoi reindustrializatsii i promyshlennoi politiki Rossii // Ekonomicheskoe vrozozhdenie Rossii. — 2015. — № 4 (46). — P. 87–99.
25. Sukharev O.S. Reindustrializatsiya Rossii: vozmozhnosti i ogranicheniya // Ekonomist. — 2013. — № 3. — P. 6–12.
26. Tatarkin A.I. Novaya industrializatsiya ekonomiki Rossii: potrebnost' razvitiya i / ili vyzovy vremeni // Ekonomicheskoe vrozozhdenie Rossii. — 2015. — № 2 (44). — P. 20–31.
27. Tatarkin A.I. Modernizatsionnaya missiya Urala v povyshenii integratsionnoi aktivnosti rossiiskoi ekonomiki. Chasti I i II // Regional'naya ekonomika i upravlenie: elektronnyi nauchnyi zhurnal. — 2013. — № 1 (33). — P. 32–65. [Elektronnyi resurs]. URL:<http://region.mcnp.ru> (data obrashcheniya: 31.01.2017).
28. Shalimov L.N., Lesnykh V.V. Vertikal'naya integratsiya v institutsional'noi transformatsii OPK. Ekaterinburg: I UrO RAN, 2008. — 480 p.

Контактная информация:

Уральский государственный экономический университет
620144, РФ, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45
Ural State University of Economics
620144, RF, Ekaterinburg, 8 Marta/Narodnoy Voli St., 62/45
Phone: (343) 221-17-00
E-mail: odo@usue.ru

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ АО «ПО „УОМЗ“» В УСЛОВИЯХ НЕОИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

INNOVATIVE DEVELOPMENT OF HIGH-TECH ENTERPRISE OF JSC «PO „UOMZ“» IN THE CONDITIONS OF NON-INDUSTRIALIZATION

А.В. СЛУДНЫХ

Генеральный директор Акционерного общества «Производственное объединение „Уральский оптико-механический завод“ имени Э.С. Яламова»

A.V. SLUDNYKH

General Director of the Joint-Stock Company «Production Association „Ural Optical and Mechanical Plant“ named after E.S. Yalamov»

АННОТАЦИЯ

В статье обозначены механизмы инновационного развития высокотехнологичных предприятий ОПК РФ в условиях неоиндустриализации. Представленные механизмы проиллюстрированы апробированными примерами успешных практик развития на примере АО «ПО „УОМЗ“».

ABSTRACT

The article outlines the mechanisms of innovative development of high-tech enterprises of the Russian defense industry in the context of neoindustrialization. The presented mechanisms are illustrated by the tested examples of successful development practices using the example of JSC «PO „UOMZ“».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Неоиндустриализация, инновации, управление, стратегия, ОПК, мегапроекты.

KEYWORDS

Neoindustrialization, innovations, management, strategy, defense industry, megaprojects.

Активная трансформация макроэкономической обстановки, обусловленная ужесточением конкуренции на мировой арене и нарастанием требований заказчиков высокотехнологичной продукции, ставят отечественную промышленность в непростые условия. Новые вызовы, связанные с повышением уровня интеллектуальности производимой продукции, снижением массогабаритных характеристик, интеграцией в концепции «интернета вещей» и нейротехноло-

гий, становятся базисом современных экономических отношений и требуют адекватных систем управления.

Реакция среды выражается в переходе системы экономических отношений на новый уровень, в частности переход к неоиндустриализации, которая подразумевает выход российской экономики на передовые мировые технологии, находящиеся в русле шестого технологического уклада [1; с. 21].

В целях обеспечения соответствия общемировым трендам, сохранения и усиления конкурентных позиций на мировых рынках перед отечественной промышленностью встают новые задачи, направленные на инновационное развитие и преодоление технологических барьеров.

С учетом практики хозяйствования и особого пути развития российской экономики флагманом высокотехнологичной отечественной промышленности являются предприятия ОПК, обладающие как передовыми технологиями, так и серьезным административно-управленческим ресурсом.

В целом успешная реализация ГПВ-2020, выразившаяся, в числе прочего, в масштабном техперевооружении предприятий ОПК, позволила существенно нарастить производственный потенциал, который сегодня, по существу, становится базой роста всего промышленного комплекса Российской Федерации. Вместе с тем очевидно, что для укрепления рыночных позиций и обеспечения загрузки созданных производственных мощностей целому ряду крупных отечественных пред-

приятый ОПК необходима диверсификация производства с ориентацией на рынки высокотехнологичной продукции гражданского назначения [2; с. 115].

Актуальность поставленных задач поддерживается на государственном уровне и подтверждается обращением Президента РФ В.В. Путина от сентября 2016 г.: «Пик оснащения армии и флота современным вооружением должен где-то на рубеже 2021–2022 годов закончиться, и дальше Вооруженные силы должны снабжаться новой, современной техникой, но на плановой основе. К этому времени обязательно нужно, чтобы объем гражданской продукции был достаточным для того, чтобы производственные мощности, приобретенные сегодня, были загружены с тем, чтобы и коллективы сохранить, и уровень заработной платы повышать».

Традиционно сильные конкурентные позиции отечественной промышленности в оборонном секторе способны обеспечить задел для приведения гражданской продукции в соответствие требованиям шестого технологического уклада и стать базисом для интеграции предприятий ОПК в неоиндустриальную экономику.

Соответственно, именно перед предприятиями ОПК ставятся наиболее сложные задачи, связанные с преодолением технологического разрыва и трансфером высокотехнологичных разработок специального назначения в гражданские сегменты, обеспечивающие переход к шестому технологическому укладу.

Безусловно, это задачи не завтрашнего дня, но определенно ближайшего будущего, и заниматься решением

этих ответственных задач предприятиям ОПК необходимо уже сегодня.

Адекватно понимая складывающуюся ситуацию, предприятия ОПК начали активно пересматривать свои стратегии развития. Такие крупные организации ОПК, как ГК «Ростех», ПАО «ОАК», АО «НПК „УВЗ“» и другие, в период с 2014 по 2017 гг. актуализировали свои стратегии развития, определив целью развития достижение уровня глобальных конкурентов при опережающем росте выручки от производства и реализации продукции гражданского назначения. Ключевым императивом стало достижение глобальной конкурентоспособности отечественных предприятий за счет трансфера специальных технологий в освоение производства современной высокотехнологичной продукции гражданского назначения в наиболее наукоемких отраслях промышленности [2; с. 115].

Поставленные цели согласуются с решениями политического руководства страны и Правительства РФ. Президент Российской Федерации В.В. Путин в своем послании Федеральному собранию от 2 декабря 2016 г. сформулировал следующие ориентиры для постановки и достижения стратегических целей развития предприятий ОПК: доля гражданской продукции в структуре выручки должна составить не менее 17% к 2020 г., 30% к 2025 г. и до 50% к 2030 г. [3]. В условиях неоиндустриализации именно опережающее инновационное развитие способно стать базисом для укрепления конкурентных позиций и обеспечения технологического рывка.

Именно крупные предприятия в составе мультифункциональных корпоративных объединений способны выступить индустриальным базисом для достижения технологического прорыва и амбициозных целей (в т. ч. государственного значения), направленных на повышение операционной эффективности, развитие рынков знаний и технологий для решения задач глобального развития высокотехнологичных маржинальных рынков комплексных решений и мегапроектов [4; с. 65].

С этой точки зрения достаточно интересен опыт АО «Производственное объединение „Уральский оптико-механический завод“ имени Э.С. Яламова» — одного их ключевых предприятий в области оптико-электронных приборов и систем холдинга «Швабе», входящего в состав Госкорпорации «Ростех».

Сегодня АО «ПО „УОМЗ“» — динамично развивающееся предприятие оптического приборостроения, современное наукоемкое производство, обладающее широкими возможностями создания высокотехнологичной продукции от разработки до продаж и сервисного обслуживания.

Ключевые компетенции Объединения:

- научные исследования в области оптико-электронных приборов и систем;
- разработка и серийное производство оптико-электронных систем специального и двойного назначения;
- разработка и серийное производство оптических приборов и систем различного назначения: систе-

мы оптического наблюдения, приборы оптических измерений, геодезические приборы и другое;

- разработка и серийное производство высокотехнологичной медицинской техники: неонатальное оборудование, оборудование для реанимации, лабораторно-диагностическое оборудование и другое;
- разработка и серийное производство энергосберегающей светотехники: светильников наружного и внутреннего освещения, оборудования для регулирования движения транспортных средств, дорожные знаки, информационные устройства и другое.

Полный цикл производства позволяет создать единую научно-производственную базу и образовать единый замкнутый цикл исследование — разработка — производство — реализация — сервис.

Современная производственная база АО «ПО „УОМЗ“» отвечает самым серьезным мировым требованиям и позволяет производить действительно уникальные продукты. Проведена значительная работа по перевооружению, завершено строительство новых автоматизированных производств — сборочного и механообрабатывающего. В 2017 г. открыта новая очередь литейного производства, предназначенная для производства крупногабаритных деталей оптико-электронных систем для самолетов и вертолетов, а также гражданского приборостроения. Благодаря новым технологиям на 70% снижен объем последующей механической обработки изделий.

На предприятии на основе ИТ-технологий создано единое информационное пространство, охватывающее основные направления деятельности объединения и позволяющее автоматизировать существующие бизнес-процессы, включая планирование, координацию и контроль их выполнения.

Для поддержания высокого уровня конкурентоспособности продукции применяются комплексные методы, сочетающие в себе анализ конкурентоспособности с учетом жизненного цикла продукции, финансового состояния предприятия, эффективности производства и системы качества, а также эффективности сбытовой политики Объединения и его имиджа.

Создание и использование инноваций, трансферт военных технологий позволили сократить сроки разработки и освоения гражданской продукции, обеспечить устойчивый рост объемов производства и реализации высокотехнологичной продукции Объединения.

Основной способ, посредством которого диверсификация создает конкурентное преимущество, — это распределение ресурсов и способностей среди различных бизнесов. [5; с. 448]. Соответственно, важной задачей современного высокотехнологического предприятия является грамотное распределение ресурсов между развитием бизнес-направлений. В частности, АО «ПО „УОМЗ“» акцентирует внимание на развитии не только оборонных направлений, но и гражданских сегментов (медицинская техника, энергосберегающая светотехника и прочие направления).

Сегодня АО «ПО „УОМЗ“» — единственный в России комплексный производитель неонатального оборудования. Объединение накопило большой научно-технический и производственный потенциал по разработке и серийному производству неонатального и реанимационного оборудования.

АО «ПО „УОМЗ“» является производителем широкой линейки современной энергосберегающей светотехники. В номенклатуру выпускаемой продукции входят уличные, бытовые и офисные светильники, светильники для жилищно-коммунального хозяйства и архитектурной подсветки, современные светофоры и дорожные знаки, светотехника для железной дороги. Светотехническая продукция АО «ПО „УОМЗ“» находится в эксплуатации во многих регионах России, а также в странах ближнего и дальнего зарубежья.

В условиях неоиндустриализации АО «Производственное объединение „Уральский оптико-механический завод“» показывает положительную динамику по ключевым показателям деятельности.

Объем выручки за период с 2010 по 2016 гг. вырос в 2,2 раза, с 4030 млн до 8760 млн руб., при этом среднегодовой темп роста выручки за период составил 113,8%. Темп роста выручки в 2016 г. составил 120%.

Выручка от гражданской продукции увеличилась в 2,5 раза к уровню 2010 г. и достигла 1,5 млрд руб. в 2016 г. Доля гражданской продукции составила более 17%. При этом выручка от медицинской техники выросла в 5,7 раза к уровню 2010 г. и превысила 1,1 млрд руб.,

выручка от светотехнической продукции увеличилась в 2,3 раза.

Доля инновационной продукции в выручке по итогам 2016 г. составила 17,3%. Объем экспорта продукции вырос на 40% к уровню 2010 г. и составил 1,8 млрд руб. в 2016 г.

Численность сотрудников составила 2606 чел. в 2016 г. Средняя заработная плата выросла в два раза, с 25 тыс. руб./мес. в 2010 г. до 50 тыс. руб./мес. в 2016 г. Среднегодовой темп роста заработной платы составил 112,5%.

Выработка на одного работника выросла в 2,9 раза, с 1140 тыс. руб. в 2010 г., и составила 3362 тыс. руб. в 2016 г.

В целом Объединение демонстрирует положительную динамику за период с 2010 по 2016 гг. Несмотря на ужесточение макроэкономической обстановки, Объединением планируется интенсификация развития уже в 2017 г. за счет опережающих темпов роста выручки гражданской продукции и выхода на новые перспективные быстрорастущие рынки с инновационной продукцией медтехники, светотехники, приборов для оптических измерений.

Ключевые показатели деятельности Общества за 2016–2017 гг. и целевые параметры на 2018 г. и перспективу имеют устойчивую положительную динамику развития и соответствуют целям холдинга «Швабе» и ГК «Ростех».

Особое внимание на предприятии уделяется инновационной деятельности, включающей внедрение но-

вых проектов, принципов и методов управления, в том числе с применением информационных технологий и корпоративной интегрированной информационной системы.

Инвестиции АО «ПО „УОМЗ“» направляются как на осуществление реконструкции имеющихся и строительство новых высокопроизводительных производственных мощностей, так и на разработку, освоение серийного производства глобально конкурентоспособной продукции нового поколения.

В целях интеграции АО «ПО „УОМЗ“» в концепцию неоиндустриальной экономики и обеспечения опережающего развития определены приоритетные задачи Объединения по инновационному развитию:

- проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по договорам и за счет собственных средств;
- оптимизация и повышение эффективности использования производственных мощностей, продолжение реализации проектов технического перевооружения производства, в т. ч. в рамках ФЦП;
- внедрение прогрессивных технологий и методов организации производства, в т. ч. с максимальным уровнем автоматизации процессов, внедрение энергосберегающих технологий;
- ускоренное внедрение инноваций, освоение новых видов высокотехнологичной наукоемкой продукции, повышение конкурентоспособности;

- привлечение, сохранение и развитие высококвалифицированных и талантливых сотрудников, владеющих современными знаниями и передовыми технологиями, способных к инновациям, саморазвитию, творческой реализации и др.

В части поставленных задач по опережающему развитию гражданских направлений и подготовки отечественных продуктов к шестому технологическому укладу интеграции в условия неоиндустриальной экономики АО «ПО „УОМЗ“» обеспечен существенный задел:

- высокий научно-исследовательский потенциал и интеллектуальная собственность обеспечивают полный технологический цикл от разработки и производства до продаж и сервиса;
- сертифицированные надежные поставщики, устойчивые взаимовыгодные кооперационные связи;
- наличие права на самостоятельную внешнеэкономическую деятельность в сфере военно-технического сотрудничества, что позволяет работать с зарубежными партнерами на более выгодных условиях;
- внедрение инноваций, прогрессивных технологий, позволяющее создавать конкурентоспособную продукцию по цене, качеству, дизайну;
- полномасштабное внедрение информационных технологий, обеспечивающее полный контроль бизнеса;

- развитая сервисно-сбытовая сеть, соответствие международным стандартам качества, высококвалифицированный персонал, активный маркетинг и другое.

Для приближения продаж к потребителям и обеспечения требований кастомизации продукции АО «ПО „УОМЗ“» создал развитую сервисно-сбытовую сеть:

- 11 дочерних обществ, расположенных в ключевых городах России, обеспечивают продвижение продукции предприятия, сбыт и послепродажное обслуживание;
- партнеры/дилеры обеспечивают сервисную поддержку в закрепленном регионе;
- три дочерних общества за рубежом.

Продукция предприятия поставлена в 45 стран мира, доля экспорта составила 20% в 2016 г.

Определены приоритеты развития экспортного потенциала:

- развитие продаж и сервиса высокотехнологичной гражданской продукции на зарубежных рынках;
- расширение внешнеэкономических связей;
- международная сертификация.

В ответ на вызовы неоиндустриализации АО «ПО „УОМЗ“» принимает активное участие в реализации национальных мегапроектов, наиболее значимыми из которых являются строительство перинатальных центров России, модернизация и переход городских систем освещения на контракты жизненно-

го цикла и энергосервисные контракты, развитие инфраструктуры SMART-City.

В 2016–2017 гг. в рамках реализации государственной программы «Развитие здравоохранения» АО «ПО „УОМЗ“» принял участие в оснащении медицинским оборудованием новых перинатальных центров в 12 городах России. В рамках проекта Объединение реализует комплексный подход к оснащению медицинских учреждений:

- подбор оборудования в соответствии со спецификой учреждения;
- оснащение помещений «под ключ» (палат интенсивной терапии, реанимации, родильных залов, предродовых и послеродовых палат и др.);
- пусконаладка и настройка оборудования;
- обучение врачей и сервисное обслуживание.

Впервые в отечественной практике АО «ПО „УОМЗ“» заключен крупномасштабный долгосрочный контракт с г. Нижний Тагил на выполнение комплекса работ по проектированию, строительству и техническому обслуживанию всей системы городского наружного освещения на период полного жизненного цикла. Контракт направлен на обеспечение 100% освещения улиц города на период до 2042 г.

Следующим примером участия в мегапроектах является энергосервисный контракт в г. Улан-Удэ по модернизации системы уличного освещения, направленной на энергосбережение и повышение энергетической эффективности. В рамках контракта предусмотрено

обновление устаревших линий освещения, с заменой 10,5 тысяч светильников на энергосберегающие, повышение оперативного управления за счет установки 172 щитов АСУ. Это должно обеспечить экономию потребляемой электроэнергии в размере 38–39%, а общий экономический эффект экономии электроэнергии составит 81,2 млн руб. менее чем за пять лет.

Уникальность контракта в том, что заказчик несет нулевые затраты на оснащение объекта. Фактически оплата производится за счет средств, полученных от экономии энергетических ресурсов. Реализация подобных контрактов возможна даже в условиях дефицита бюджета, а поставленное оснащение интегрировано в единую интеллектуальную систему управления и гармонизировано с концепциями SMART-City.

Участие в подобных мегапроектах требует трансформации бизнес-модели и перехода от производства продукции в сферу оказания комплексных услуг, а также значительной персонализации и учета специфики при подготовке контрактов. В ходе выработки и принятия решений АО «ПО „УОМЗ“» индивидуально подходит к каждому проекту, обеспечивая достижение экономических эффектов как для производителей, так и для заказчиков.

Короткие жизненные циклы увеличивают число проектов, с которыми организации придется иметь дело одновременно. Для предприятия не просто иметь более 100 проектов, возникающих одновременно [6; с. 514]. Количественное нарастание проектов в контексте пе-

перехода к неоиндустриализации требует упреждающих управляющих воздействий.

Для адаптации бизнес-модели АО «ПО „УОМЗ“» к условиям неоиндустриализации требуется трансформация бизнес-модели, ориентированная на участие в комплексных проектах, предусматривающих обеспечение интеграции производимой продукции в Internet of Things и подготовку комплексных SMART решений для конечных пользователей. В организационном плане для решения поставленных задач очевидна необходимость усиления кооперации с государственными организациями и институтами развития, а также ориентация на прием высококвалифицированных специалистов, отвечающих требованиям «профессии будущего».

Для реализации подобных проектов необходима значительная поддержка со стороны государства. АО «ПО „УОМЗ“» активно использует инструменты государственной поддержки промышленных организаций, в частности на региональном уровне:

- субсидия организациям промышленного комплекса Свердловской области на возмещение затрат по уплате процентов по кредитам, полученным в российских кредитных организациях для реализации инвестиционных проектов (в размере, не превышающем 2/3 ставки рефинансирования ЦБ РФ);
- субсидия организациям промышленного комплекса Свердловской области на возмещение затрат по реализации инвестиционных проектов по модернизации и техническому перевооружению

производственных мощностей, направленных на создание и развитие производства новой высокотехнологичной конкурентоспособной продукции.

Среди инструментов государственной поддержки на Федеральном уровне в практике хозяйствования АО «ПО „УОМЗ“» применяются:

- субсидия на уплату процентов по инвестиционным кредитам для реализации комплексных инвестиционных проектов по приоритетным направлениям гражданской промышленности;
- займ на реализацию инвестиционных проектов из средств Фонда развития промышленности РФ;
- получение субсидий из федерального бюджета российским организациям-экспортерам промышленной продукции на возмещение части затрат на уплату процентов по кредитам;
- субсидии Министерства промышленности и торговли РФ по финансированию части затрат, связанных с регистрацией на внешних рынках объектов интеллектуальной собственности;
- и другое.

Переход к неоиндустриальной модели требует более плотного взаимодействия с институтами развития и инновационными партнерами, усиления кооперации с научным сообществом, направленного на обеспечение развития компетенций и повышение эффективности НИОКР.

В частности, АО «ПО „УОМЗ“» осуществляет взаимодействие с научным сообществом:

1. по направлениям НИОКР:

- проведение совместных НИОКР по созданию новой высокотехнологичной продукции;
- разработка и внедрение инновационной продукции;
- участие в адаптации результатов фундаментальных исследований в прикладных целях;

2. по направлениям сертификации и испытаний:

- проведение сертификации;
- проведение комплексных испытаний продукции, в т. ч. технических;

3. по направлениям методик и технологий:

- разработка методик исследований;
- заключения о функциональных возможностях;

4. по направлениям обучения и стажировки:

- развитие высококвалифицированных и талантливых сотрудников, владеющих современными знаниями и передовыми технологиями;
- целевое обучение;
- прохождение практик и стажировок;
- обучение в магистратуре, аспирантуре, докторантуре;
- участие в научных мероприятиях, конференциях, форумах;
- проведение конкурсов для поиска идей.

Таким образом, для интеграции высокотехнологичных предприятий ОПК в условия новой индустриализации необходимо:

- развивать кооперацию промышленных предприятий, науки, образования и органов власти;

- разрабатывать и внедрять практико-ориентированные программы обучения для подготовки квалифицированных кадров ОПК, соответствующих требованиям новой индустриализации и цифровой экономики;
- развивать инновационную инфраструктуру Уральского региона, поддерживать инновационно-активные предприятия на федеральном и региональном уровне;
- разработать механизмы трансфера технологий, обеспечения синергии ОПК и гражданских секторов экономики;
- модернизировать производственные системы через трансформацию бизнес-моделей, интеграцию науки и бизнеса при смене технологических укладов.

В заключение следует отметить, что неоиндустриализация выступает основой, которая способна обеспечить долгосрочное устойчивое развитие и опережающий рост экономики и промышленности РФ. Сегодня значительная ответственность ложится на предприятия ОПК, как флагманов отечественного интеллектуального производства. Такие предприятия, как АО «ПО „УОМЗ“», способны совместно с холдингом «Швабе» и предприятиями Госкорпорации «Ростех» внести весомый вклад в достижение амбициозных целей развития экономики Российской Федерации и обеспечить переход к шестому технологическому укладу в условиях новой индустриализации.

Библиографический список

1. Региональная экономика: вызовы, приоритеты, стратегические ориентиры [Текст]: [кол. моногр.] / под ред. Я.П.Силина [отв. за вып.: Н.Ю. Власова, Е.Б. Дворяркина]; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. гос. экон. ун-т. — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2017. — 327 с. // Неоиндустриализация — стратегическое направление развития экономики страны (Силин Я.П.). — С. 20–25.
2. Устойчивое развитие промышленного предприятия в условиях неоиндустриальной трансформации [Текст]: [монография] / [кол. авт.]; под науч. ред. Я.П. Силина [отв. за вып. С.В. Орехова]; М-во образования и науки Рос. Федерации, УрО ВЭО России, Урал. гос. экон. ун-т. — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2017. — 207 с. // Методическое обеспечение разработки и реализации планов диверсификации предприятий ОПК (Дубровский В.Ж., Бурак А.А.). — С. 115–142.
3. Электронный ресурс. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53379> (дата обращения: 15.11.2017).
4. Gerry Johnson, Richard Whittington, Kevan Scholes, Duncan Angwin, Patrick Regner - Exploring strategy: text and cases — Tenth edition — Indian edition published by Pearson India Education Services Pvt. Ltd. Copyright. — 2016. — 783 с.
5. Грант Р.М. Современный стратегический анализ, 5-е изд. / Пер. с англ. Под ред. В.Н. Фунтова. — СПб.: Питер, 2008. — 560 с.: ил. (Серия «Классика МВА»).
6. Клиффорд Ф.Грэй, Эрик У.Ларсон. Управление проектами: Практическое руководство / пер.с англ. — М.: Издательство «Дело и Сервис», 2003. — 528 с. (ISBN 5-8018-0152-9 (русск.), ISBN 0-07-365812-X (англ.)).

References

1. Regional'naja jekonomika: vyzovy, priorityty, strategicheskie orientiry [Tekst]: [kol. monogr.] / pod red. Ja.P.Silina [otv. za vyp.: N.Ju. Vlasova, E.B. Dvorjadkina]; M-vo obrazovaniya i nauki Ros. Federacii, Ural. gos. jekon. un-t. — Ekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. jekon. un-ta, 2017. — 327 p. // Neoindustrializacija — strategicheskoe napravlenie razvitija jekonomiki strany (Silin Ja.P.) — P. 20–25.
2. Ustojchivoje razvitie promyshlennogo predpriyatija v uslovijah neoindustrial'noj transformacii [Tekst]: [monografija] / [kol. avt.]; pod nauch. red. Ja.P. Silina [otv. za vyp. S.V. Orehova]; M-vo obrazovaniya i nauki Ros. Federacii, UrO VJeO Rossii, Ural. gos. jekon. un-t. — Ekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. jekon. un-ta, 2017. — 207 p. // Metodicheskoe obespechenie razrabotki i realizacii planov diversifikacii predpriyatij OPK (Dubrovskij V.Zh., Burak A.A.). — P. 115–142.
3. Jelektronnyj resurs. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53379> (data obrashhenija: 15.11.2017).
4. Gerry Johnson, Richard Whittington, Kevan Scholes, Duncan Angwin, Patrick Regner - Exploring strategy: text and cases — Tenth edition — Indian edition published by Pearson India Education Services Pvt. Ltd. Copyright. — 2016. — 783 P.
5. Grant R.M. Sovremennyj strategicheskij analiz, 5-e izd. / Per. s angl. Pod red. V.N.Funtova. — SPb.: Piter, 2008. — 560 p.: il. (Serija «Klassika MVA»).
6. Klifford F.Grzej, Jerik U.Larson. Upravlenie proektami: Prakticheskoe rukovodstvo / per.s angl. — M.: Izdatel'stvo «Delo i Servis», 2003. — 528 p. (ISBN 5-8018-0152-9 (russk.), ISBN 0-07-365812-H (angl.)).

Контактная информация:

Акционерное общество «Производственное объединение „Уральский оптико-механический завод“ имени Э.С. Яламова»

620100, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 33б.

Joint-stock company «Production Association «Ural Optical and Mechanical Plant» named after E.S. Yalamova»

620100, Ekaterinburg, ul. Eastern, 33b.

Phone: +7 (343) 229-81-09, +7 (343) 254-81-09.

E-mail: kancelyariya@uomz.com

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ НА УРАЛЕ

PERSPECTIVES OF ECONOMIC SCIENCE DEVELOPMENT IN THE URALS

Е.В. ПОПОВ

Член-корреспондент Российской академии наук, председатель Объединенного ученого совета Уральского отделения Российской академии наук по экономическим наукам, заведующий кафедрой политической экономии УрГЭУ, д.э.н., д.ф.-м.н., профессор

E.V. POPOV

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the Joint Academic Council of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences in Economic Sciences, Head of the Department of Political Economy of the USU, Doctor of Economic Sciences, Doctor of Science (PhD), Professor

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу развития мировой экономической науки и перспективным направлениям исследований уральских экономистов. Выделены перспективные методы исследований: институциональный, эволюционный, поведенческий и другие

гетеродоксальные методы анализа. Перспективные объекты исследования отмечены ключевыми словами: «инновации», «человек», «общее управление», «экономический рост». Проанализированы основные направления развития экономической науки на Урале: экономическая теория, промышленная политика, зеленая экономика, развитие территорий и освоение Арктики. Представлены авторские результаты по систематизации экономических институтов, формализации транзакционной функции, теории измерения институтов и оценке социальных инноваций. Рассмотрены возможности экономического моделирования промышленной политики и изучения проблем зеленой экономики. Показаны возможности экономических исследований развития территорий и формирования опорных арктических зон.

ABSTRACT

The article is devoted to analysis of development of world economic science and promising directions of research of the Ural economists. Promising research methods: institutional, evolutionary, behavioral, and other heterodox methods of analysis. Promising objects of study are marked with keywords: "innovation", "people", "General administration", "economic growth". The main directions of development of economic science in the Urals were analyzed: economic theory, industrial policy, green economy, territorial development and the development of the Arctic. The author's results on the systematization of economic institutions, formalization of transaction functions, the theory of the measurement of institutions and the assessment of social innovation were presents. Economic modeling of industrial policy and explore issues of the green economy were reviewed. The possibilities for economic studies of development of territories and formation of reference of the Arctic zones are shown.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Мировая наука, нобелевские лауреаты, перспективные исследования.

KEYWORDS

World science, Nobel prize winners, perspective investigations.

Вручение Нобелевской премии по экономике 2017 года Ричарду Талеру «За изучение экономического поведения и за понимание того, какую роль психология играет в экономике» продемонстрировало актуальный вектор развития экономической науки в направлении междисциплинарности и синтеза различных сфер исследования. При этом остается нерешенным вопрос дальнейшего развития экономической науки.

Целью настоящего исследования является определение перспективных направлений экономической науки и формирование направлений исследований уральских экономистов.

РАЗВИТИЕ МЕТОДОЛОГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Методология экономической науки — это знание методов экономических исследований, т. е. знание методов описания объектов и предметов исследования, а также инструментов изучения хозяйственной деятельности.

Развитие современной экономической теории привело к появлению серьезного противоречия между разработанным и применяемым инструментарием. С одной стороны, в мировой и отечественной эконо-

мической литературе накоплен значительный арсенал методов и средств моделирования хозяйственной деятельности. С другой стороны, передовой инструментарий современной экономической теории чрезвычайно разрознен и не систематизирован. В ближайшие годы возможна мощная систематизация экономико-теоретического инструментария как по методам анализа, так и по объектам исследования [7].

Что касается методов экономического анализа, то к настоящему времени в теоретических исследованиях наиболее плодотворно используются неоклассические, институциональные, неоинституциональные и эволюционные подходы. Причем теоретические исследования показывают, что указанные направления экономического анализа суть одного и того же представления хозяйственной деятельности [5]. Вместе с тем последние три направления легко могут быть интерпретированы как институционально-эволюционная экономическая теория, поскольку развитие институциональных систем может быть адекватно описано в рамках эволюционного подхода [3].

В этом смысле предвидение Т. Веблена о том, что экономика основана на деятельности институтов как «устойчивых привычек мышления, присущих большой общности людей», [18] сыграло свою, постановочную роль в формировании современных взглядов на экономическую теорию. Неоклассическая теория как «мэйнстрим» экономической науки конца двадцатого столетия отходит на второй план из-за значительно-

го количества ограничений на оценку анализируемых событий. Необходимая рациональность поведения экономических агентов, анализ экзогенных по отношению к хозяйственному субъекту факторов, анализ предельных параметров в равновесном состоянии привели к ситуации, когда неоклассическое направление рассматривается в большей части как необходимое упражнение для студентов университетов. Реальные экономические ситуации наиболее адекватно могут быть описаны в рамках институционально-эволюционного подхода. Подобный подход позволяет анализировать сложные, неравновесные ситуации, например динамику формирования и развития институциональных ловушек [6], и обладает в силу этого большей прогностической силой, чем неоклассическое направление.

Модельные подходы институциональной экономической теории [11] предопределили разработку трансакционной теории экономических институтов [16]. Основное содержание указанной теории состоит в количественном измерении качества институтов через оценку экономических трансакций.

Основаниями трансакционной теории экономических институтов являются научные принципы:

- предельности акта трансакций по Дж. Коммонсу [14];
- формирования трансакционного сектора по Дж. Уоллису и Д. Норту [19];
- внепроизводственного характера трансакционных издержек по Р. Мэтьюзу [15];

- пропорциональности трансакционных издержек специфичности активов по О. Уильямсону [20];
- минимизации трансакций при формировании экономических институтов по Р. Коузу [13].

Научными идеями теории выступают авторские разработки по типологии трансакций, оценке кризисов [9], определению трансакционных издержек по бухгалтерской отчетности [17], оценке тесноты связей гибридных организаций и стоимостной оценке экономических институтов по трансакционным издержкам [8].

Показателем перехода инструментального аппарата экономической науки от неоклассической (ортодоксальной) теории к институционально-эволюционному представлению хозяйственной деятельности явилось создание в начале нынешнего столетия международной Ассоциации гетеродоксальной экономики.

Как же можно оценить изменение методологии экономической науки?

По-видимому, наиболее адекватная оценка изменения методологии экономической науки может быть проведена посредством анализа объектов исследования лауреатов Нобелевской премии по экономике. Следует исходить из того, что Шведская королевская академия наук объявляет имена лауреатов, чьи исследования представляют наибольший интерес для научной общественности, именно в год присуждения Нобелевской премии.

Полученные нами результаты [10] демонстрируют возрастающий интерес Шведской королевской акаде-

мии наук к присуждению Нобелевской премии по экономике за работы, выполненные по более современной тематике. Исходя из полученных данных, в ближайшие годы следует ожидать награждения лауреатов, исследования которых отмечены ключевыми словами: «инновации», «человек», «экономический рост». А это, в свою очередь, будет означать смещение методологии экономической науки в направлении методов эволюционной экономики, бихевиоризма и институциональной парадигмы.

РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Стремительные изменения хозяйственного уклада при внедрении цифровых технологий и, соответственно, очень быстрое формирование цифрового общества предопределяют необходимость постановки научного направления взаимодействия человека и экономических институтов при развитии цифровой экономики. Отметим, что Президентом России принято решение о включении направления «Цифровая экономика» в перечень основных направлений стратегического развития Российской Федерации до 2018 года и на период до 2025 года.

Актуальность данного научного направления обусловлена высокой скоростью информатизации социально-экономических процессов, вызывающей трансформацию соответствующих социальных и экономических институтов. Приращение в геометрической прогрессии объема информации и данных, выступа-

ющих индикаторами формирования цифровой экономики в мировом пространстве, требует не только соответствующего технического и программного оснащения, но и эффективно функционирующих экономических институтов, обеспечивающих сохранение и наращивание темпов роста национальных экономик, а также обеспечивающих рост благосостояния и качества жизни общества. Фундаментальной научной проблемой, таким образом, становится потребность в разработке моделей прогнозирования экономического роста и повышения качества жизни человека в условиях развития цифровой экономики посредством применения наиболее передового аппарата институциональной экономической теории. Высокая научная значимость решения поставленной проблемы обусловлена приоритетом разработки прогнозных моделей развития институциональной экономики в сравнении с неоклассическим «мейнстримом» и отсутствием аналогов в мировой экономической литературе.

Отсюда возможные формулировки будущих идей научных исследований по экономической теории и их обоснование могут быть следующими.

Во-первых, моделирование поведения человека при *сетевых взаимодействиях* в условиях формирования цифрового общества. Ускорение информатизации экономических процессов, практическое применение искусственного интеллекта в перспективных направлениях экономики, активное развитие сетевых и межсетевых отношений, интеграция межкультурных различий

стали причиной трансформации поведения экономических агентов на различных уровнях хозяйствования. Обозначенные тенденции требуют своевременной трансформации экономических институтов, а также разработки гибких и устойчивых институциональных моделей, позволяющих обеспечить конкурентоспособность хозяйственных систем и повышение качества жизни человека.

Во-вторых, прогнозирование и проектирование институционального *развития общественного сектора* в условиях формирования цифровой экономики средствами институционального анализа. Эффективное развитие экономики требует наличия системы эффективно функционирующих институтов, обладающих высокой степенью адаптации к изменяющимся условиям внешней среды. Институты общественного сектора, в отличие от рыночных институтов, обладают более низкой степенью адаптируемости, что определяет потребность в разработке принципов проектирования, обеспечивающих формирование социальных институтов. Прогнозирование институционального развития, в свою очередь, позволит проводить институциональные изменения постепенно, избегая при этом негативных последствий от возможного сопротивления экономических агентов.

В-третьих, проектирование *инновационного развития* регионов России в условиях формирования цифровой экономики средствами институциональной и эволюционной экономических теорий. Социально-

инновационное развитие регионов России предполагает проектирование и развитие новых форм поведения экономических агентов, основанных на сбалансированном учете социальных и культурных связей в ходе реализации инновационных проектов. Цифровизация экономики при этом формирует новые возможности построения социальных и экономических связей, основанных на мультикультурных взаимодействиях. Проектирование институтов инновационного развития на базе мультикультурного анализа, а также путем активного использования возможностей цифровой экономики обеспечит формирование системы перспективных институтов хозяйствования.

В-четвертых, моделирование и прогнозирование *жизнестойкости и уязвимости территорий* в конкурентном экономическом пространстве. Под жизнестойкостью территории понимается способность органов власти региона преодолевать препятствия, барьеры, компенсировать потери, связанные с несовершенством институциональной среды, негативными ситуациями, криминализацией экономики, стихийными бедствиями. Здесь представляется перспективной разработка карты уязвимости территории, состоящей из восьми квадрантов: 1) финансовая уязвимость; 2) стратегическая уязвимость; 3) уязвимость в отношении стихийных бедствий и опасных случайностей; 4) операционная уязвимость; 5) информационная уязвимость; 6) коррупционно-криминальная уязвимость; 7) репутационная уязвимость и 8) демографическая уязвимость.

В-пятых, исследование социально-экономических институтов цифрового общества и институциональное проектирование *цифрового регионального развития*. Исследование социально-экономических институтов цифрового общества формирует научную базу, представляющую интерес для таких направлений научного анализа, как государственное управление, инновационная экономика, менеджмент, информационные технологии. В условиях достаточно заметной социально-экономической дифференциации существует риск возникновения проблемы «цифрового неравенства» российских регионов, что создаст дополнительные трудности для их социально-экономического развития. Исходя из этого, исследования в области проектирования цифрового регионального развития отличаются своей дополнительной актуальностью. Научная значимость предполагаемых результатов обусловлена приоритетом разработки прогнозных моделей развития институциональной экономики в условиях трансформации общественных отношений, вызванных развитием цифровых технологий.

Практическая значимость ожидаемых результатов заключается в возможности их использования при разработке программ поддержки сетевых взаимодействий, общественного сектора, инновационной деятельности, конкурентоспособности территорий и развития цифрового общества. Ожидаемые результаты могут быть использованы предпринимателями, а также органами власти при формировании и развитии институцио-

нальной инфраструктуры на современном этапе глобального развития цифрового общества.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Актуальные исследования *промышленной политики* включают анализ внедрения сетевого взаимодействия между машинами, оборудованием, зданиями и информационными системами, а также возможности осуществления мониторинга окружающей среды, процессов передачи функций управления и принятия решений интеллектуальным системам. При оценке развития промышленной политики следует учитывать конвергенцию промышленных технологий, которая означает взаимопроникновение технологий, когда границы между отдельными промышленными технологиями стираются, а многие интересные результаты возникают в рамках междисциплинарной работы на стыке различных областей.

К перспективным проблемам развития промышленной политики относятся [1]:

- 1) проблема экономико-математического моделирования кросс-индустриальных сетевых производственно-сервисных экосистем;
- 2) проблема оценки и прогнозирования эффектов технологической трансформации с использованием количественных показателей;
- 3) проблема формирования промышленной политики, основанной на принципах саморазвития,

саморегулирования, дифференцированности и сетцентричности (сетевая промышленная политика).

Необходимость решения проблем *зеленой экономики* связана с ростом негативного воздействия на человека и окружающую среду выбросов в атмосферу от различных источников и увеличением объемов образования отходов на фоне снижения уровня их переработки. Следует отметить, что в России постепенно усиливается общественное мнение о необходимости положительного решения экологических проблем, а также начинает осознаваться важность перехода научно-технологического развития регионов на использование принципов *зеленой экономики*.

Возможные направления развития *зеленой экономики* включают следующие позиции [2]:

- обоснование феномена *зеленой экономики* как синтетического вызова времени, меняющего экономическое и нравственно-эстетическое поведение людей в системе «человек — природа»;
- раскрытие содержания основных рисков и социально-экономических последствий, связанных с переходом регионов на использование принципов *зеленой экономики*;
- выделение и обоснование внутренних и внешних особенностей научно-технологического развития регионов на принципах *зеленой экономики*.

Экономические исследования *развития территорий* связаны, прежде всего, с формированием стратегий регионального развития. Здесь возможно

применение различного программного обеспечения [4].

Исследования, связанные с освоением Арктики, предполагают разработку концептуальных схем экономической интеграции и промышленного взаимодействия отдельных территорий Арктики с индустриально-развитыми территориями. Обоснование влияния процессов международного экономического сотрудничества в Арктике на возможности и перспективы социально-экономического развития регионов участвующей страны. Необходимо формирование комплекса методов и моделей, обеспечивающих оценку и прогнозирование взаимосвязанного развития производственных комплексов, эффективности промышленной политики, реализуемой в Арктической зоне и сопредельных территориях, движения финансовых потоков между институциональными секторами экономики на этих территориях. Требуется разработка стратегической карты эффективности промышленной политики в Арктической зоне, позволяющей учитывать опережающие и запаздывающие эффекты от реализации механизмов промышленной политики, а также от промышленного взаимодействия предприятий Арктической зоны РФ и сопредельных территорий [12].

Практическая значимость планируемых исследований состоит в создании прикладных методик оценки и управления развитием экономических систем, разработке моделей прогнозирования социально-экономи-

ческого развития и научном сопровождении стратегий регионального развития.

Библиографический список

1. Акбердина В.В., Коровин Г.Б. Траектории новой индустриализации российских регионов // Региональная экономика: теория и практика. — 2016. — № 1 (424), — С. 153–168.
2. Бочко В.С. Зеленая экономика: содержание и методология познания // Известия УрГЭУ. — 2016. — № 3 (65). — С. 5–13.
3. Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем. М.: Наука, 2004. — 240 с.
4. Куклин А.А., Охотников С.А., Коршунов Л.А. Архитектура информационно-аналитической системы «Антикризис» // Экономика региона. — 2016. — Т. 12. — № 2. — С. 371–382.
5. Маевский В.И. О взаимоотношениях эволюционной теории и ортодоксии // Вопросы экономики. — 2003. — № 11. — С. 4–14.
6. Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. — 1999. — Т. 35. — № 2. — С.3–20.
7. Попов Е.В. Миниэкономика — приоритетное направление исследований // Вестник РАН. — 2004. — Т. 74. — № 9. — С. 806–812.
8. Попов Е.В. Трансакционное измерение институтов // Экономическая наука современной России. — 2011. — № 2. — С. 25–40.
9. Попов Е.В. Трансакционная теория институтов // Экономический анализ: теория и практика. — 2013. — № 27. — С. 2–12.
10. Попов Е.В. Культура научного сообщества — основа методологии экономической науки // Вестник РАН. — 2016. — Т. 86. — № 4. — С. 71–78.

11. Попов Е.В., Власов М.В., Симахина М.О. Территориальная модель институтов развития предпринимательства // Журнал экономической теории. — 2010. — № 2. — С. 5–12.
12. Татаркин А.И., Логинов В.Г., Захарчук Е.А. Социально-экономические проблемы освоения и развития Российской арктической зоны // Вестник РАН. — 2017. — Т. 87. — № 2. — С. 99–109.
13. Coase R.H. The Nature of Firm // *Economica*, 1937. — Vol. 4. — № 10. — P. 386–405.
14. Commons J.R. Institutional Economics // *American Economic Review*. — 1931. — Vol. 21. — № 4. — P. 649–672.
15. Matthews R.C.O. The Economics of Institutions and Sources of Growth // *Economic Journal*. — 1986. — Vol. 96. — № 12. — P. 903–910.
16. Popov E.V. Transaction Estimation of Institutions // *Advances in Economics and Business*. — 2014. — Vol. 2. — № 1. — P. 58–64.
17. Popov E.V., Vlasov M.V., Veretenikova A.Y. Knowledge Generation within a Firm as an Object of Institutional Design // *Actual Problems of Economics*. — 2013. — № 1. — P. 463–478.
18. Veblen T. *The Place of Science in Modern Civilization and Other Essays*. N.Y.: Huebsch, 1919. — P. 239.
19. Wallis J., North D. Measuring the Transaction Sector in the American Economy, 1870-1970 // *Long-Term Factors in American Economic Growth*, Ed. by S. L. Engerman and R. E. Gallman. Chicago; University of Chicago Press, 1986. — P. 95–148.
20. Williamson O.E. Strategizing, Economizing and Economic Organization // *Strategic Management Journal*. — 1991. — Vol. 12. — № 1. — P. 75–94.

References

1. Akberdina V.V., Korovin G.B. The trajectory of the new industrialization of the Russian regions // *Regional Economy: theory and practice (Rus.)*. — 2016. — № 1 (424). — P. 153–168.
2. Bochko V.S. Green economy: the content and methodology of knowledge // *Izvestiya Ural State University of Economics*. — 2016. — № 3 (65). — P. 5–13.
3. Kleiner G.B. *Evolution of institutional systems*. Moscow: Nauka, 2004. — 240 p.
4. Kuklin A.A., Ohotnikov S.A., Korshunov L.A. The architectonics of information-analytical system “anticrisis” // *Economy of Region (Rus.)*. — 2016. — Vol. 12. — № 2. — P. 371–382.
5. Mayevsky V.I. About the relationship between evolutionary theory and orthodoxy // *Voprosy Ekonomiki*. — 2003. — № 11. — P. 4–14.
6. Polterovich V.M. Institutional traps and economic reforms // *Economics and Mathematical Methods (Rus.)*. — 1999. — Vol. 35. — № 2. — P. 3–20.
7. Popov E.V. Minieconomics — priority area of research // *Vestnik RAS*. — 2004. — Vol. 74. — № 9. — P. 806–812.
8. Popov E.V. Transaction measurement of institutions // *Economic Science of Modern Russia (Rus.)*. — 2011. — № 2. — P. 25–40.
9. Popov E.V. Transaction theory of institutions // *Economic analysis: theory and practice (Rus.)*. — 2013. — № 27. — P. 2–12.
10. Popov E.V. Culture of the scientific community — the basis of methodology of economic sciences // *Vestnik RAS*. — 2016. — Vol. 86. — № 4. — P. 71–78.
11. Popov E.V., Vlasov M.V., Simahina M.O. The territorial model of development entrepreneurship institutions // *Journal of Economic Theory (Rus.)*. — 2010. — № 2. — P. 5–12.

12. Tatarkin A.I., Loginov V.G., Zakhartchuk E.A. Socio-economic problems of development of the Russian Arctic zone // *Vestnik RAS.* — 2017. — Vol. 87. — № 2. — P. 99–109.
13. Coase R.H. The Nature of Firm // *Economica*, 1937. — Vol. 4. — № 10. — P. 386–405.
14. Commons J.R. Institutional Economics // *American Economic Review.* — 1931. — Vol. 21. — № 4. — P. 649–672.
15. Matthews R.C.O. The Economics of Institutions and Sources of Growth // *Economic Journal.* — 1986. — Vol. 96. — № 12. — P. 903–910.
16. Popov E.V. Transaction Estimation of Institutions // *Advances in Economics and Business.* — 2014. — Vol. 2. — № 1. — P. 58–64.
17. Popov E.V., Vlasov M.V., Veretenikova A.Y. Knowledge Generation within a Firm as an Object of Institutional Design // *Actual Problems of Economics.* — 2013. — № 1. — P. 463–478.
18. Veblen T. The Place of Science in Modern Civilization and Other Essays. N.Y.: Huebsch, 1919. — P. 239.
19. Wallis J., North D. Measuring the Transaction Sector in the American Economy, 1870-1970 // *Long-Term Factors in American Economic Growth*, Ed. by S. L. Engerman and R.E. Gallman. Chicago; University of Chicago Press, 1986. — P. 95–148.
20. Williamson O.E. Strategizing, Economizing and Economic Organization // *Strategic Management Journal.* — 1991. — Vol. 12. — № 1. — P. 75–94.

ТРЕНДЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТОВ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

TRENDS OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF SUBJECTS OF THE URAL FEDERAL DISTRICT IN THE CONDITIONS OF NEW INDUSTRIALIZATION

С.Г. ПЬЯНКОВА

Доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета, член Президиума Уральского отделения Вольного экономического общества России, д.э.н.

S.G. PJANKOVA

Associate Professor of Regional, Municipal Economics and Administration Dept. of the Ural State University of Economics, Member of the Presidium of the Ural Branch of the Free Economic Society of Russia, Dr. Sc. (Econ.)

O.T. ERGUNOVA

Доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета, к.э.н.

O.T. ERGUNOVA

Associate Professor of Regional, Municipal Economics and Administration Dept. of the Ural State University of Economics, Cand. Sc. (Econ.)

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена определению направлений развития инновационного потенциала субъектов Уральского федерального округа в рамках новой индустриализации. Выявлено, что Уральский макрорегион объективно обладает предпосылками для перехода на путь новой индустриализации и развития инновационного потенциала его субъектов по мере исчерпания потенциала развития за счет неинновационных инструментов и усиления рыночной конкуренции. В результате анализа факторов развития инновационного сектора макрорегиона выделен ряд его особенностей с точки зрения перехода на рельсы новой экономики. Выбранный набор индикаторов агрегирует различные

аспекты развития субъектов Уральского федерального округа, что позволило обеспечить сопоставимость оценок и минимизировать влияние субъективных факторов. Выявлено, что между регионами УрФО наблюдаются существенные различия в уровне развития, которые усиливаются в периоды роста и кризиса в экономике, что объясняется исторически сложившимися факторами, наличием природных ресурсов и пространственной концентрацией производства.

ABSTRACT

The article is devoted to determining the directions of development of the innovative potential of the subjects of the Urals Federal District within the framework of the new industrialization. It is revealed that the Ural macroregion objectively has prerequisites for the transition to the path of new industrialization and the development of the innovative potential of its subjects as the development potential is exhausted through non-innovative tools and increased market competition.

As a result of the analysis of the factors of development of the innovation sector of the macro-region, a number of its features have been singled out from the point of view of transition to the rails of the new economy. The selected set of indicators aggregates various aspects of the development of the subjects of the Urals Federal District, which made it possible to ensure comparability of assessments and minimize the influence of subjective factors. It is revealed that between the regions of the Urals Federal District there are significant differences in the level of development that intensify during periods of growth and crisis in the economy, which is due to historically established factors, the availability of natural resources and spatial concentration of production.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Уральский макрорегион; новая индустриализация; инновационный сектор, социально-экономическое развитие.

KEYWORDS

The Urals macroregion; new industrialization; innovation sector, social and economic development.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях новой индустриализации, модернизации промышленного производства до актуального технологического уровня особо значимым становится формирование эффективных инновационных систем в регионах Российской Федерации, что подразумевает проведение анализа современного состояния инновационного потенциала на примере Уральского макрорегиона. Многие известные отечественные ученые-экономисты: Е.Г. Анимица [1], С.Д. Бодрунов [3], Р.С. Гринберг [4], А.И. Татаркин [10] и др. — будущее российской экономики видят через переход на рельсы новой индустриализации.

С конца XX века значительная часть исследований была посвящена изучению роли инноваций в экономике. Одной из ключевых проблем этих научно-исследовательских работ является интерпретация результатов анализа пространственных измерений и механизмов, особенно, на национальном или региональном уровнях. Этот академический интерес к теме роли инноваций в развитии сопровождается и поощряется растущим интересом со стороны государства и под-

держивается многими правительствами и международными организациями (в частности ОЭСР и ЕС). В этой связи переломным моментом стали работы Портера, в которых утверждается, что национальная конкурентоспособность в условиях глобальной экономики лежит в «локальных структурах». Наряду с этим политики, национальные и региональные правительства, а также международные организации поддержали значительное количество академических исследований, направленных на обоснования их выбора в пользу инновационных отраслей и регионального развития. Тем не менее известно относительно мало об условиях, которые способствуют или неблагоприятны для инновационной деятельности, и как государственная политика могла бы помочь улучшить функционирование региональных систем в условиях индустриализации. Кроме того, не ясно, как оценить внешние эффекты инновационных процессов в регионе.

В большинстве работ акцент делается (явно или неявно) на двух центральных вопросах. Первый относится к природе и интенсивности взаимоотношений между ключевыми субъектами, участвующими в инновационной деятельности (особенно в высокотехнологичных отраслях): университетами и исследовательскими лабораториями, фирмами, финансирующими организациями, общественными и государственными учреждениями. Второй вопрос касается соответствующего пространственно-географического масштабирования инновационных

процессов. К этим вопросам относится также концептуальная задача экономического обоснования роли инноваций (в широком смысле) в экономике. Тем не менее, несмотря на большое количество научно-исследовательских работ и некоторые достигнутые результаты, единого мнения в литературе не сложилось, и эти вопросы активно обсуждаются.

В последние десятилетия экономическая политика во многих странах рассматривает инновации, создание кластеров, технопарков и иных подобных конструкторов как некий бесприоритетный механизм повышения конкурентоспособности и развития экономики. В отечественной экономической литературе отмечается, что уровень инновационного развития экономики во многом определяет конкурентоспособность региона [9].

Исходя из этого, логический анализ теоретических положений и эмпирических данных подтверждает возможность выдвижения гипотезы наличия корреляции между переменными, отражающими различные аспекты развития регионов, и уровнем инновационной активности организаций. Теоретически можно предположить, что более инновационно-активные регионы должны иметь лучшую или, по крайней мере, сопоставимую динамику основных показателей развития и проявлять большую устойчивость к негативным и кризисным явлениям в экономике, а также к трансформационным изменениям в условиях новой индустриализации.

ВЫБОР ПОКАЗАТЕЛЕЙ ОЦЕНКИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

Можно выделить несколько оснований для выбора переменных. Во-первых, выбранный набор индикаторов агрегирует различные аспекты развития регионов. Во-вторых, важно, что выбранные показатели оценки развития рассчитываются главным образом на основе объективных статистических данных, что позволило обеспечить сопоставимость оценок для различных регионов и минимизировать влияние субъективных факторов. Между регионами Уральского федерального округа (УрФО) наблюдаются существенные различия в уровне развития, которые усиливаются в периоды роста и кризиса в экономике. Более развитые регионы существенно опережают отсталые по различным показателям. Это во многом можно объяснить исторически сложившимися факторами, наличием природных ресурсов и пространственной концентрацией производства (табл. 1).

Таблица 1

Описание переменных

Переменные	Обозначение	Среднее значение	Мин.	Макс.	Стандартное отклонение
Инновационная активность организаций, %	Innov_act_(PFO)	11,73	6,19	24,46	4,88
Затраты на инновации по отношению к обороту организаций	Innov_turn	0,0105	0,0034	0,0182	0,0038
ВРП на душу населения тыс. руб., 2012 г.	GRP_p/k	210,3	139,1	336,1	64,9

Переменные	Обозначение	Среднее значение	Мин.	Макс.	Стандартное отклонение
Среднегодовой темп роста ВРП на душу населения	IndGRP_p/k	1,177	1,130	1,201	0,018
Среднегодовой темп роста физического объема ВРП	Ind_GRP	104,64	102,21	106,26	1,29
Индекс промышленного производства	Ind_Indust	104,66	100,87	110,61	3,41
Уровень диверсификации экономики региона (индекс Херфиндаля)	Ind H	0,863	0,819	0,890	0,019
Среднегодовой объем иностранных инвестиций, млн долл.	FDI_a/v	411,54	10,14	1776,77	583,08
Доля иностранных инвестиций в ВРП	FDI_GRP	0,025	0,004	0,078	0,022
Индекс физического объема инвестиций в основной капитал	Invest	109,4	104,9	114,4	2,72
Индекс реальных денежных доходов населения	Real Income	108,1	104,4	113,2	2,13
Индекс производительности труда	labour	104,1	101,6	107,6	1,80

ОЦЕНКА ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ РЕГИОНОВ УрФО
 Инновационная активность регионов УрФО представлена на основе средней инновационной активности организаций, характеризующей степень их участия

в осуществлении инновационной деятельности в целом или отдельных ее видов в течение определенного периода времени и агрегированно отражающей способность локальной среды к восприятию инноваций (рис. 1.).

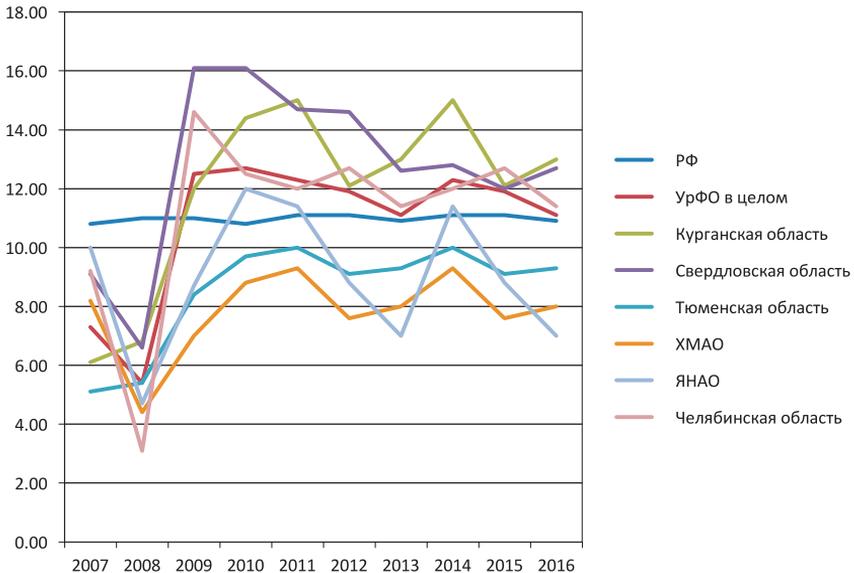

Рис. 1. Динамика инновационной активности организаций УрФО

Региональный срез показывает, что инновационная активность организации Уральского федерального округа превышает средний показатель по РФ. По всей видимости, это обусловлено концентрацией машиностроения, наукоемких производств и предприятий, относившихся к ОПК и ВПК, основу конкурентоспособности которых обеспечивают технологические инновации.

Трансформация экономики в условиях экономического кризиса 2009 года и структурного кризиса национальной экономики страны 2015 года оказала неоднозначное влияние на динамику инновационной активности регионов. Благодаря наличию определенных временных лагов, сильного снижения не произошло, более того, некоторые регионы продолжали наращивать инновационную активность. Тем не менее формирование группы «регионов-аутсайдеров», значительно снизивших средний уровень инновационной активности в посткризисный период, позволяет предположить наличие отложенного эффекта для инноваций.

В соответствии с рейтингом инновационных регионов по итогам 2017 года, составляемым Ассоциацией инновационных регионов России с 2012 года совместно с Министерством экономического развития России при участии региональных администраций и ведущих экспертов страны, к ним прежде всего относятся Курганская область (64-е место), ХМАО-Югра (66-е место) и ЯНАО (75-е место), которые попали в группу «среднеслабых инноваторов» и обошли таких «слабых инноваторов», как Чукотский автономный округ (85-е место), Республику Ингушетию (84-е место) и Республику Чечню (83-е место). Данный рейтинг отражает актуальные результаты инновационного развития субъектов РФ по 29 показателям-маркерам: от научных исследований и разработок в регионах до социально-экономических условий инновационной деятельности в субъекте.

Четыре региона Уральского макрорегиона были признаны «среднесильными» в рейтинге инновационных территорий, самый высокий показатель и лучший рост относительно 2016 года показала Тюменская область, она поднялась на 12 позиций и заняла 14-е место. Свердловская область осталась на 17-м месте, Пермский край уступил три позиции и оказался на 18-й строчке рейтинга. Челябинская область закрепилась на 22-м месте, как и в 2016 году. Все эти регионы попали в группу «среднесильных инноваторов», уступив лидерам («сильным инноваторам») — Санкт-Петербургу, Москве, Татарстану, Томской и Новосибирской областями.

Переменная, отражающая финансовую составляющую инновационной деятельности, представлена на основе доли затрат на технологические инновации в обороте организаций (Innov_turn). Индикаторами, отражающими динамику развития региона, выступают: валовый региональный продукт на душу населения, среднегодовой темп роста валового регионального продукта на душу населения (IndGRP_p/k), агрегированный индекс физического объема инвестиций в основной капитал (Invest), индекс реальных денежных доходов населения (Real Income) и индекс производительности труда (labour).

Тем не менее существенные межрегиональные различия в структуре экономики и прежде всего наличие высокорентабельных сырьевых отраслей не позволяют объективно судить о динамике уровня развития. Поэтому необходимо также ввести индикатор, отражающий

развитие обрабатывающей промышленности, — агрегированный индекс промышленного производства (Ind_Indust). В качестве показателя относительного уровня диверсификации экономики регионов использован скорректированный индекс Херфиндаля [5, 12]. Индекс варьируется от 0 до 1. Таким образом, более высокие значения индекса соответствуют большей диверсификации региональной экономики. Также необходимо определить возможную взаимосвязь инновационной активности регионов и такого чувствительного показателя, как иностранные инвестиции. Иностранные инвестиции, безусловно, обладают потенциалом формирования положительных внешних эффектов для региона за счет организационного фактора и повышения общего технологического уровня производства, роста производительности труда в отрасли, повышения качества человеческого капитала.

Теоретически более высокая инновационная активность должна способствовать привлечению инвестиций, в том числе иностранных. Кроме того, возможна обратная зависимость, поскольку прямые иностранные инвестиции могут предполагать передачу новых технологий, повышая уровень инновационной активности предприятий региона. Исходя из этого, следует ожидать положительной корреляции уровня иностранных инвестиций (FDI_{a/v}) и инновационной активности региона. Для элиминирования влияния объема и структуры региональной экономики в качестве контрольного индикатора можно исполь-

зовать среднегодовую долю иностранных инвестиций в ВРП (FDI_GRP).

В исследовании получены несколько противоречивые результаты. Более инновационно активные регионы УРФО по ряду показателей демонстрируют худшую сравнительную динамику развития. Общая инновационная активность организаций не оказывает положительного влияния ни на региональный ВРП (корреляция не имеет статистической значимости), ни на развитие региональной промышленности (отрицательный коэффициент корреляции, при этом величина является статистически значимой).

На этом фоне неоднозначно выглядит разнонаправленный характер взаимосвязи между уровнем ВРП и темпом роста ВРП на душу населения. Регионы с более высоким уровнем инновационной активности имеют лучшие показатели среднедушевого ВРП, но низкие темпы роста. Также обращает на себя внимание отсутствие значимой корреляции между финансовыми затратами на инновации и рассмотренными показателями развития регионов. Внедрение инноваций также не оказывает влияние на рост производительности труда. Можно отметить положительную корреляцию между инновационной активностью и инвестиционной привлекательностью (в разрезе иностранных инвестиций). В целом данный вывод совпадает с результатами более ранних исследований.

Относительно высокий уровень иностранных инвестиций в регионах стимулирует инновационную

активность предприятий [6]. Сотрудничество между иностранными компаниями, по всей видимости, ведет к вовлечению местных производителей в инновационный процесс, поскольку в результате таких взаимодействий появляется возможность совершенствования собственных технологических процессов и инновационной активности. Это, в свою очередь, может приводить к росту инновационной активности компаний и организаций за счет эффекта локальных взаимосвязей. Следует отметить, что возможности дальнейшего роста за счет иностранных инвестиций на фоне общего инвестиционного спада и их незначительной доли в ВРП невелики. Исходя из этого, не следует считать их серьезным источником финансирования для региона, по крайней мере, в кратко- и среднесрочной перспективе.

ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТОВ

Объяснение результатов эконометрического анализа в экономике следует проводить с большой осторожностью. Результаты эмпирического анализа в данной области часто являются противоречивыми. Известной причиной этому является выбор факторов, определяющих уровень инновационной активности. Тем не менее полученные результаты во многом согласуются с выводами ранее проведенных исследований. Инновационный сектор обладает слабо выраженным влиянием на развитие российских регионов, и прежде всего на уровень выпуска [7]. При этом подчеркивается крайне низкое влияние НИОКР и инноваций на уровень реального

ВРП по сравнению с вкладом других факторов, например капитала. Необходимо также учесть возможные ошибки выбора и измерения переменных, прежде всего связанные с несовершенством официальной методики измерения ВРП и инновационной активности организаций.

Определенные сомнения вызывают как высокие показатели инновационной активности отдельных регионов, так и возможное занижение официальных оценок. Результаты эмпирических исследований подтверждают существенные искажения в официальных оценках динамики реальных показателей [2, 11]. Тем не менее можно объяснить полученные результаты, исходя из следующих положений. Во-первых, можно предположить, что потенциал неинновационного развития регионов не исчерпан. По этой причине инновации не оказывают существенного влияния на финансовые результаты крупных компаний, и прежде всего показатель капитализации. Об этом отчасти свидетельствует разнонаправленная корреляция между инновационной активностью организаций и переменными, отражающими уровень и динамику среднедушевого ВРП (табл. 2).

Во-вторых, современная структура экономики, сформированная в период приватизации, не способствует инновационному развитию. У значительной части регионального бизнеса, во многом вследствие проводимой на протяжении последнего десятилетия экономической политики, отсутствуют надежные стимулы к конкуренции и, как следствие, потребность в инновациях. В российской экономике сохраняется высокий уровень концен-

трации с приоритетом крупных компаний, являющихся по своей структуре бюрократическими организациями, не склонными к инновациям и связанными рисками. В условиях высокой концентрации собственности в российском бизнесе политика крупных компаний определяется решением узкой группы акционеров [8].

Таблица 2

Парные корреляции переменных

	Innov_act	Innov_turn
Innov_act	1,000	0,679*
Ind_Indust_(PFO)	-0,631*	-0,257
GRP_pk	0,719*	0,178
Ind GRP (p/k)	-0,538*	-0,020
Ind H (PFO)	-0,789*	-0,380
FDI	0,657*	0,213
FDI_GRP	0,618*	0,424
Ind_GRP_(av)	0,020	-0,033
Real Income	-0,534*	-0,314
labour	-0,410	-0,376
Invest	-0,618*	-0,262

Примечание: * – $p < 0,05$

Их руководители склонны принимать консервативные решения, в том числе в личных интересах. При этом основные вопросы стратегического управления компаниями фокусируются на реорганизации и оптимизации структуры капитала и корпоративного финансирования в рамках интегрированных структур. Таким образом, можно ожидать, что возрастание роли

инноваций будет происходить только по мере исчерпания потенциала развития за счет неинновационных инструментов и усиления рыночной конкуренции. В-третьих, инновации распределены неравномерно и имеют тенденцию к пространственной локализации.

Главная причина для этого явления состоит в том, что существует множество локальных факторов, которые крайне важны для инновационных действий. На практике это выражается в региональной концентрации более инновационно активных предприятий и организаций, обусловленной в том числе историческими причинами. Таким образом, обусловленная отраслевыми особенностями инновационная активность организаций может не оказывать существенного влияния на динамику реальных показателей и устойчивость развития региона. Другая причина может состоять в том, что есть различия в относительном качестве или эффективности региональных инновационных систем, приводящих к разным уровням выпуска продукции, даже если факторы идентичны. Тем не менее доступные эмпирические доказательства для таких различий в эффективности не выглядят убедительно.

Библиографический список

1. Анимеца Е.Г., Силин Я.П. Новая индустриализация в пространстве макрорегиона: цели, возможности, этапы // Неоиндустриально ориентированные преобразования в экономическом пространстве Уральского макрорегиона. — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-т, 2017. — С. 41–45.

2. Бессонов. В.А., Воскобойников. И.Б. О динамике основных фондов и инвестиций в российской переходной экономике // Экономический журнал ВШЭ. — 2006. — № 2. — С. 193–225.
3. Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. — М.: Культурная революция, 2016. — 349 с.
4. Гринберг Р.С. Перемены в экономическом устройстве мира: российская специфика // Социально-экономические проблемы современности: поиски междисциплинарных решений: сб. науч. тр. участников Международной конференции «XXIV Кондратьевские чтения» ред. В.М. Бондаренко. М: Изд-во Межрегион. обществ. организации содействия изучению, пропаганде научного наследия Н.Д. Кондратьева, 2017. — С. 94–98.
5. Григорьева С.А. Финансовые исследования стратегий диверсификации на развитых и растущих рынках капитала [Электронный ресурс] // Электронный журнал «Корпоративные Финансы». — 2007. — № 1. — С. 111.
6. Мариев О.С., Дракина И.М., Игнатьева Е.Д. Эффекты прямого иностранного инвестирования как фактор инновационной активности российских предприятий // Журнал экономической теории. — 2013. — № 3. — С. 219–228.
7. Москальонов С.А. Инновационный потенциал региона как фактор роста совокупного благосостояния // Журнал экономической теории. — 2014. — № 1. — С. 90–99.
8. Паппэ Я., Антоненко Н. О новых конфигурациях собственников в российском крупном бизнеса // Вопросы экономики. — 2011. — № 6. — С 123–137.
9. Суховой А.Ф. Инновационная активность как индикатор инновационного имиджа // Журнал экономической теории. — 2013. — № 3. — С. 175–180.

10. Татаркин А.И. Новая индустриализация экономики России: потребность развития и/или вызовы времени // Экономическое возрождение России. — 2015. — № 2 (44). — С. 20–31.
11. Ханин. Р.И. За верную цифру: Макроэкономическая статистика России, хозяйственная жизнь и экономическая политика // Вопросы статистики. — 2007. — № 1. — С. 72–78.
12. Berri C.H. Growth and diversification // Journal of law and Economics. Vol. 14, № 2. October, 1971. — P. 371–383.

References

1. Animitsa E.G., Silin Ya.P. New industrialization in the space of the macroregion: goals, opportunities, stages // Neoindustrial-oriented transformations in the economic space of the Ural macroregion. Ekaterinburg: Publishing house Ural. state. econ. univ., 2017. — P. 41–45.
2. Bessonov. V.A., Voskoboinikov I.B. On the Dynamics of Fixed Assets and Investments in the Russian Transition Economy // Economic Journal of the Higher School of Economics. — 2006. — № 2. — P. 193–225.
3. Bodrunov S.D. The future. New industrial society: reboot. - Moscow: Cultural Revolution, 2016. — 349 p.
4. Grinberg, R.S. Changes in the economic structure of the world: the Russian specificity // Socio-economic problems of our time: the search for interdisciplinary solutions: Sat. sci. tr. participants of the International Conference «XXIV Kondratiev Readings» ed. V.M. Bondarenko. M: Izd-vo Mezhhregion. societies. organization of assistance in the study, promotion of the scientific heritage of N.D. Kondratieva, 2017. — P. 94–98.
5. Grigorieva S.A. Financial research of diversification strategies in developed and growing capital markets [Electronic resource] // Electronic journal “Corporate Finance”. — 2007. — № 1 — P. 111.

6. Mariev O.S., Drakina I.M., Ignatieva E.D. Effects of direct foreign investment as a factor of innovation activity of Russian enterprises // Journal of Economic Theory. — 2013. — № 3. — P. 219–228.
7. Moskallov S.A. Innovative potential of the region as a factor of growth of total welfare // Journal of Economic Theory. — 2014. — № 1. — P. 90–99.
8. Pape Ya., Antonenko N. On the new configurations of owners in Russian large business. // Issues of Economics. — 2011. — № 6. — P. 123–137.
9. Suhovei A.F. Innovative activity as an indicator of innovation image // Journal of Economic Theory. — 2013. — № 3. — P. 175–180.
10. Tatarkin A.I. New industrialization of the Russian economy: the need for development and / or the challenges of time // The economic revival of Russia. — 2015. — № 2 (44). — P. 20–31.
11. Khanin.R.I. For the right figure: Macroeconomic statistics of Russia, economic life and economic policy // Questions of statistics. — 2007. — № 1. — P. 72–78.
12. Berri C.H. Growth and diversification // Journal of law and Economics. Vol. 14, № 2. October, 1971. — P. 371–383.

Контактная информация:

Уральский государственный экономический университет
620144, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45

Ural State University of Economics

620144, RF, Ekaterinburg, 8 Marta/Narodnoy Voli St., 62/45

Phone: (343) 221-26-35

E-mail: pyankovasg@usue.ru

**ИНОСТРАННЫЕ ВЛОЖЕНИЯ
И СДЕЛКИ СЛИЯНИЙ
И ПОГЛОЩЕНИЙ
КАК ИНСТРУМЕНТ
ПРИВЛЕЧЕНИЯ
ИНВЕСТИЦИЙ
ЗОЛОТОДОБЫВАЮЩЕЙ
КОМПАНИИ**

**FOREIGN INVESTMENTS
AND M&A DEALS AS
INVESTMENT GENERATION
TOOL FOR A GOLD-MINING
COMPANY**

А.А. МИШИН

Член Вольного экономического общества
России, доцент Института экономики
и менеджмента ФГБОУ ВО «Владимирский
государственный университет имени
Александра Григорьевича и Николая
Григорьевича Столетовых», к.фил.н.

A.A. MISHIN

Member of the Free economic society of Russia, Associate Professor of the Institute of Economics and Management of the Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Cand. Sc. Philosophy

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются аналитические показатели отрасли, которые могут быть причиной привлекательности акций на золото и акций золотодобывающих компаний для долгосрочных инвестиций.

ABSTRACT

This paper attempts to dig deeper into industry fundamentals that make for an attractive longer-term investment case for gold or gold stocks.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Управление рисками, хеджирование, золотодобывающая промышленность, иностранные инвестиции.

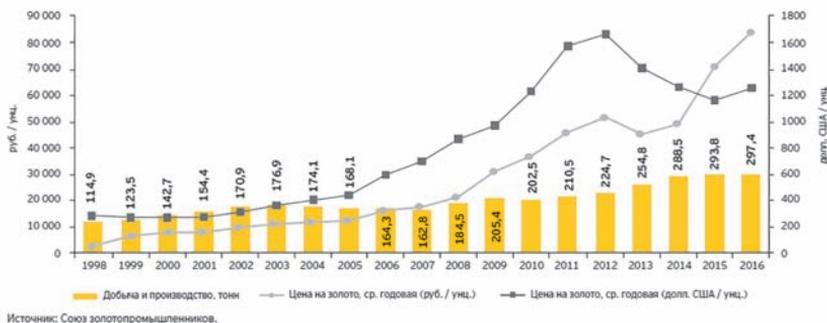
KEYWORDS

Risk, Hedging, Gold Mining, Foreign Investments.

Золотодобыча является одной из самых интегрированных в мировую экономику отраслей российской промышленности, что обуславливает большой объем иностранных инвестиций в активах данной отрасли¹ (см. рис. 1).

¹ Обзор золотодобывающей отрасли России за 2015–2016 годы // ЕУ, 2017, с. 6.

Историческая динамика объемов добычи и производства золота в РФ

Рис. 1. Историческая динамика объемов добычи и производства золота в РФ

Есть ряд российских компаний, доля иностранного капитала в которых составляет 100%. Например, ЗАО «Чукотская ГТК», одна из крупнейших российских золотодобывающих компаний, принадлежит крупной мировой золотодобывающей корпорации Kinross Gold Corp. Существенной долей иностранного участия в капитале обладает также Trans-Siberian Gold Plc, ведущая золотодобычу в Камчатском крае, и Auriant Mining AB, проекты которой осуществляются в Забайкальском крае, республиках Хакасия и Тыва.

Как видно на рис. 2, с середины 1990-х годов доля российских компаний с иностранным участием в общем объеме добываемого в России золота постепенно росла. С 2008 года она стабильно держится на высоком уровне, составляя 50–56% от совокупного объема общероссийской добычи. По данным Союза золотопромышленников, три из них по итогам 2016 года вошли в рейтинг 20 крупнейших мировых золотодобывающих компаний:

PJSC Polyus (№ 9), Polymetal Int. Plc (№ 18) и Nord Gold SE (№ 19)².

Динамика добычи золота компаниями с иностранным участием и активами в РФ, тонн

Компания	2012, тонн	2013, тонн	2014, тонн	2015, тонн	2016, тонн	Темп роста 2016/2015, %
PJSC Polyus *	48,8	51,3	52,7	54,8	59,8	9,2%
Polymetal Int. Plc*	15,2	21,7	26,3	24,7	24,8	0,5%
Kinross Gold Corp.	14,3	14,9	21,3	21,7	20,7	-4,7%
Petropavlovsk Plc	22,1	23,3	19,4	15,7	13,0	-17,5%
Nord Gold SE	10,2	9,9	10,6	10,6	8,3	-21,4%
Highland Gold Mining Ltd.*	6,0	6,1	6,7	6,6	6,9	4,8%
GV Gold	5,3	5,4	5,5	5,6	5,1	-9,6%
Leviev Group	1,4	2,0	1,6	1,5	1,4	-6,7%
Auriant Mining AB	0,6	1,1	1,1	0,8	1,1	35,0%
Mangazeya Mining Ltd.	0,5	0,5	0,3	1,1	0,9	-19,0%
Trans-Siberian Gold Plc	0,9	0,9	1,1	1,2	1,1	-8,3%
Итого	125,3	137,1	146,6	144,2	143,0	-0,9%
% от общероссийской добычи	55,5%	57,8%	58,0%	56,6%	54,5%	

Источник: Союз золотопромышленников.

Рис. 2. Динамика добычи золота компаний с иностранным участием и активами в РФ, тонн

При этом увеличение доли капитала горнодобывающей компании на сегодняшний день возможно либо привлечением капитала иностранных инвесторов, либо путем сделок слияний и поглощений. Однако, несмотря на сохраняющуюся высокую рентабельность российских игроков при укреплении курса рубля и их преимущество в долларовых издержках на унцию, цены активов для сделок слияний и поглощений в России остаются на относительно низком уровне, что обусловлено рядом политических и экономических факторов³.

² Данные Союза золотопромышленников.

³ Обзор золотодобывающей отрасли России за 2015–2016 годы // ЕУ, 2017, с. 9.

Золото, как правило, имеет очень низкую корреляцию с другими классами активов. Обычно оно привлекает интерес инвесторов в периоды глобальной неопределенности, поскольку не привязано ни к одной стране или экономической системе. Рост глобальной торговой напряженности и агрессивное изгнание из Северной Кореи являются лишь двумя примерами нынешних катализаторов. Северная Корея остается весьма непредсказуемым игроком на мировой арене, особенно в ситуации, когда она, кажется, отдаляется от Китая, и в то же время все больше конфликтует с Южной Кореей, Японией и Соединенными Штатами.

Рентабельность прибыли золотодобывающей отрасли достигла максимума в 2010 г. Несмотря на то что цены на золото росли еще два года, горнодобывающие компании потеряли контроль над затратами, которые выросли быстрее, чем цены на золото. К тому времени, когда горнодобывающие компании коллективно отрегулировали себестоимость, цены на золото начали падать, снижающиеся с каждым годом цены порождают все большие сокращения издержек.

В этой сложной обстановке многие горнодобывающие компании сократили бюджеты на геологоразведку и сократили число новых проектов. Снижение предполагаемых цен на золото также привело к сокращению запасов, так как заброшенные планы по разработке новых шахт оставили потенциально занятое в экономике золото в земле.

Несмотря на то что отрасль перешла к отчетности о совокупной устойчивой стоимости (ASIC), большинство компаний на самом деле недостаточно инвестируют в поддержание своего бизнеса. Многие горнодобывающие компании не заменяют золотые унции, которые они производят с помощью новых открытий, не инвестируют они и в будущие шахты, чтобы заменить свои текущие разработки, как только они полностью истощатся.

В результате производство золотой руды, по прогнозам, достигнет пикового уровня в следующие несколько лет и, по нашему мнению, потребует долгое время, чтобы переломить тенденцию. Согласно используемым в качестве эталона 90-м годам, цены на золото в 1999 г. остановились на отметке около 250 долл./унция, но производство золота достигло пика в 1998 г. и снижалось до 2007 г., несмотря на неуклонный рост цен. Для того чтобы добраться до действующего рудника, может потребоваться 10–15 лет, и в последнее время очень мало качественных проектов в области разработки. Ограниченное предложение шахт должно будет поддерживать цены на золото в обозримом будущем.

Часть из причин, по которым акции на золото, как правило, сильно волатильны, это относительно небольшие колебания в цене физического золота, которые могут привести к большим колебаниям в движении денежных средств, доступных акционерам. Например, предположим, что для золотодобывающей компании стоимость золота составляет 850 долл. за унцию с уче-

том добычи и переработки руды в золотой слиток, плюс еще 350 долл. за унцию с учетом капитала для покрытия расходов золотообогатительной фабрики и разведки, чтобы заменить унцию, плюс корпоративные накладные расходы. Таким образом, общая стоимость унции составит 1200 долл., а при цене на золото в 1200 долл., компания не генерирует лишних денег.

Когда золото будет ниже 1200 долл. за унцию, компания, скорее всего, недополучит на разведку, и привлечет резервную базу, и, вероятно, недополучит капитал таким образом, чтобы ее завод в конечном итоге пострадал от потенциальных проблем с операционной деятельностью. Тем не менее, вероятно, он сможет остаться в бизнесе в течение нескольких лет, даже если золото упадет до 1000 долл. за унцию.

При стоимости 1300 долл. за унцию компания будет генерировать 100 долл. за унцию, а при стоимости 1400 долл. это было бы 200 долл. за унцию. Таким образом, 100-долларовый ход цены на золото приведет к удвоению генерации денежных потоков. И хотя это гипотетический пример, основанный на наших исследованиях и анализе, реальный опыт недалеко от этих чисел.

Учитывая продолжительный многолетний спад цен на золото до 2016 г., управленческие команды по-прежнему сосредоточены на контроле затрат. Практически все они улучшают свои балансы в 2017 г., и некоторые пытаются восстановить доверие инвесторов скромным увеличением дивидендов. Разведка в нынешних условиях ценообразования считается

слишком рискованной. Бюджеты на разведку в значительной степени ориентированы только на территории в пределах автотранспортной доступности существующих разработок в целях обеспечения положительных экономических результатов от какого-либо успеха.

В результате промышленность, как правило, не заменяет производство новыми открытиями. На наш взгляд, многие золотодобывающие компании недоинвестировали до такой степени, что даже при большом увеличении расходов сложно представить, что добыча золота будет выше за пять лет, чем сегодня.

За счет этого акции золота являются волатильными, но некоторые горнодобывающие компании находятся в достаточно хорошем положении, чтобы выжить еще один спад цен, и имеют значительный потенциал роста, если цены будут подниматься, поэтому в ближайшие годы ожидается рост инвестиционной активности как за счет сделок слияний и поглощений, так и в результате выхода компаний на рынок капитала. Этому должны способствовать сохранение высоких показателей рентабельности при укреплении курса рубля и незначительный рост среднегодовой цены на золото, что должно увеличивать интерес со стороны иностранных инвесторов.

Библиографический список

1. Обзор золотодобывающей отрасли России за 2015–2016 годы // ЕУ, 2017.
2. Союз золотопромышленников // <http://goldminingunion.ru>.

3. Фефелова К.В. Систематизация экономических рисков разработки рудных месторождений золота // ГИАБ. — 2004. — № 7. — С.91–93.
4. Gold Survey 2016. // London: изд-во THOMSON REUTERS, 2017. — 120 p.

Контактная информация:

E-mail: andmishin@gmail.com

Contact links:

E-mail: andmishin@gmail.com

РАЗРАБОТКА МЕХАНИЗМА СТРАТЕГИЧЕСКОГО КОНТРОЛЛИНГА В УПРАВЛЕНИИ ЗАТРАТАМИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

DEVELOPMENT OF THE MECHANISM OF STRATEGIC CONTROLLING IN THE MANAGEMENT OF COSTS OF AN INDUSTRIAL ENTERPRISE

М.В. РУСАКОВИЧ

Доцент кафедры экономики и менеджмента
ГОУ ВО Московской области «Государственный
социально-гуманитарный университет»,
кандидат экономических наук

M.V. RUSAKOVICH

Assistant Professor of the Department of
Economics and Management of the State
University of the Moscow Region «State Social
and Humanitarian University», Candidate of
Economic Sciences

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены показатели развития промышленного производства, на основе статистических данных. Указана необходимость создания системы контроллинга на промышленных предприятиях с целью повышения эффективности их деятельности и мобилизации всех внутренних резервов. Рассмотрены особенности стратегического контроллинга, его цель и инструменты, а также условия внедрения на предприятии.

ABSTRACT

The article considers the indices of the development of industrial production, based on statistical data. The necessity of creating a controlling system at industrial enterprises is indicated with the aim of increasing the efficiency of their activities and mobilizing all internal reserves. The features of strategic controlling, its purpose and tools, as well as the conditions of implementation at the enterprise are considered.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Промышленное производство, российская экономика, конкурентоспособность, контроллинг.

KEYWORDS

Industrial production, the Russian economy, competitiveness, controlling.

Наиболее серьезными проблемами развития российской промышленности с точки зрения обеспечения ее конкурентоспособности в средне- и долгосрочной перспективе являются моральный и физический износ основных фондов и низкие темпы

их обновления. Решение отмеченных проблем невозможно без реструктуризации предприятий, которая неразрывно связана с принятием эффективных решений в области финансовой, инвестиционной, научно-технической и социальной политик. Особое место в финансовой и инвестиционной политиках занимает система управления затратами.

Системный подход к пониманию промышленной политики означает, что государство должно предусматривать соответствующую поддержку не только конкретным хозяйствующим субъектам, но и формировать приоритеты реализации промышленного потенциала, структурных преобразований, учитывать территориальные особенности экономического развития, инициировать формирование и развитие благоприятной институциональной среды. При разработке промышленной политики на базе системного подхода особое внимание необходимо обратить на согласованность и взаимный учет требований, предъявляемых к другим видам государственной политики, а также их требований к формированию целей, принципов, форм и методов реализации промышленной политики.

Одним из индикаторов, отражающих состояние национальной экономики, во многих странах является индекс производства, определяемый в виде отношения текущего объема производства в денежном выражении к объему производства в предыдущем или другом базисном году. Индексы производства по отдельным

видам экономической деятельности Российской Федерации ежегодно рассчитываются Росстатом (табл. 1).

Таблица 1

Индексы промышленного производства в 2012–2016 гг., %*

Отрасли промышленности	2012	2013	2014	2015	2016	2016 к 2015, %
Промышленность – всего	103,4	100,4	101,7	96,6	101,1	100,2
Добыча полезных ископаемых	101,0	101,1	101,4	100,3	102,5	102,1
Обрабатывающие производства	105,1	100,5	102,1	94,6	100,1	105,8
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	101,3	97,5	99,9	98,4	101,5	108,3

*Источник: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/industrial/# (дата обращения: 20.11.2017)

В целом промышленное производство упало в 2015 г. на 0,8%, наибольший вклад в снижение внесли производство автотранспортных средств (–23,1%), а также производство машин и оборудования (–4,7%). В 2016 г. положительную динамику продемонстрировали все основные секторы промышленности: в добывающем секторе рост составил +2,1%, в обрабатывающем — +5,8%, в сфере обеспечения электрической энергией, газом и паром — +8,3%.

Узким местом отечественной промышленности становится отсутствие современного оборудования. Так, по оценкам самих производителей, актуальность состояния основного капитала в 2014 г. оказалась в 2,1 раза выше, чем в 2008 г. В настоящее время собственники и руководители примерно 1/3 крупных предприятий страны имеют проблемы с оборудованием. Переходя на макроэкономические обобщения, можно предположить, что около 30% ВВП страны создается на устаревших технологиях.

Низкая технологичность производства автоматически ведет к снижению конкурентоспособности отечественных производителей по сравнению с иностранными предприятиями. Тем самым в условиях нарастающей глобализации и растущей открытости российской экономики слабая технологическая база отечественного производителя все сильнее тормозит его успешную деятельность даже на внутреннем рынке.

Анализируя данные, предоставленные Федеральной службой государственной статистики РФ, можно сделать вывод, что объемы вводимого оборудования являются недостаточными, а объемы выбытия основных фондов являются крайне низкими. Для сравнения: в 1970 г., характеризующемся как «эпоха застоя», обновление основных фондов производилось в 2,3 раза быстрее, чем в 2015 г¹. Россия по-прежнему находится

¹ Кормишкина Л.А. Конкурентоспособный тип воспроизводства в национальной экономике: объективная необходимость и методология формирования // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2014. — № 32. — С. 15–21.

в десятке стран мировых «лидеров» по уровню износа основных производственных фондов. По данным Ассоциации российских банков, данный показатель оценивается в среднем в 50%, в то время как, например, в остальных странах БРИКС (Бразилия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика) уровень износа основных производственных фондов не превышает 35%².

Следует отметить, что наибольшей величины данный показатель достигает в отраслях, которые занимаются добычей полезных ископаемых. Такая тенденция является весьма негативной, так как одной из ведущих отраслей экономики России является именно сырьевая отрасль. В связи с этим сфера добычи полезных ископаемых должна постоянно стремиться к самым высоким показателям производительности и обновления основных производственных фондов. Ненадежность функционирования основных производственных фондов и связанный с этим высокий риск возникновения аварийных ситуаций способны повлечь за собой большие убытки, что делает своевременное воспроизводство материально-технической базы промышленных предприятий одной из ключевых проблем российской экономики.

Модернизация основных производственных фондов, преодоление технологической отсталости предприятий на базе развития науки и распространения передовых технологий будут способствовать наращиванию эконо-

² Официальный сайт Ассоциация Российских Банков [Электронный ресурс]. — URL: <https://arb.ru/> (дата обращения: 25.10.2017).

мических показателей промышленных предприятий, что положительно отразится на всей экономике страны в целом. Принимая во внимание затраты на внедрения и сложности продвижения, инновационные технологии в конечном счете оправдают себя и позволят перейти на принципиально новый, более эффективный уровень производства, который обеспечит выпуск продукции, конкурентоспособный не только по качеству, но и по цене.

На графике (рис. 1), показывающем динамику изменения индекса промышленного производства, видно, что данный индекс постоянно изменяется.

Рис. 1. Индексы промышленного производства, в % к среднемесячному значению 2014 г.³

Если рассматривать динамику по «общему объёму», то максимальные колебания приходятся на декабрь

³ Динамика промышленного производства: региональные различия. Бюллетень о текущих тенденциях развития российской экономики. — URL <http://ac.gov.ru/files/publication/a/13824.pdf> (дата обращения: 20.11.2017).

2015 г. и 2016 г. При исключении сезонного и календарного факторов динамика индекса практически равномерная.

В структуре промышленного выпуска России добывающая промышленность составляет около 25%, обрабатывающая — 63%, обеспечение электрической энергией, газом и паром — 10%, а коммунальный сектор не превышает 2% (табл. 2).

Перспективы развития промышленности в ближайшие месяцы во многом зависят от ценовой конъюнктуры на мировых рынках, считают эксперты. Цены на энергоресурсы пока довольно стабильны, причем спотовые рынки газа уже близки к ценам «Газпрома», что может поспособствовать увеличению экспортных поставок. В то же время цены на цветные и черные металлы снижаются в условиях перепроизводства. В связи с представленными данными неизбежно напрашивается вывод, что только повышение эффективности деятельности промышленных отраслевых рынков обеспечит стабильность в развитии экономики в целом.

Одной из ключевых задач обеспечения эффективности промышленного предприятия является создание механизма управления затратами, что является причиной появления и внедрения системы контроллинга. Контроллинг — это система управления будущим для обеспечения длительной устойчивой работы предприятия и его структурных единиц. Основная причина повышенного внимания к контроллингу — необходи-

Таблица 2

Структура промышленного производства, %*

Отрасли промышленности	2012	2013	2014	2015	2016
Промышленность - всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
ТЭК	42,7	47,2	47,4	48,3	48,6
Добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	17,2	21,0	20,9	21,3	22,2
Производство кокса и нефтепродуктов	11,7	15,3	15,9	16,2	15,9
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	11,7	10,9	10,6	10,8	10,9
Потребительский комплекс	11,7	11,0	11,1	11,4	11,6
Пищевая промышленность	10,9	10,3	10,4	10,8	11,1
Легкая промышленность	0,8	0,7	0,7	0,6	0,6
Отрасли инвестиционного спроса	19,9	19,4	19,3	18,3	18,8
Производство строительных материалов	3,3	2,9	2,9	2,8	2,8
Машиностроение	16,7	16,4	16,3	15,5	16,0
Отрасли промежуточного спроса	25,0	21,0	20,8	20,7	21,1
Добыча полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических	2,7	2,5	2,5	2,5	2,5
Лесопромышленный комплекс	3,0	2,8	2,7	2,6	2,6
Химический комплекс	7,6	6,2	6,2	6,3	6,6
Металлургия	11,8	9,6	9,4	9,4	9,2

*Источник: по данным Минэкономразвития РФ

мость в повышении деятельности предприятия за счет выявления внутренних резервов. Основные задачи, которые позволяет решить контроллинг — обеспечить прозрачность бизнеса, сформировать информаци-

онную базу для принятия управленческих решений, разработать стратегические направления развития предприятия и указать пути достижения поставленных целей и задач.

Также можно с уверенностью утверждать, что система контроллинга содержит два подхода в реализации: качественно ориентированная концепция и количественно ориентированная концепция. Но в итоге ее внедрения предприятие реализует два направления — контроллинг общей цели развития предприятия, а также контроллинг всех числовых показателей, предложенных и разработанных при внедрении концепции контроллинга.

Особенность контроллинга четко просматривается в группировке и учете затрат, связанных с хозяйственной деятельностью предприятия. Предприятию необходимо ранжировать текущие затраты по отдельным видам или комплексам, в соответствии с системой классификации затрат. [4]. Контроллинг позволяет не только сформулировать систему мероприятий по минимизации затрат, но и создает механизм анализа финансовых категорий на постоянной основе. Система контроллинга на предприятии выполняет ряд функций (рис. 2).

Стратегический контроллинг — основное звено системы контроллинга, управляющее внешней средой, стратегическими факторами успеха, выявленными альтернативными вариантами, который направлен на реализацию долгосрочных стратегий и программ. Ключевой стадией построения системы контроллинга на

предприятию является разработка методологии учета затрат и определения финансовых результатов, которая становится базой построения корпоративной системы учета.

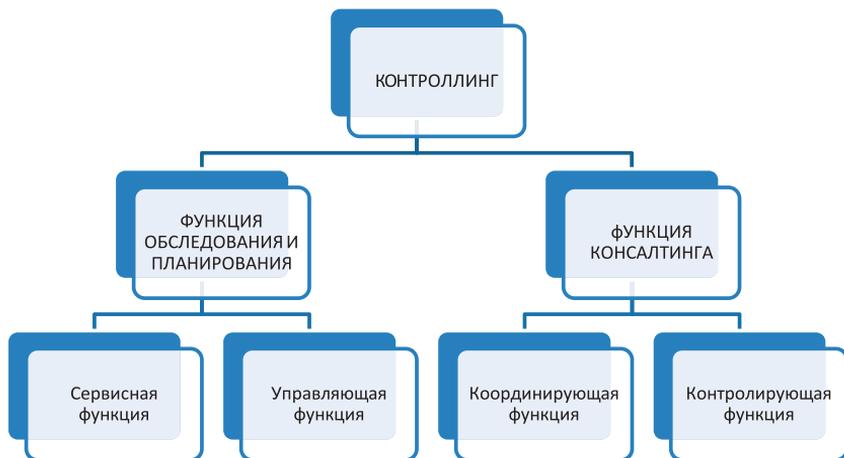

Рис. 2. Функции, выполняемые системой контроллинга на предприятии [2]

Цель стратегического контроллинга — обеспечение конкурентоспособности предприятия и наблюдение за ее движением к намеченной стратегической цели развития.

При разработке и внедрении механизма стратегического контроллинга в деятельность промышленного предприятия используется специальный учетный и аналитический инструментарий:

- управленческий учет и бюджетирование;
- расчет затрат по процессам (ActivityBasedCosting) — позволяет провести анализ взаимосвя-

- зей между объемом выпуска, себестоимостью и рентабельностью;
- расчет затрат по жизненному циклу продукта (Life-Cycle Costing);
 - сбалансированная система показателей (Balanced Scorecard) — самый популярный инструмент контроллинга, позволяет конкретизировать стратегию на верхнем уровне (разработать систему стратегических целей с показателями и действиями, позволяющими достичь этих целей), а также довести ее до персонала предприятия;
 - составление отчетности по международным стандартам финансовой отчетности [3].

Данный подход позволяет учесть все внутренние резервы предприятия, а также повышает действенность внутреннего контроля над эффективностью работы структурных подразделений предприятия, что обеспечивает контроль над формированием финансового результата, также позволяет выявить вклад каждого структурного подразделения предприятия в достижении финансового результата.

Таким образом, можно сделать предварительный вывод, что контроллинг является процессом управления и для него также характерны функции управления, однако можно выделить ряд особенностей (рис. 3).

В зависимости от целей управления предприятия могут меняться и инструменты контроллинга, т.е. это гибкая система, реагирующая на изменение внешней среды и максимально использующая внутренние

резервы предприятия. Эффективность системы контроллинга определяется эффективностью управления, таким образом, контроллинг действительно является обратной связью по управлению.

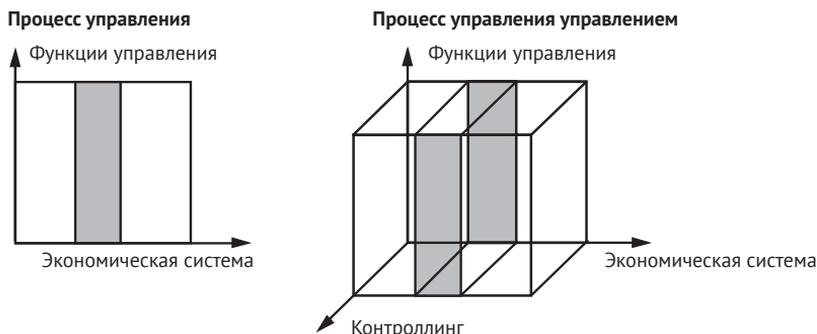

Рис. 3. Сравнение системы управления и контроллинга

На промышленных предприятиях актуальность внедрения системы контроллинга достаточно высока, так как это связано с конкуренцией, необходимостью обновления основных фондов и внедрения новейших технологий создания продукции, сокращением жизненных циклов продуктов и ростом косвенных затрат. Все вышеперечисленных факторы заставляют постоянно выявлять внутренние резервы для повышения эффективности работы предприятия.

Но при внедрении системы стратегического контроллинга необходимо понимать, что данная система не подходит для предприятий, находящихся в стадии бурного роста. В данном случае эта система не актуальна, так как нет необходимости поиска внутренних резервов.

Так с чего же начинается внедрение контроллинга на предприятии? Конечно же, с обучения, причем обучение начинается с высшего руководства и продолжается обучением исполнителей. При разработке и внедрении системы контроллинга используется, как правило, весь спектр инструментов контроллинга. Разрабатываемые при внедрении показатели могут наполняться различной информацией, учитывающей специфику предприятия, отраслевой рынок, конкурентное окружение и т.д.

Таким образом, стратегический контроллинг позволяет конкретизировать направления развития предприятия, а также рассчитать их эффективность. Иными словами, контроллинг является сложной конструкцией, объединяющей в себе большой спектр задач: установление целей, планирование, учет, контроль, анализ, управление информационными потоками, выработку рекомендаций для принятия управленческих решений, мониторинг и т.д.

Библиографический список

1. Динамика промышленного производства: региональные различия. Бюллетень о текущих тенденциях развития российской экономики. [Электронный ресурс] — URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/13824.pdf>.
2. Маткеримова А.М. Роль контроллинга в управлении затратами на предприятии // Молодой ученый. — 2016. — № 19. — С. 473–476. [Электронный ресурс] — URL: <https://moluch.ru/archive/123/34010/> (дата обращения: 20.11.2017).

3. Русакович М.В. Показатели сбалансированного развития территорий. [Электронный ресурс] / МГОСГИ — Электрон. текст. дан. (1 файл 1,8 Мб). — Коломна: МГОСГИ, 2015. — С.12–16.
4. Шугаева И.В., Кушнерова О.Н. Контроллинг в системе управления затратами на предприятии. Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ». — 2015. — Т. 6. — № 4. — С. 350–355.

References

5. Dynamics of industrial production: regional differences. Bulletin on current trends in the development of the Russian economy. [Electronic resource] — URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/13824.pdf>.
6. Matkarimova A.M. Role of controlling in the management of costs in the enterprise // Young Scientist. — 2016. — № 19. — P. 473–476. [Electronic resource] — URL: <https://moluch.ru/arhive/123/34010/> (reference date is November 20, 2017).
7. Rusakovich M.V. Indicators of balanced development of territories. [Electronic resource] / Kolomna: MGOCGI, 2015. — P. 12–16.
8. Shugaeva IV, Kushnerova ON Controlling in the system of cost management in the enterprise. Electronic scientific publication “Scientists notes of the TOUG”. — 2015. — Vol. 6. — № 4. — P. 350–355.

Контактная информация:

140400, Московская область, Коломенский г.о., ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет», тел.: 8 (496) 610-15-20

Contact Information:

140400, Moscow Region, Kolomna City, State University of Humanities and Social Studies, tel.: 8 (496) 610-15-20

ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

FEATURES OF THE RUSSIAN MODEL OF THE SHADOW ECONOMY IN THE CURRENT CONDI- TIONS OF MANAGEMENT

А.Н. СТОЛЯРОВА

Профессор кафедры товароведения
ГОУ ВО Московской области «Государственный
социально-гуманитарный университет», доктор
экономических наук

A.N. STOLJAROVA

Professor of the Department of Commodity
Science, State University of the Moscow Region
«State Social and Humanitarian University»,
Doctor of Economic science

А.И. КОЛГУШКИН

Аспирант, Институт региональных
экономических исследований

A.I. KOLGUSHKIN

Graduate student, Institute of regional economic
researches

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена понятию «теневая экономика», а также ее моделям. Проанализированы статистические данные (Росстат), а также отчеты Ассоциации дипломированных сертифицированных бухгалтеров (АССА) и данные проведенного исследования РАНХиГС. Отдельно рассмотрены особенности российской модели теневой экономики, факторы развития теневого бизнеса, а также инструменты его снижения.

ABSTRACT

The article is devoted to the consideration of the concept of «shadow economy» as well as to its models. The statistical data (Rosstat), as well as the reports of the Association of Chartered Certified Accountants (ACCA) and the research data of the Russian Academy of Science and Technology are analyzed. Separately examined are the features of the Russian model of the shadow economy, factors of development of the shadow business, as well as tools for its reduction.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Теневая экономика, российская экономика, офшоры, ВВП, экономически активное население, налоги.

KEYWORDS

Shadow economy, Russian economy, offshore, GDP, economically active population, taxes.

Теневая экономика зародилась с появлением экономических отношений и характерна всем экономикам современных стран. Теневая экономика, или как ее еще по-другому называют ненаблюдаемая экономика, как явление проникает во все сферы экономических отношений и реализуется в многочисленных формах, начиная от бегства в офшоры, зарплат в конвертах до кустарного производства одежды. Теневая экономика скрыта от контроля, в ней не платятся налоги, что порождает множество проблем с наполнением бюджетов всех уровней.

Во всех странах мира с рыночной структурой экономики всегда была и будет существовать теневая экономика. Масштабы в каждой из стран или сфер могут быть разными, но избавиться от нее полностью еще не удалось никому. Довольно часто теневую экономику приравнивают к преступности, где уровень можно уменьшить, но искоренить полностью невозможно.

Теневая экономика — это сокрытие экономической деятельности субъекта экономики. Сокрытие может отличаться, начиная от самых обыкновенных договоров и заканчивая организациями. В законодательстве нашей страны отсутствует трактовка термина «теневая экономика», что провоцирует разнообразие в ее трактовке. Рассмотрим несколько существующих трактовок в современной экономике¹.

¹ Глушков В.В. Классификация теневой экономической деятельности // Нац. проекты. — 2010. — № 12. — С. 130–135.

Исследование проблем, связанных с теневой экономической деятельностью, занимает одно из важных мест в экономической науке. Данное явление можно объяснить масштабами развития и сложностью в объективной оценке этого сектора [1].

Проблемой исследования теневой экономики на международном уровне занимается Ассоциация дипломированных сертифицированных бухгалтеров (АССА). Эксперты АССА определяют теневую экономику как экономическую деятельность и полученный от нее доход, которые находятся за пределами системы государственного регулирования, налогообложения или надзора. Наименьшие показатели объема теневого сектора по итогам 2016 г. зафиксированы в США (7,8% ВВП), Японии (10%) и Китае (10,2%) [2].

Доля теневой экономики в глобальном ВВП составила в 2016 г. 22,66%, подсчитала АССА. В ближайшие годы она будет сокращаться: до 22,5% в 2017 г., 22,1% в 2020 г. и 21,4% в 2025 г., прогнозируют эксперты. В России показатель практически не меняется год от года: в 2011 г. он составлял 39,33%, а к 2025 г. останется на том же уровне — 39,3%, ожидает АССА [2].

Методология оценки теневой экономики, которой пользуются эксперты АССА, основывается на опросе ведущих предпринимателей, а также выводах двух групп экспертов. Одна группа экспертов использовала метод сканирования горизонтов в отношении возникающих проблем и факторов, на основе научной литературы и научных исследований. На основе полученных дан-

ных, применяла метод «мягкого» прогнозирования, т.е. построение прогнозных сценариев. Другая группа экспертов применяла количественный метод, используя математический анализ для построения рядов количественных прогнозов и создания эконометрической модели.

При оценке теневого сектора учитываются такие переменные, как потребительские расходы, инвестиции к ВВП государства, реальный ВВП на душу населения, занятость, удельный вес налогов, государственных расходов в ВВП, а также темпы роста ВВП и число интернет-пользователей на тысячу человек.

На основе проведенного исследования были выделены две группы факторов, определяющих развитие теневой экономики:

- актуальные факторы, к которым можно отнести экономические, социально-демографические и государственные факторы;
- формирующиеся факторы — актуальные факторы плюс научно-технологические.

Таким образом, Россия вошла в пятерку крупнейших теневых экономик, заняв четвертое место в рейтинге, куда вошли 28 государств. Объем теневой экономики России составляет 33,6 трлн руб., или 39% от совокупного объема ВВП. Показатель теневой экономики в России — один из самых высоких в мире, он почти на 84% выше, чем в среднем по миру. Большой объем экономики в тени лишь у Украины (46% от ВВП, или 1,1 трлн грн), Нигерии (48% ВВП) и Азербайджана (67% ВВП).

На пятом месте расположилась Шри-Ланка с показателем 38% [2]. На рисунке 1 представлены страны с крупнейшей теневой экономикой.

В последние годы российская экономика была теневой на 40%, тогда как 60% бизнеса работали по «белым» или «серым» схемам (модель 60/40). В правительстве понимали, что каждый выводимый «из тени» процент повышает доходы бюджета крайне существенно. Согласно докладу Всеобщей конфедерации профсоюзов (ВКП) «О неформальной экономике», во время кризиса 2008–2009 гг. и последующей стагнации экономики теневая экономика начала расти, что свидетельствует о том, что сложное экономическое положение и безработица стимулируют теневую деятельность.

По данным официальной статистики, масштабы теневой экономики в 2015 г. составляли около 22% ВВП, что сопоставимо с некоторыми европейскими государствами, а уже в 2016 г. отмечали резкое снижение до уровня 10–14%. Но это средняя цифра.

Есть секторы, где доля ненаблюдаемой экономики достигает почти 50%. При этом в теневой экономике оказываются задействованы миллионы наемных работников. Например, сельское хозяйство, потому что там личные подсобные хозяйства. Операции с недвижимым имуществом — почти 50%: это люди сдают свои квартиры. Торговля — примерно 10–11%; строительство — порядка 16–18%, серьезная доля; в образовании — порядка 5–6% — это репетиторство (рис. 2).

Страны с крупнейшей теневой экономикой

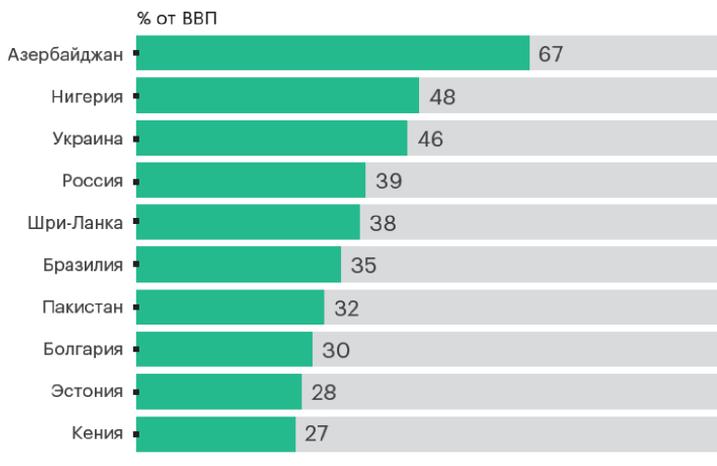

Рис. 1. Страны с крупнейшей теневой экономикой, согласно рейтингу АССА²

Согласно критериям Росстата, к занятым в неформальном секторе относятся те, кто работает на предприятиях, не зарегистрированных в качестве юридического лица, то есть самозанятые, фермеры, индивидуальные предприниматели и лица, работающие у них по найму, а также члены семьи, помогающие в собственном деле или в бизнесе, принадлежащем кому-либо из родственников. Поэтому в неформальный сектор не включаются люди, которые работают на предприятиях-юрлицах без оформления договора или получающие там «серые» зарплаты. По словам Владимира Гимпельсона, директора Центра

² Официальный сайт РосБизнес Консалтинг: <https://www.rbc.ru/>.

трудовых исследований Высшей школы экономики (ВШЭ), Росстат оценивает объем неформального сектора по нижней планке и рассчитывает его как разницу между числом всех занятых в экономике и количеством рабочих мест, замещенных в юридических лицах. [3]

Рис. 2. Доля занятых в теневом секторе по отраслям экономики, %

По итогам 2016 г. занятость в неформальном секторе российской экономики достигла 15,4 млн человек, или 21,2% от общего числа занятых. Это рекордный показатель с 2006 г. По сравнению с 2015 г. неформальный сектор увеличился более чем на полмиллиона человек. Он непрерывно растет с 2011 г. и за это время увеличился на 4 млн человек (рис. 3) [3].

По данным проведенного исследования РАНХиГС, временно или постоянно включены в теневой рынок труда около 40% экономически активного населения

Доля занятых в неформальном секторе с 2006 по 2016 годы

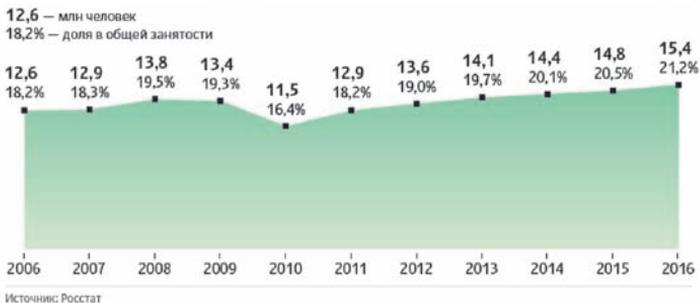

Рис. 3. Доля занятых в неформальном секторе в 2006–2016 гг.¹

РФ, 12% заняты только в нем, а половина домохозяйств является потребителями его услуг. Основную неофициальную работу имеет 11,7% экономически активного населения (в 2003 г. — 8,3%, очевиден рост показателя с увеличением социальных сборов). Вторая работа или подработки (вторичная занятость) есть у примерно 40% экономически активного населения, 30,4% в 2016 г. имеет именно неофициальную вторичную занятость, 27,9% респондентов утверждает, что «иногда» или «постоянно» получает заработок «в конверте» (10,4% отказывается об этом говорить, 61,7% отрицает такие заработки). В мае 2016 г. постоянные или временные теньевые заработки имели около 30 млн человек (40,3% экономически активного населения), 8,7 млн человек (11,7%) трудоустроены только так. В исследовании представлены оценки расходов домохозяйств на них — они с 2013 г.

¹ Официальный сайт РосБизнес Консалтинг: <https://www.rbc.ru/>.

снизились с 7,3 тыс. руб. до 6,1 тыс. руб. в месяц. Однако сокращение «тени», судя по всему, краткосрочный эффект стагнации доходов в экономике, в среднесрочном периоде с 2016 г. «тень» будет расти [1].

Чаще всего, по данным социологов, в теневом секторе работают молодые мужчины до 24 лет и мужчины старше 60 лет. Обычно у них достаточно невысокое материальное положение и средний уровень образования.

Чаще всего не оформляют официальные трудовые отношения самозанятые работники (фрилансеры). Они чаще прибегают к устным договоренностям.

Почти 66% объясняют свое нежелание официально оформлять трудовые отношения возможностью получить дополнительный доход. Еще 43% респондентов полагают, что таким образом они могут совмещать сразу несколько работ.

Почти 37% пытаются так уклониться от выплаты налогов, алиментов, кредитов и других взысканий. Около 11% выбирают теневой сектор, чтобы не терять социальные льготы.

22% жалуются, что иначе просто не найдут работу из-за различных ограничений, например по возрасту или здоровью. Еще почти 19% опрошенных поясняют, что в теневом секторе требования к квалификации работника ниже.

По прогнозам, в период до 2025 г. теневую экономику будут поддерживать следующие факторы: высокое налоговое бремя, рецессия в местных экономиках, сложность налоговой системы, замедление мировой

экономики и легкость работы в неформальном секторе. Россия является «лидером» среди стран по сумме неуплаченных налогов, для большинства предпринимателей в РФ уход от уплаты налогов стал обычным процессом (рис. 4).

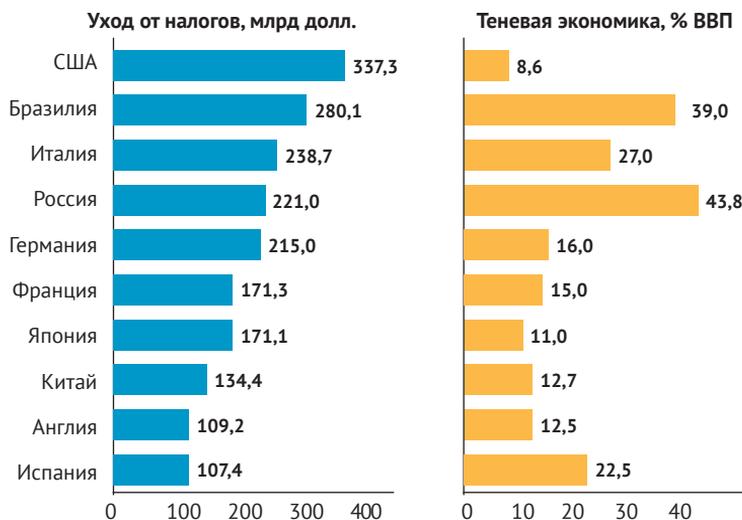

Рис. 4. Уровень теневой экономики в России и мире³

На основании вышесказанного, можно обозначить основные направления борьбы с теневой экономикой: увеличение числа транзакций, которые должны осуществляться через электронные платформы; усиление надзора над компаниями для обеспечения соблюдения законодательства; снижение уровня безработицы; увеличение инвестиций для созда-

³ Официальный сайт РосБизнес Консалтинг: <https://www.rbc.ru/>.

ния возможностей для маргинализированных слоев населения; усиление спецслужб для выявления правонарушителей.

Библиографический список

1. Королева А. Парадоксы теневой экономики. [Электронный ресурс]: ExpertOnline: <http://expert.ru/2016/06/9/krizis-udartil-poteni/> (дата обращения: 24.11.2017).
2. РБК: неформальная экономика России выросла до рекордных размеров. [Электронный ресурс]: https://news.rambler.ru/business/36646223/?utm_content=news&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 20.11.2017).
3. Рыбасова М.В., Савина А.Б. Анализ масштабов развития теневой экономики в России // Научный форум: Экономика и менеджмент: сб. ст. по материалам III междунар. науч.-практ. конф. — № 1(3). — М., Изд. «МЦНО», 2017. — С. 66–73.

References

1. Koroleva A. Paradoxes of the shadow economy. [Electronic resource]: Expert Online: <http://expert.ru/2016/06/9/krizis-udartil-poteni/> (circulation date: 24.11.2017).
2. RBK: the informal economy of Russia has grown to a record size. [Electronic resource]: https://news.rambler.ru/business/36646223/?utm_content=news&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (circulation date: 20.11.2017).
3. Rybasova MV, Savina AB Analysis of the scale of development of the shadow economy in Russia // Scientific forum: Economics and Management: coll. Art. On the materials of III Intern. Scientific-practical. Conf. — No. 1 (3). — M., Ed. «MCNO», 2017. — P. 66–73.

Контактная информация:

140400, Московская область, Коломенский г.о., ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет», тел.: 8 (496) 610-15-20

Contact Information:

140400, Moscow Region, Kolomna City, State University of Humanities and Social Studies, tel.: 8 (496) 610-15-20

**ИССЛЕДОВАНИЕ
МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ
ХОЗЯЙСТВЕННЫХ
СВЯЗЕЙ В ПРОСТРАНСТВЕ
МАКРОРЕГИОНА
(НА ПРИМЕРЕ
УРАЛЬСКОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЙОНА)**

**ECONOMIC
INTERREGIONAL
RELATIONS RESEARCH
IN THE MACROREGIONAL
SPACE (CASE OF THE
URAL ECONOMIC
REGION)**

А.А. ГЛУМОВ

Старший преподаватель кафедры региональной и муниципальной экономики и управления
ФГБ ОУ ВО «Уральский государственный
экономический университет», к.э.н.

A.A. GLUMOV

Sr. Lecturer of Regional, Municipal Economics
and Management Dept., Ural State University of
Economics, Cand. Sc. (Econ.)

С.А. ШИТИКОВ

Доцент кафедры прикладной математики
ФГБ ОУ ВО «Уральский государственный
экономический университет», к.ф.-м.н.

S.A. SHITIKOV

Associate Prof. of Applied Mathematics Dept.,
Ural State University of Economics, Cand. Sc.
(Physics & Math)

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу хозяйственных связей регионов Уральского экономического района. Обосновывается, что межрегиональные связи являются одним из ключевых факторов при определении границ макрорегионов. Необходимость их исследования сохраняется, несмотря на смену административно-хозяйственной модели государства. Ключевым выводом является сохранение тесных связей между регионами Уральского экономического района, что позволяет сделать вывод об актуальности данного элемента структуры экономического пространства России.

ABSTRACT

The paper analyses economic relations between regions of the Ural macroregion. Interregional relations are established to be the key factor in delimiting the borders of macroregions' territory. Despite the changing administrative model, it is still important to research them. The article reveals close connections between the Ural macroregion's territories, which proves the topicality of this element in Russia's economic space structure.

The share of four Ural regions in the structure of the interregional trade accounts for 26,63%. So, we can say that the inner coherence level is quite high. The major products traded within Ural regions are ferrous metals, steel pipes and petroleum products.

Networks analysis indicators are applied in the research. The analysis shows that the central element is Chelyabinsk region.

In addition to the official procedure of interregional economic relations evaluation, we analyze the connections between plants of the biggest industrial network «UGMK».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Уральский экономический район, хозяйственные связи, промышленность, сеть, сетевой анализ.

KEYWORDS

Ural economic region, economic relations, industry, networks, network analysis.

Проблемы исследования хозяйственных связей всегда находились в фокусе внимания отечественных ученых. В советский период активно реализовывалась политика индустриализации и осо-

бо актуальным был вопрос эффективного размещения новых сотен и тысяч производств.

Вопросам эффективности выстраивания хозяйственных связей посвящено значительное количество работ советских ученых 70–80-х гг. прошлого века. Причем среди разновидностей хозяйственных связей ученые делали особый акцент на преимуществах прямых хозяйственных связей. Митрофанов В.А., Бахарев С.А., Падчин Ю.Г., Кирюхина В.Н. [8] называют прямые длительные хозяйственные связи одной из прогрессивных форм хозяйственных взаимоотношений между предприятиями и развивают теорию динамических оптимизационных моделей, решающую задачу перевода системы хозяйственных связей из одного состояния в другое с минимальными издержками. Куротченко В.С., Садреева А.Х. [6] приводят расчеты по эффективности функционирования таких связей между передовыми предприятиями и объединениями.

Важность исследования связей в промышленности подчеркивают и ученые, занимавшиеся изучением сетевых структур. В частности, Губин Б.В. и Каширин М.С. [4] отмечают, что главной задачей крупного комплекса становится не просто управление отдельными его частями, ячейками, а управление связями между ними.

Прежде чем исследовать хозяйственные связи на уровне макрорегиона, считаем необходимым дать определение связей.

Махнова В.И. [7] определяет связи как внутренне присущее и жизненно обусловленное единство вза-

имовлияния объектов друг на друга в определенной среде их существования, функционирования, движения. При этом особый акцент делается на неразрывности понятий «связи» и «сеть»: «Сеть связей есть совокупность связей, выступающая как интегрированная связь производства и конечного потребления какого-либо продукта в среде материального производства».

Алов А.Н., Михеев И.Н., Козлова Н.Г. определяют хозяйственные связи как планомерные отношения, складывающиеся между предприятиями, обладающими хозрасчетной самостоятельностью [1].

Необходимо отметить, что хозяйственные связи в значительной степени видоизменяются в зависимости от типа экономической модели государства. Хруцкий Е.А. отмечал, что если при капитализме хозяйственные связи подвержены постоянной угрозе разрыва в результате анархии и диспропорциональности производства, то при социализме хозяйственные связи характеризуются надежностью и прочностью, вытекающими из планомерного характера всего общественного производства [9].

В период рыночных преобразований интерес к исследованию хозяйственных связей у экономистов значительно снизился. Это связано с тем, что связи предприятий стали предметом компетенции самих предприятий. Тем не менее, по мнению автора, необходимо продолжать исследования хозяйственных связей в новых экономических условиях.

Очевидно, что изменились и подходы к определению хозяйственных связей. Сейчас понятие хозяйственных связей включает совокупность экономических, организационных, финансовых и других видов отношений между контрагентами.

По-нашему мнению, актуальность исследования хозяйственных связей на региональном уровне обусловлена следующими причинами.

Во-первых, в настоящее время в научной и экспертной среде ведется дискуссия о новом районировании территории России. Как справедливо отмечают Е. Анимица и Я. Силин [2], именно макрорегион в современных условиях становится основным объектом стратегического планирования пространственного развития страны. В соответствии с законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации» одним из видов документов стратегического планирования является стратегия социально-экономического развития макрорегионов.

А именно хозяйственные связи на межрегиональном уровне являются ключевым фактором при формировании состава и границ макрорегиона. Одним из инструментов научного обоснования состава макрорегионов является исследование экономических связей каждого из регионов макрорегиона, в результате чего можно будет сделать вывод о степени связанности тех или иных регионов и, соответственно, о возможности включения их в состав макрорегиона.

Министерством экономического развития РФ разработан в 2016 г. проект Стратегии пространственно-

го развития Российской Федерации на период до 2030 года, в котором дается определение макрорегиона. Однако состава макрорегионов не приведено. В связи с этим до момента утверждения Стратегии в 2018 г. актуальнейшим вопросом является научное обоснование состава макрорегионов.

Во-вторых, исследование связей необходимо также при разработке стратегии социально-экономического развития макрорегиона и выделения межрегиональных инвестиционных проектов. Наиболее известный пример — «Урал Промышленный — Урал Полярный». Несмотря на то что в целом его нельзя назвать успешным проектом, идеология проекта основывалась на научных идеях о производственных потребностях предприятий.

В-третьих, связи являются основой исследования деятельности сетевых производственных структур на уровне макрорегиона. Под сетевыми структурами мы понимаем холдинги, объединения, индустриальные парки и иные производственные структуры, имеющие в своем составе более одной производственной единицы или площадки и связанные друг с другом тесными технологическими, организационными и иными связями. Сетевые структуры являются относительно новым явлением в российской экономике, и, соответственно, необходимо научное обоснование специфики их функционирования в региональной экономике.

При этом сам макрорегион также может рассматриваться как сеть.

Информационной основой исследования хозяйственных связей является официальная статистика межрегиональной торговли, поскольку наиболее показательным и, по сути, единственным официально отслеживаемым показателем, характеризующим хозяйственные связи, является товарооборот между предприятиями регионов и между регионами в целом.

В статистике на уровне субъекта РФ данный показатель отражен в форме «Межрегиональная торговля отдельными видами продукции организациями».

Росстат отслеживает информацию примерно по 130 основным товарным группам: это как промышленные, так и продовольственные, потребительские товары.

Официальная методика имеет ряд недостатков, поскольку не отражает всей широты товарной номенклатуры, по которой осуществляется межрегиональный обмен. Соответственно, в официальную статистику не попадает значительное количество полуфабрикатной продукции, которую предприятия поставляют друг другу, в том числе в рамках внутрихолдинговых (сетевых) структур.

Методика также не учитывает закрытую информацию, например, поставки предприятий ОПК, предприятий ядерного цикла. Это особенно важно для Уральского макрорегиона, где ОПК является ядром развития экономики.

Помощь в исследовании хозяйственных связей оказывает изучение холдинговой принадлежности предприятий, поскольку включение предприятия в холдинг

имеет логику в случае его участия в технологической цепи всего холдинга.

В ходе исследования были рассмотрены торгово-экономические связи четырех регионов Уральского экономического района — Свердловская, Челябинская и Оренбургская области и Пермский край — за 2015 год. Это те регионы, которые составляют ядро УЭР и информация о которых была доступна. В отдельных регионах Урала такая статистическая информация не готовится в ежегодном режиме, поэтому ее нужно заказывать отдельно.

Рассматривались как абсолютные величины в рублях, так и относительный показатель в процентах — доля того или иного региона в структуре товарооборота.

Средняя теснота связей каждого региона с другим регионом составляет 1,2% (то есть из 85 регионов каждый регион сотрудничает с 84 регионами, 100% делится на 84, получаем 1,2%. С математической точки зрения столько должно приходиться на каждый регион). В таблицах, посвященных каждому из регионов, приведены цифры по пяти крупнейшим регионам-партнерам, а также отдельно выделены регионы Уральского экономического района.

Свердловская область традиционно считается ядром Уральского экономического района. Это наиболее промышленно развитый регион, поэтому его связи рассмотрены подробнее. На шесть регионов УЭР приходится 23,6% товарооборота Свердловской области, а на пять регионов УрФО — 32,19% (табл. 1, 2).

Таблица 1

**Территориальная структура торгово-экономических связей
Свердловской области**

№	Регион	Ввоз в СО, тыс. руб.	Вывоз из СО, тыс. руб.	Итого, тыс. руб.	Ввоз в СО, %	Вывоз из СО, %	Итого, %
1.	Челябинская область	57 552 985,6	18 643 717,7	76 196 703,3	26,1	6,93	15,56
2.	г. Москва	17 677 630,2	51 412 385,0	69 090 015,2	8,02	19,1	14,11
3.	ХМАО	10 157 784,5	40 326 469,2	50 484 253,7	4,61	14,98	10,31
4.	Московская область	14 038 918,8	10 235 215,7	24 274 134,5	6,37	3,8	4,96
5.	Омская область	17 691 818,6	5 857 683,4	23 549 502	8,02	2,18	4,81

Таблица 2

**Торгово-экономические связи Свердловской области с регионами
Уральского экономического района**

№	Регион	Доля региона в структуре товарооборота Свердловской области, %
1.	Челябинская область	15,56
2.	Республика Башкортостан	2,37
3.	Пермский край	2,88
4.	Оренбургская область	1,05
5.	Удмуртская Республика	1,20
6.	Курганская область	0,53
ИТОГО		23,59

Безусловным лидером по товарообороту является Челябинская область. В структуре поставок значительную часть (42,15 млрд руб.) составляют поставки проката

черных металлов из Челябинской области. Это поставки металла прежде всего с Магнитогорского металлургического комбината предприятиям Свердловской области, в том числе для Уралвагонзавода. В структуре закупок Уралвагонзавода доля металла ММК в отдельные периоды достигает 27,3% [5].

Необходимо отметить, что эти связи носят не стихийный, а крайне устойчивый характер, поскольку такие крупнейшие предприятия, как ММК, НТМК, ЧМК, Уралвагонзавод, ЧТЗ-Уралтрак были построены десятилетия назад, хозяйственные связи между ними выстроены и одновременно измениться не могут.

Столичные и околостолличные регионы (г. Москва, Московская область, г. Санкт-Петербург) занимают передовые позиции именно благодаря своему столичному статусу, это крупнейшие рынки страны. В связи с этим при выявлении закономерностей пространственного развития сети регионов их необходимо учитывать с оговоркой об особом статусе.

Значительная часть товарооборота Свердловской области приходится на ХМАО.

Из ХМАО в Свердловскую область завозится бензин автомобильный (на сумму 9,8 млрд руб., что составляет 97% ввоза из ХМАО), а вывозятся в основном трубы стальные (35,6 млрд руб., 92% от всего вывоза в ХМАО из Свердловской области). Ключевыми поставщиками труб являются ОАО «Синарский трубный завод», ООО «Первоуральский новотрубный завод», ОАО «Северский трубный завод».

В Удмуртию поставляются прокат черных металлов на 655,8 млн руб. (металл поставляется в том числе на машиностроительные предприятия оборонного комплекса — «Воткинский завод», Ижевский электромеханический завод «Купол»), трубы стальные на 1 671 млн руб. (для нефтепроводов «Удмуртнефти»).

Из Республики Башкортостан в Свердловскую область ввозятся бензин автомобильный на 4,6 млрд руб., дизельное топливо на 1,6 млрд руб. Вместе это составляет 97,4% всего ввоза из Башкирии в Свердловскую область. Производителями нефтепродуктов являются предприятия, входящие в холдинг «Башнефть».

В Башкирию предприятия Свердловской области поставляют прокат черных металлов на 901,5 млн руб., трубы стальные на 1916 млн руб. Поставками труб занимается «Трубная металлургическая компания». Причем связи с предприятиями «Башнефти» настолько тесные, что в апреле 2016 г. была принята Программа технологического партнерства на 2016–2020 годы ПАО «Трубная металлургическая компания» и ПАО АНК «Башнефть». Документ предусматривает более 20 совместных мероприятий, связанных с разработкой, внедрением, опытно-промышленными испытаниями продукции ПАО «ТМК» на месторождениях компании Башнефть.

В Пермский край предприятия Свердловской области поставляют прокат черных металлов на 1,9 млрд руб., цемент (795,4 млн руб.), трубы стальные (1,6 млрд руб.).

Из Пермского края ввозится бумага на 607 млн руб.

В Оренбургскую область ввозятся прокат черных металлов на 690 млн руб. и трубы стальные на сумму 3230 млн руб. (в интересах ПАО «Оренбургнефть» и ООО «Газпром добыча Оренбург»). На две данные позиции приходится 97% товарооборота между Свердловской и Оренбургской областями.

На Курганскую область приходится наименьший объем товарооборота среди регионов Уральского экономического района — 0,53%, что обусловлено сельскохозяйственной спецификой Курганской области. В Курганскую область поставляются прокат черных металлов (125,8 млн руб.), цемент (151,5 млн руб.), трубы стальные (127,1 млн руб.). Среди потребителей продукции можно выделить «Курганмашзавод», «Курганстальмост».

Необходимо отметить, что в ряде случаев межрегиональные связи имеют стратегическую значимость, в частности, в сфере оборонно-промышленного комплекса. Например, предприятие «Мотовилихинские заводы» (Пермский край) производит стволы для танков «Уралвагонзавода» (Свердловская область).

При этом официальный товарооборот между Свердловской областью и Пермским краем относительно небольшой.

НПО «Электромашина» (Челябинская область) производит более 46 наименований продукции только для одного вида танков «Уралвагонзавода» — Т-90С.

Межрегиональные хозяйственные связи предприятий ОПК имеют стратегическую значимость и, со-

ответственно, свидетельствуют о высокой связности территорий.

Челябинская область. У Челябинской области также наиболее тесные связи со Свердловской областью (11,35% всего товарооборота), Башкортостаном и Пермским краем (табл. 3, 4).

Таблица 3

Территориальная структура торгово-экономических связей Челябинской области

№	Регион	Ввоз в ЧО, тыс. руб.	Вывоз из ЧО, тыс. руб.	Итого, тыс. руб.	Ввоз, %	Вы- воз, %	Ито- го, %
1.	Свердловская область	18 822 977,70	60 145 713,10	78 968 690,80	7,49	13,52	11,35
2.	ЯНАО	57 548 965,00	2 107 138,40	59 656 103,40	22,91	0,47	8,57
3.	г.Москва	8 216 261,30	43 031 716,50	51 247 977,80	3,27	9,68	7,36
4.	Московская область	7 035 639,40	35 141 127,30	42 176 766,70	2,80	7,90	6,06
5.	Республика Башкортостан	20 818 771,70	20 935 563,30	41 754 335,00	8,29	4,71	6,00

В Башкирию на 1 млрд руб. ввозится прокат черных металлов, труб на 1,7 млрд руб., мяса на 400 млн руб., масел растительных на 4 млрд руб., причем масла не только вывозятся, но и ввозятся. Из Башкирии осуществляется вывоз бензина, дизтоплива.

В Пермский край из Челябинской области ввозится прокат черных металлов на 13,8 млрд руб., это 81%

ввоза всех товаров из Челябинской области в Пермский край.

Таблица 4

Торгово-экономические связи Челябинской области с регионами Уральского экономического района

№	Регион	Доля региона в структуре товарооборота Челябинской области, %
1.	Свердловская область	11,35
2.	Республика Башкортостан	6,00
3.	Пермский край	4,47
4.	Оренбургская область	2,74
5.	Удмуртская Республика	1,04
6.	Курганская область	0,85
ИТОГО		26,45

Из Пермского края в Челябинскую область завозятся минеральные удобрения на 500 млн руб., мясо — на 265 млн руб.

У **Оренбургской области** среди регионов Урала наиболее тесные связи с Челябинской областью (13,23%), Башкортостаном (12,57%) и Свердловской областью (4,84%) (табл. 5, 6).

Из Башкортостана на 9 млрд руб. ввозится бензин автомобильный, на 4,3 млрд руб. — дизельное топливо. Это 83% ввоза из Башкортостана.

В Челябинскую область ввозится на 13,6 млрд руб. прокат черных металлов. Это 83% ввоза в Челябинскую область.

Из Свердловской области ввозится также прокат черных металлов (690 млн руб.).

Таблица 5

**Территориальная структура торгово-экономических связей
Оренбургской области**

№	Регион	Ввоз	Вывоз	Итого	Ввоз	Вывоз	Итого
1.	Челябинская область	2 824 015,70	16 279 398,00	19 103 413,70	3,77	23,44	13,23
2.	Республика Башкортостан	15 933 267,70	2 222 990,70	18 156 258,40	21,25	3,20	12,57
3.	Московская область	3 971 818,00	7 535 140,60	11 506 958,60	5,30	10,85	7,97
4.	ЯНАО	11 745 541,00	187 536,50	11 933 077,50	15,66	0,27	8,26
5.	Нижегородская область	4 249 237,70	5 544 076,20	9 793 313,90	5,67	7,98	6,78

Таблица 6

**Торгово-экономические связи Оренбургской области с регионами
Уральского экономического района**

№	Регион	Доля региона в структуре товарооборота Челябинской области, %
1.	Свердловская область	4,84
2.	Республика Башкортостан	12,57
3.	Пермский край	1,14
4.	Челябинская область	13,23
5.	Удмуртская Республика	0,38
6.	Курганская область	1,53
ИТОГО		33,69

Пермский край. Спецификой статистической информации о межрегиональных связях Пермского края является то, что цифры по значительному количеству товарных позиций конфиденциальны. Например,

рассмотрим товарооборот с крупнейшим контрагентом — Челябинской областью. Из Челябинской области ввозится на 13,8 млрд руб прокат черных металлов, на 1,4 млрд руб. — трубы стальные. Эти данные открыты. Однако информация о конкретных позициях ввоза продукции из Пермского края в Челябинскую область на сумму 14 млрд руб. конфиденциальна. С высокой степенью вероятности можно утверждать, что это нефтепродукты, а также нефтехимическая продукция (табл. 7, 8).

Таблица 7

Территориальная структура торгово-экономических связей Пермского края

№	Регион	Ввоз в ПК, тыс. руб.	Вывоз из ПК, тыс. руб.	Итого, тыс. руб.	Ввоз в ПК, %	Вывоз из ПК, %	Итого, %
1.	Челябинская область	16 997 676,1	14 089 441,6	31 087 117,7	14,14	7,56	10,13
2.	Свердловская область	9 686 393,9	18 903 219,9	28 589 613,8	8,06	10,14	9,32
3.	ЯНАО	26 337 305,0	425 736,0	26 764 041,0	21,9	0,23	8,73
4.	Московская область	6 896 598,4	17 126 241,9	24 022 840,3	5,74	9,18	7,83
5.	Самарская область	4 842 869,8	12 073 482,6	16 916 352,4	4,03	6,47	5,52

Проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что уровень внутрирайонных связей в Уральском экономическом районе составляет 26,63% (табл. 9).

При этом наибольшее значение приходится на Оренбургскую область — 33,69%. Авторы считают, что

приведенные данные являются достаточными, чтобы считать Уральский экономический район целостным образованием.

Таблица 8

Территориальная структура торгово-экономических связей Пермского края

№	Регион	Доля региона в структуре товарооборота Пермского края, %
1.	Челябинская область	10,13
2.	Свердловская область	9,32
3.	Республика Башкортостан	4,35
4.	Удмуртская Республика	4,04
5.	Оренбургская область	0,54
6.	Курганская область	0,16
	ИТОГО	28,54

Таблица 9

Доля регионов УЭР в структуре межрегиональной торговли

Регион	Доля регионов УЭР в структуре товарооборота, %
Свердловская область	23,59
Челябинская область	26,45
Пермский край	28,54
Оренбургская область	33,69
4 региона УЭР	26,63

В определенной степени в исследовании межрегиональных хозяйственных связей могут быть применены инструменты сетевого анализа. Под сетевым анализом мы понимаем совокупность показателей и подходов,

описывающих динамику и свойства сетей и сетевых структур [3].

В частности, для сети из четырех рассматриваемых регионов может быть рассчитан показатель **степени центральности**, представляющий собой характеристику товарооборота одного региона УЭР с тремя другими регионами УЭР. Показатель может быть выражен как в абсолютных значениях (в рублях), так и в относительных. Примем наибольшее значение товарооборота — между Свердловской и Челябинской областями за 1. Тогда показатели взаимодействия (сила связи) между другими регионами рассчитываются пропорционально данному значению (табл. 10).

Таблица 10

Сила связи элементов сети «Уральский экономический район»

	Свердловская область	Челябинская область	Пермский край	Оренбургская область
Свердл. обл.		1	0,18	0,06
Челяб. обл.	1		0,39	0,24
Пермск. край	0,18	0,39		0,02
Оренбург. обл.	0,06	0,24	0,020	

Степень центральности актора вычисляется как сумма сил связи данного актора с остальными акторами сети (табл. 11).

Исходя из представленных цифр, центральным элементом сети является Челябинская область, а наименьшая центральность у Оренбургской области. Экономический смысл показателя заключается в том, что

у Челябинской области наибольшая сумма товарооборота со всеми регионами Урала.

Таблица 11

Степени центральности элементов сети «Уральский экономический район»

Регион	Степени центральности
Свердловская область	1,24
Челябинская область	1,63
Пермский край	0,59
Оренбургская область	0,33

Не все показатели сетевого анализа могут быть применены к исследованию региональной сети, поскольку с точки зрения математических методов возможны выводы об оптимальности построения связей, идущие вразрез с реальностью. Например, с точки зрения сетевого анализа ввиду значительного расстояния между элементами «Свердловская область» и «Оренбургская область» (рассчитываемого как $1/\text{Сила связи}$, то есть величина, обратная объему товарооборота) взаимодействие между этими элементами целесообразно осуществлять через элемент «Челябинская область». Собственно, основной недостаток применения сетевого анализа в региональной экономике заключается в том, что не учитывается социальный аспект, а основывается исключительно на математическом базисе.

Все указанные расчеты и выводы были сделаны на основе официальных статистических данных. Однако,

как уже отмечалось, официальная статистика отражает неполную картину межрегиональных хозяйственных связей. В связи с этим более детальное представление можно получить путем изучения специфики деятельности сетевых производственных структур в пределах макрорегиона. Сетевая производственная структура представляет собой сеть взаимосвязанных промышленных предприятий, объединенных одной управляющей структурой. В качестве примера считаем целесообразным взять «УГМК-Холдинг», крупнейшую после Магнитогорского металлургического комбината по объему выручки сетевую структуру.

Ключевые активы холдинга сосредоточены в горнодобывающей отрасли, цветной металлургии и машиностроении. Основу компании составляет замкнутая технологическая цепочка по меди: от добычи сырья до производства готовой продукции на ее основе (медная катанка, прокат, кабельно-проводниковые изделия, радиаторы).

23 промышленных предприятия «УГМК-Холдинга» расположены на территории пяти регионов Уральского экономического района. При этом в большинстве случаев связи между этими предприятиями не попадают в официальную статистику.

Внутрихолдинговые производственные связи, связывающие регионы Уральского экономического района, представлены на рис. 1. Исходя из данной информации, а также с учетом открытых источников информации рассмотрим некоторые потенциально возможные

корректировки товарооборота в денежном измерении в пределах Уральского экономического района.

В качестве примера рассмотрим Гайский ГОК. На сайте предприятия указано, что потребителями продукции Гайского ГОКа являются ОАО «Среднеуральский медеплавильный завод» (СУМЗ), ООО «Медногорский медно-серный комбинат» (ММСК), ОАО «Электроцинк» (Владикавказ).

Рис. 1. Внутрихолдинговая производственная сеть «УТМК-Холдинга»

В таблице 12 приведена выручка данных предприятий за 2016 г. Предположим, что она пропорциональна

объему закупок медного концентрата у Гайского ГОКа. Соответственно, можно предположить, что на долю АО «Уралэлектромедь» (Свердловская область) приходится около 72,5% выручки Гайского ГОКа. В денежном выражении это составляет около 16 млрд руб.

Таблица 12

Параметры деятельности предприятий

Предприятие	Выручка, млрд руб.	Доля предприятия в совокупной выручке
ОАО «Среднеуральский медеплавильный завод» (СУМЗ)	28,9	72,5
ООО «Медногорский медно-серный комбинат» (ММСК)	5,647	14,12
ОАО «Электроцинк» (Владикавказ)	5,3	13,3
ИТОГО	39,847	100

При этом официальный товарооборот между Свердловской и Оренбургской областями втрое меньше данной величины — 5,1 млрд руб.

Аналогичная ситуация с предприятиями УГМК в других регионах Урала, например в Башкирии. Согласно информации, представленной на сайте крупнейшего предприятия, Учалинского ГОКа, потребителями его продукции являются ОАО «Среднеуральский медеплавильный завод», ОАО «Святогор» в Свердловской области, ОАО «Электроцинк» и ОАО «Челябинский цинковый завод». Исходя из годовой выручки Учалинского ГОКа в 21,5 млрд руб., на предприятия Свердловской области может приходиться 52,7%, то есть около

10,75 млрд руб. При этом официальный товарооборот Башкирии со Свердловской областью составляет 11,6 млрд руб.

Таким образом, исследование межрегиональных хозяйственных связей требует анализа значительного массива информационных ресурсов, помимо официальной статистики. При этом далеко не вся информация является открытой. Соответственно, сформировать полную информационную картину не представляется возможным.

Проведенное исследование позволило сделать выводы о наличии тесных межрегиональных хозяйственных связей внутри Уральского экономического района.

Библиографический список

1. Алов А.Н., Михеев И.Н., Козлова Н.Г. Хозяйственные связи: планирование, организация, совершенствование. — М.: Экономика, 1986. — 127 с.
2. Анимица Е.Г., Силин Я.П. Новая индустриализация в пространстве макрорегиона: цели, возможности и этапы//Неоиндустриально ориентированные преобразования в экономическом пространстве Уральского макрорегиона. Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2017. — С. 20–46.
3. Глумов А.А., Ивукина Е.С. Особенности методологии анализа сетевых структур в контексте региональной экономики // Вестник Челябинского государственного университета. — 2017. — № 2 (398). — Экономические науки. Вып. 56. — С. 34–42.
4. Губин Б.В., Каширин М.С. Промышленное объединение — производственно-хозяйственный комплекс. М.: Мысль, 1981. — 221 с.

5. Ежеквартальный отчет АО «НПК «Уралвагонзавод» за I квартал 2017 г. С. 33 / www.uvz.ru.
6. Куротченко В.С., Садреева А.Х. Эффективность прямых длительных хозяйственных связей. Обзорная информация. Серия: Экономика и организация материально-технического снабжения. ЦНИИТЭИМС. М., 1977. — 44 с.
7. Махнова В.И. Теория хозяйственных связей. М.: Экономика, 1985. — 200 с.
8. Митрофанов В.А., Бахарев С.А., Падчин Ю.Г., Кирюхина В.Н. Прямые длительные хозяйственные связи // М., «Наука», 1987. — 176 с.
9. Хруцкий Е.А. Проблемы оптимизации хозяйственных связей (в условиях развитого социализма). — М. Издательство «Наука», 1979. — 349 с.

References

1. Alov A.N., Mikheev I.N., Kozlova N.G. Khozyaistvennye svyazi: planirovanie, organizatsiya, sovershenstvovanie. — М.: Экономика, 1986. — 127 s.
2. Animitsa E.G., Silin Ya.P. Novaya industrializatsiya v prostranstve makroregion: tseli, vozmozhnosti i etapy // Neoindustrial'no orientirovannye preobrazovaniya v ekonomicheskom prostranstve Ural'skogo makroregiona. Ekaterinburg: Izd-vo UrGEU, 2017. — S. 20–46.
3. Glumov A.A., Ivukina E.S. Osobennosti metodologii analiza setevykh struktur v kontekste regional'noi ekonomiki // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2017. — № 2 (398). — Ekonomicheskie nauki. Vyp. 56. — S. 34–42.
4. Gubin B.V., Kashirin M.S. Promyshlennoe ob"edinenie — proizvodstvenno-khozyaistvennyi kompleks. М.: Mysl', 1981. — 221 s.

5. Ezhekvartal'nyi otchet AO «NPK «Uralvagonzavod» za I kvartal 2017 g. — S. 33 / www.uvz.ru.
6. Kurotchenko V.S., Sadreeva A.Kh. Effektivnost' pryamykh dlitel'nykh khozyaistvennykh svyazei. Obzornaya informatsiya. Seriya: Ekonomika i organizatsiya material'no-tehnicheskogo snabzheniya. TsNIITEIMS. M., 1977. — 44 s.
7. Makhnova V.I. Teoriya khozyaistvennykh svyazei. M.: Ekonomika, 1985. — 200 s.
8. Mitrofanov V.A., Bakharev S.A., Padchin Yu.G., Kiryukhina V.N. Pryamye dlitel'nye khozyaistvennye svyazi // M., «Nauka», 1987. — 176 s.
9. Khrutskii E.A. Problemy optimizatsii khozyaistvennykh svyazei (v usloviyakh razvitogo sotsializma). — M. Izdatel'stvo «Nauka», 1979. — 349 s.

Контактная информация:

ГЛУМОВ Антон Анатольевич

Уральский государственный экономический университет
620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62, тел.: (343) 221-26-76,
e-mail: glumov@usue.ru

ШИТИКОВ Сергей Александрович

Уральский государственный экономический университет
620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62, тел.: (343) 221-27-37,
e-mail: shitikov.s.a@yandex.ru

Contact Information:

GLUMOV Anton Anatolievich

Ural State University of Economics
620144, Ekaterinburg, ul. 8 March, 62, tel.: (343) 221-26-76,
e-mail: glumov@usue.ru

SHITIKOV Sergey Alexandrovich

Ural State University of Economics

620144, Ekaterinburg, ul. 8 March, 62, tel.: (343) 221-27-37,

e-mail: shitikov.s.a@yandex.ru

ВОЗМОЖНОСТИ ФИНАНСОВО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В АГРОПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ

POSSIBILITIES OF FINANCIAL AND ECONOMIC INTEGRATION IN AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX

Э.Р. ЗАКИРОВА

Заведующая кафедрой финансового менеджмента ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», кандидат экономических наук, доцент

E.R. ZAKIROVA

Associate Prof., Head of the Department of Financial Management, Ural State University of Economics, Cand. Sc. (Econ.)

АННОТАЦИЯ

В статье изучаются теоретические подходы к сущности и анализируется механизм финансово-экономической интеграции в агропромышленном комплексе. Обобщены трактовки финансово-экономической интеграции, систематизированы ее преимущества. Описана схема действия интегрированного финансово-экономического механизма в агропромышленном комплексе. Сделан вывод, что использование разных форм интеграции в агропромышленном комплексе способствует привлечению инвестиций и снижению рисков для инвесторов, повышению конкурентоспособности и экономическому росту региона.

ABSTRACT

The aim of the article is to study theoretical approaches to the essence of financial and economic integration in agro-industrial production and analyze the mechanism of investment support for the Russian agrarian sector, taking into account financial and economic integration. The interpretation of financial and economic integration in Russian and foreign scientific publications is generalized. The advantages of financial and economic integration for the economy and business entities are systematized. The scheme of the integrated financial and economic mechanism in the agro-industrial complex is described. Positive effects of integration processes in the agro-industrial complex are presented. The use of different forms of integration in the agro-industrial complex has a positive effect on the growth of investment support for regional agricultural sector. The integrated system is the most beneficial form of cooperation between agricultural enterprises, which helps attract investment and reduces risks for investors, can increase the competitiveness and economic growth of the region.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Финансово-экономическая интеграция; агропромышленный комплекс; инвестиции; инвестиционная привлекательность; конкурентоспособность.

KEYWORDS

Financial and economic integration; agro-industrial complex; investments; investment attractiveness; competitiveness.

Отчетливо заметно, что процессы интеграции, получившие развитие во второй половине XX в., нарастают во всех сферах общественной деятельности, способствуя развитию производительных сил, совершенствованию производственных отношений. Интегрированные хозяйствующие субъекты играют значимую роль в отечественной экономике и, в частности, в агропромышленном комплексе (АПК).

В российских и зарубежных научных публикациях встречаются разнородные трактовки финансово-экономической интеграции. Обобщая широкий [1; 2; 3] и узкий [4; 5; 6] подходы к ее пониманию, можно представить финансово-экономическую интеграцию как совокупность экономических отношений хозяйствующих субъектов, которые, взаимодействуя в рамках интегрированной системы, устанавливая устойчивые производственные и управленческие связи и, основываясь на согласовании своих интересов, нацелены на получение эффекта синергии от совместной деятельности. При этом системными качествами финансово-экономической интеграции можно назвать целостность, структурность и устойчивость.

Теоретический анализ различных аспектов финансово-экономической интеграции позволяет выделить отличия от иных экономических процессов: 1) она означает долгосрочные партнерские отношения, основанные на обновлении производственных и управленческих технологий, с привлечением финансовых и интеллектуальных ресурсов из разных источников; 2) расширяется доступ к ресурсам (материальным, трудовым, финансовым, информационным) и современным технологиям, повышается эффективность их использования; 3) участники интегрированной системы сообща решают стоящие перед ними проблемы и получают защиту от внешних конкурентов.

Ведение деятельности в рыночной экономике требует гибкости. Каждый хозяйствующий субъект стремится организовать свою деятельность так, чтобы получать дополнительные преимущества (снижение затрат, расширение производства и рынка сбыта, привлечение инвестиций, выгодная позиция на рынке и др.) и в итоге нарастить прибыль. Объединение производственных мощностей, объединение капиталов, объединение хозяйствующих субъектов — один из эффективных способов получить перечисленные и многие другие преимущества. Такие объединения позволяют координировать предпринимательскую деятельность и защищать общие интересы.

В российском АПК широко распространены вертикально интегрированные системы в виде агрохолдингов, агрокорпораций, аграрных транснациональных

корпораций и концернов. Такие системы гарантируют сохранность собственности при планировании «по вертикали» и позволяют внедрять технологичные и ресурсосберегающие методы хозяйствования.

Агропромышленный комплекс можно назвать одним из важнейших комплексов национальной экономики, он во многом определяет состояние продовольственной безопасности и экономической устойчивости региона, является мультипликатором развития других отраслей [7; 8].

Важную роль в процессах интеграции играет государство. Оно призвано гармонизировать интересы хозяйствующих субъектов и экономики в целом. Для этого необходимо совершенствовать действующее законодательство, анализировать эффективность действующих форм финансово-экономической интеграции в АПК, искать и создавать принципиально новые формы агропромышленной интеграции. По нашему мнению, приоритет должны получить не объединения предприятий в виде холдингов, а структуры, интегрирующие источники финансирования при сохранении юридической самостоятельности субъектов хозяйствования.

Интегрированный финансово-кредитный механизм представляется одной из форм подобного объединения. Такой механизм, в нашем понимании, объединяет разные формы, методы и инструменты организации финансово-кредитной системы, совокупность которых обеспечивает устойчивые связи внутри системы и с

внешними субъектами, опосредует движение денежных ресурсов, объединяя в рамках интегрированной системы различные источники инвестиций (средства государственной поддержки, кредиты банков, средства инвесторов) и обеспечивая их рациональное распределение по эффективным направлениям деятельности (рис. 1).

Рис. 1. Схема действия интегрированного финансово-экономического механизма в агропромышленном комплексе

Интегрированный финансово-кредитный механизм позволяет: 1) определить и рассчитать потребности регионального АПК в денежных средствах; 2) распределить ресурсы из разных источников между конкретными хозяйствующими субъектами (намного проще и эффективнее распределять финансовые ресурсы внутри интегрированной системы, чем искать средства для отдельного хозяйствующего субъекта, это обусловлено прежде всего транзакционными издержками); 3) с участием банковских организаций организовать расчетное обслуживание агропромышленных предприятий; 4) с участием страховых организаций обе-

спечить страховую защиту хозяйствующих субъектов и увязать ее с государственной поддержкой.

Оценка эффективности интеграционных процессов в агропромышленном комплексе позволяет отметить ряд положительных сторон: 1) убыточные предприятия, объединяясь с сильными хозяйствующими субъектами, могут нарастить объем производства и улучшить свой финансовый результат; 2) увеличивается обеспеченность сельхозпредприятий техникой за счет лизинга, более доступного интегрированным объединениям; 3) производственный потенциал в результате оснащения техникой растет и активно используется; 4) увеличиваются объемы производства, снижается себестоимость продукции, растет прибыль от реализации. Таким образом, финансово-экономическая интеграция в АПК повышает эффективность функционирования хозяйствующих субъектов, увеличивает их прибыльность, что способствует притоку инвестиций в отрасль.

Положительный аспект влияния финансово-экономической интеграции на инвестиционные процессы в агропромышленном комплексе заключается в том, что интегрированные хозяйствующие субъекты способны привлечь больше заемных средств за счет банковских кредитов или привлечения средств с фондовых рынков. Государственные субсидии для АПК значительны, однако ограничены, а следовательно, финансово-экономическая интеграция с другими хозяйствующими субъектами способна решить проблемы финансирования российского АПК. Таким образом, финансово-эко-

номическая интеграция в АПК связана с привлечением инвестиций и ростом инвестиционной привлекательности аграрного сектора.

Библиографический список

1. Кооперация и агропромышленная интеграция в АПК / под ред. Г.А. Петраневой. — М.: Колосс, 2005. — 223 с.
2. Большой экономический словарь / под ред. А.Н. Азрилиана. — 7-е изд., доп. — М.: Ин-т новой экономики, 2007. — 1472 с.
3. Косачев В.И. Теоретические аспекты интеграции организаций // Вестник ТИСБИ. — 2006. — № 2. — С. 17–23.
4. Минаков И.А. Кооперация и агропромышленная интеграция в АПК. — М.: КолосС, 2007. — 264 с.
5. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / ed. by A.S. Hornby. — 8th edition. — Oxford: Oxford University Press, 2010. — 1952 p.
6. Киреев А.П. Международная экономика: в 2 ч. — М.: Международные отношения, 1997. — Ч. 1. — 416 с.
7. Ушачев И.Г. Роль и место сельского хозяйства в экономике России // АПК: экономика, управление. — 2005. — № 5. — С. 24–32.
8. Экономика отраслей АПК / под ред. И.А. Минакова. — М.: КолосС, 2004. — 464 с.

References

1. Kooperatsiya i agropromyshlennaya integratsiya v APK / pod red. G.A. Petranevoi. — M.: Koloss, 2005. — 223 s.
2. Bol'shoi ekonomicheskii slovar': 26500 terminov / pod red. A. N. Azriliyana. — 7-e izd., dop. — M.: In-t novoi ekonomiki, 2007. — 1472 s.

3. Kosachev V.I. Teoreticheskie aspekty integratsii organizatsii // Vestnik TISBI. — 2006. — № 2. — S. 17–23.
4. Minakov I.A. Kooperatsiya i agropromyshlennaya integratsiya v APK. — M.: KolosS, 2007. — 264 s.
5. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / ed. by A.S. Honrby. — 8th edition. — Oxford: Oxford University Press, 2010. — 1952 p.
6. Kireev A.P. Mezhdunarodnaya ekonomika: v 2 ch. — M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1997. — Ch. 1. — 416 s.
7. Ushachev I.G. Rol' i mesto sel'skogo khozyaistva v ekonomike Rossii // APK: ekonomika, upravlenie. — 2005. — № 5. — S. 24–32.
8. Ekonomika otraslei APK / pod red. I.A. Minakova. — M.: KolosS, 2004. — 464 s.

Контактная информация:

Закирова Элина Рафиковна, ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет». Адрес: 620144, Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45. Тел.: 8(912)261-16-40. E-mail: erzakirova@inbox.ru

Zakirova Elina Rafikovna, Ural State University of Economics. Address: 62/45 8 Marta/Narodnoy Voli str., Yekaterinburg, Russia, 620144. Phone: +7(912)261-16-40. E-mail: erzakirova@inbox.ru

УПРАВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ В СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПРОЕКТАХ СУБЪЕКТА ФЕДЕРАЦИИ

HUMAN RESOURCES MANAGEMENT IN STRATEGY PROJECTS OF RUSSIAN FEDERATION SUBJECTS

А.Ю. КОКОВИХИН

Директор института менеджмента
и информационных технологий
ФГБОУ ВО «Уральский государственный
экономический университет», к.э.н.

A.YU. KOKOVIKHIN

Director of Management and IT institute, Ural
State University of Economics, Candidate of
Economic Sciences

АННОТАЦИЯ

Целью исследования¹, ставшего основой статьи, являлось выявление функций и методов управления человеческими ресурсами, используемых при внедрении проектного управления в субъектах Федерации. Исследование показало низкую степень проработки вопросов кадрового обеспечения реализации проектов в нормативных, методических документах и паспортах проектов. Представлены рекомендации относительно изменения требований к содержанию стратегических проектов в части информации о человеческих ресурсах, необходимых для их реализации.

ABSTRACT

The aim of this paper is to investigate functions and methods of human resources management using in public project management in the subjects of Russian Federation. A paradigm shift in public administration that reflected in the Administrative reform in the Russian Federation implemented in 2003 is connected with the transition from Public Administration to the concept of New Public Management. According to this management techniques developed by corporations such as project management are transferred to the public sector. Methods of researching: comparative analyses of theory, normative documents and project documents of Russian Federation and subjects of Russian Federation (Sverdlovsk oblast). The result of research - there are not sufficient information about human resources in normative documents and project documents of Russian Federation and Sverdlovsk oblast.

¹ Выполняется при поддержке РФФИ проект № 18-010-01043 «Разработка механизма управления человеческими ресурсами в системе формирования и реализации профессиональных компетенций на уровне субъекта федерации».

Recommendations about changes in normative documents and project documents of Russian Federation and subjects of Russian Federation was given.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Новая публичная политика, стратегический проект, институциональные барьеры, управление компетенциями, управление человеческими ресурсами, инструменты управления, Российская Федерация, Свердловская область.

KEYWORDS

New public management, public project, competency-based management, human resources management, management tools, Russian Federation, Sverdlovsk oblast.

Смена парадигмы государственного управления, произошедшая в управленческой мысли Запада в 1990-х годах прошлого столетия [1] и отразившаяся в реализуемой с 2003 года Административной реформе в Российской Федерации, связана с переходом от государственного администрирования к новому государственному менеджменту (New Public Management), предусматривающему перенесение методов управления, выработанных корпорациями в общественный сектор [2].

Долгосрочный характер мер государственного управления человеческими ресурсами требуют адекватного управленческого инструментария, каковым в силу схожести управленческой задачи становится инструментарий стратегического управления, разра-

ботанный для уровня организации [3]. Традиционно стратегическое управление рассматривается как «вырабатываемое организацией соответствие между ее внутренними ресурсами и способностями <...> и возможностями и рисками, создаваемыми ее внешней средой» [4, с. 114].

В настоящее время сложилось множество концептуальных подходов к организации стратегического управления в данной сфере [5]. К числу основных из них относятся: системный, функциональный, программно-целевой, процессный, ресурсный, маркетинговый, проектный, кибернетический, акторный, ценностно-ориентированный и др. [6]. Для деятельности органов государственной исполнительной власти в большинстве регионов Российской Федерации в настоящее время характерны функциональный и регламентный подходы, предельно предписывающие их функции и задачи, юридически закрепленные за той или иной структурой управления, условия и ограничения их осуществления [7]. При этом в данном случае деятельность органов власти характеризуется некоторой разобщенностью, низкой эффективностью межведомственных коммуникаций [8].

Проектный подход, доказавший свою эффективность при осуществлении разнообразных проектов в бизнесе как инструмент реализации стратегических целей, активно внедряется в практику деятельности органов государственной власти с 2014 года. Постановлением Правительства РФ от 15 октября 2016

года. «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» утвержден состав рабочих органов и определен порядок осуществления проектной деятельности на федеральном уровне, органам государственной власти субъектов Российской Федерации рекомендовано организовать проектную деятельность на региональном уровне. Ранее для государственных органов Советом по внедрению проектного управления в органах исполнительной власти были разработаны Методические рекомендации по внедрению проектного управления в органах исполнительной власти (далее – Методические рекомендации Минэкономразвития)².

Советом по стратегическому развитию были утверждены 11 стратегических направлений развития Российской Федерации на период до 2025 года: образование; здравоохранение; ЖКХ и городская среда; ипотека и арендное жилье; безопасные и качественные дороги; международная кооперация и экспорт; малый бизнес и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы; реформа контрольной и надзорной деятельности; моногорода; экология; производительность труда; цифровая экономика³.

Субъектам Федерации было рекомендовано определить стратегические направления развития регио-

² Утверждены распоряжением Минэкономразвития России № 26Р-АУ от 14.04.2014 «Об утверждении Методических рекомендаций по внедрению проектного управления в органах исполнительной власти».

³ Утверждены протоколом заседания Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам от 13.07.2016 № 1.

нов с учетом указанных 11 федеральных приоритетов. В частности, в Свердловской области определены 15 направлений социально-экономической политики на период до 2030 года: создание конкурентоспособного образования; охрана здоровья населения; развитие жилищной и жилищно-коммунальной сфер; создание комфортной среды для жизни жителей Свердловской области; повышение конкурентоспособности промышленного комплекса Свердловской области; развитие инновационной деятельности в Свердловской области; развитие рынка труда; повышение инвестиционной привлекательности Свердловской области; развитие малого и среднего предпринимательства в Свердловской области; развитие территорий опережающего экономического роста; сбалансированное развитие территорий муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области; развитие агропромышленного комплекса Свердловской области; развитие туристского потенциала; развитие транспортно-логистического потенциала Свердловской области; устойчивое экологическое развитие территории Свердловской области⁴. Проектным офисом Свердловской области разработаны и направлены в исполнительные органы государственной власти методические указания по внедрению инструмента проектного управления, включающие: методические рекомендации по подготовке паспорта приоритетного регионального

⁴ Утверждены Законом Свердловской области от 21.12.2015 № 151-ОЗ «О Стратегии социально-экономического развития Свердловской области на 2016–2030 годы».

проекта; методические рекомендации по подготовке паспорта приоритетной региональной программы; методические рекомендации по подготовке сводного плана приоритетного регионального проекта; методические рекомендации по подготовке рабочего плана приоритетного регионального проекта; методические рекомендации по формированию состава общественно-делового совета; методические рекомендации по подготовке предложения по приоритетному региональному проекту (программе); методические рекомендации по подготовке запроса на изменение паспорта приоритетного регионального проекта; методические рекомендации по подготовке запроса на изменение сводного плана приоритетного регионального проекта⁵.

Анализ указанных документов показывает отсутствие требований и рекомендаций относительно формирования прогноза потребности в трудовых ресурсах, необходимых для реализации проектов. При этом в перечне основных терминов «управление проектом» определяется как «планирование, организация и контроль трудовых, финансовых и материально-технических ресурсов проекта, направленные на эффективное достижение целей проекта»⁶. К сожалению, единственный посвященный кадровому обеспечению раздел 2.4 «Управление компетенциями участников проектной

⁵ Приложение к письму от 31.03.2017 № 01-14-01-/4513 Режим доступа: http://www.midural.ru/project_office/methodology/.

⁶ Распоряжение Минэкономразвития России № 26Р-АУ от 14.04. 2014 «Об утверждении Методических рекомендаций по внедрению проектного управления в органах исполнительной власти».

деятельности» Методических рекомендаций Минэкономразвития предусматривает только квалификационные требования в отношении компетенций по проектной деятельности руководителей.

Такой подход противоречит теории проектного управления: управление проектами — область деятельности, в ходе которой определяются и достигаются четкие цели проекта при балансировании между объемом работ, ресурсами (такими как: деньги, труд, материалы, энергия, пространство и др.), временем, качеством и рисками [9]. Исключение из рассмотрения ограничений по трудовым ресурсам лишает проект системного характера [10].

Системный подход к формированию стратегического проекта требует включения в проектные документы информации о трудовых ресурсах проекта, включающей следующие основные подразделы:

- планируемая потребность в трудовых ресурсах в разрезе профессий и квалификаций;
- прогноз дополнительных компетенций, необходимых для реализации проекта в разрезе профессий;
- анализ наличия необходимых для реализации проекта трудовых ресурсов на территории;
- прогноз потребности в подготовке кадров для реализации проекта в разрезе видов и уровней образования;
- прогноз потребности в привлечении трудовых ресурсов с других территорий.

Анализ паспортов приоритетных проектов, утвержденных президиумом Совета при Президенте Рос-

сийской Федерации, по стратегическому развитию и приоритетным проектам в 2016–2017 годах⁷ показывает несистемный характер включения информации о трудовых ресурсах. Лишь в отдельных паспортах проектов содержатся задачи по профессиональной подготовке и повышению квалификации кадров (например, приоритетный проект «Малый бизнес и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»)⁸.

Анализ 14 паспортов приоритетных проектов, разработанных и утвержденных в Свердловской области (по данным сайта Правительства Свердловской области на 01.12.2017)⁹, показал наличие лишь в трех проектах информации относительно трудовых ресурсов, необходимых для реализации проекта:

- в паспорте приоритетного регионального проекта «Современная цифровая образовательная среда Свердловской области» в разделе 5 «Ключевые риски и возможности» содержится указание на мероприятие «Развитие системы повышения квалификации в области образовательных технологий, повышающее заинтересованность преподавателей в использовании онлайн-курсов»;
- в числе задач и целевых показателей приоритетного регионального проекта «Формирование комфортной городской среды на территории

⁷ Режим доступа: <http://government.ru/department/361>.

⁸ Утвержден президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам (протокол от 21.11.2016 № 10) Режим доступа: <http://government.ru/department/361>.

⁹ Режим доступа: http://www.midural.ru/project_office/100878/.

- Свердловской области» предусматривается подготовка 330 специалистов данной сферы;
- в паспорте приоритетного регионального проекта «Создание сети агентств развития территорий в муниципальных образованиях Свердловской области» предусмотрены образовательные мероприятия и в числе целевых показателей установлено «Количество участников образовательных мероприятий для субъектов МСП, реализованных агентствами развития (чел.) — 1200 к 2020 году.

Проведенный анализ показал, что существующие методические документы и утвержденные проектные документы не позволяют сформировать потребность в трудовых ресурсах, необходимых для реализации конкретных проектов. Следовательно, в настоящем виде проектные документы не дают возможности сформировать общую потребность в трудовых ресурсах, необходимых для реализации государственных программ субъекта федерации.

В целях обеспечения системного характера программного и проектного управления возможно рекомендовать внести изменения в Методические рекомендации по подготовке паспорта приоритетного проекта¹⁰, включив в раздел 2.5. «Этапы и контрольные точки» обязательный этап — «формирование прогно-

¹⁰ Утверждены заместителем руководителя Аппарата Правительства Российской Федерации — директором Департамента проектной деятельности Правительства Российской Федерации от 20.10.2016 № 7951п-П6. Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/Ma4cErLAWRoyFiPEX2asJ8XL6oTgfWLL.pdf>.

за потребности в трудовых ресурсах для реализации проекта и мероприятий по кадровому обеспечению проекта».

Библиографический список

1. Osborne D., Gaebler T. Reinventing Government: How the Entrepreneurial Spirit Is Transforming the Public Sector. N.Y.: Plume, 1993. — 432 p.
2. Баранов И.Н. Новый государственный менеджмент: эволюция теории и практики применения // Российский журнал менеджмента. — 2012. — Т. 10. — № 1. — С. 51–64.
3. Силин Я.П., Анимица Е.Г., Новикова Н.В. Перед вызовами третьей волны индустриализации: страна, регион // Известия Уральского государственного экономического университета. — 2016. — № 3 (65). — С. 14–25.
4. Grant R. M. The Resource-Based Theory of Competitive Advantage: Implications for Strategy Formulation // California Management Review, Vol. 33 — No. 3, Spring 1991. — P.: 114–135.
5. Пьянкова С.Г. Стратегическое планирование как основа институционального развития монопрофильной территории // Известия Уральского государственного экономического университета. — 2013. — № 3–4 (47–48). — С. 29–38.
6. Государственное стратегическое управление [Текст]: монография / Под. общ. ред. проф. Ю. В. Кузнецова. — СПб. : Питер, 2014. — 320 с.
7. Кожевников С.А. Проектное управление как инструмент повышения эффективности деятельности органов государственной исполнительной власти // Вопросы территориального развития. — 2016. — Вып. 5 (35). — С. 2–17.

8. Бодрунов С.Д. Модернизация России: уроки истории и задачи государственного управления // Менеджмент и бизнес-администрирование. — 2011. — № 2. — С. 167–170.
9. Поташева Г.А. Управление проектами (проектный менеджмент). — Москва: ИНФРА-М, 2016. — 224 с.
10. Коковихин А.Ю. Государственные программы как инструмент управления человеческими ресурсами на уровне субъектов Российской Федерации // Известия Уральского государственного экономического университета. — 2017. — № 3 (71). — С. 91–103.

References

1. Osborne D., Gaebler T. Reinventing Government: How the Entrepreneurial Spirit Is Transforming the Public Sector. N.Y.: Plume, 1993. — 432 p.
2. Baranov I.N. Noviy gosudarstvenniy menedjment: evolucia teorii i praktiki primeneniya. // Rossiyskiy jurnal menedjmenta. — Т. 10. — № 1. — 2012. — С. 51–64.
3. Silin Y. P., Animica E.G., Novikova N.V. Pered vizovami tretey volny industrializacii: strana, region. // Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. — 2016. — № 3 (65). — С. 14–25.
4. Grant R. M. The Resource-Based Theory of Competitive Advantage: Implications for Strategy Formulation // California Management Review, Vol. 33 — No. 3, Spring 1991. — P.: 114–135.
5. Pyankova S.G. Strategicheskoe planirovanie kak osnova institucionalnogo razvitiya monoprofilnoy territorii. // Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. — 2013. — № 3–4 (47–48). — С. 29–38.

6. Gosudarstvennoe strategicheskoe upravlenie [Tekst]: monografiya / Pod obsch. red. Prof. Y. V. Kuznecova. SPb.: Piter, 2014. — 320 s.
7. Kozhevnikov S.A. Proektnoe upravlenie kak instrument povisheniya effektivnost deyatelnosti organov gosudarstvennoy ispolnitelnoy vlasti. // Voprosy territorialnogo razvitiya. — 2016. — Vip. 5 (35). — S. 2–17.
8. Bodrunov S.D. Modernizacia Rossii: uroki istorii I zadachi gosudarstvennogo upravleniya. // Menedjment i biznes-administrirovanie. — 2011. — № 2. — S. 167–170.
9. Potasheva G.A. Upravlenie proektami (proektniy menedjment). — Moskva: INFRA-M, 2016. — 224 c.
10. Kokovikhin A.Y. Gosudarstvennyye programmi kak instrument upravleniya chelovecheskimi resursami na urovne subiekta federacii. // Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. — 2017. — № 3 (71). — S. 91–103.

Контактная информация:

Коковихин Александр Юрьевич

Уральский государственный экономический университет

г. Екатеринбург, Россия (620219, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62),

gov66@inbox.ru

Kokovikhin Aleksandr Yurievich

Ural State University of Economics

620144, Russia, Yekaterinburg, 8 Marta/Narodnoy Voli st., 62/45,

gov66@inbox.ru

ЗАЗЕРКАЛЬЕ ЭКОНОМИКИ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

WONDERLAND OF THE VIRTUAL REALITY ECONOMY

Д.А. КУПРЯЖКИН

Соискатель, ФГБОУ ВО «Воронежский
государственный университет»

D.A. KUPRYAZHKIN

Competitor, Voronezh State University

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена проблемам виртуализации современной экономики. Информатизация общества привела к формированию новой экономической системы – криптоэкономике, представляющей собой некое зазеркалье экономической действительности виртуальной реальности. Автор отмечает, что хозяйственные процессы в новой экономической системе приобретают глобальный и космополитичный виртуальный характер, прирост их результатов осуществляется на фондовых рынках. При этом наблюдается кризис современного хозяйства, возникший из-за обострения антагонистических противоречий между ускоренной виртуализацией и значительным отставанием реального сектора экономики.

ABSTRACT

This article is devoted to the problems of virtualization of modern economy. Informatization of society led to the formation of a new economic system – crypto-economics, which is a kind of a mirror of the virtual economic reality. The author notes that economic processes in the new economic system acquire a global and cosmopolitan virtual character, the growth of their results is carried out in the stock markets. At the same time, there is a crisis of modern economy, which arose because of the aggravation of antagonistic contradictions between accelerated virtualization and a significant lag in the real sector of the economy.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Виртуальная экономика, криптоэкономика, криптовалюта, финансовый капитал, фондовый рынок, индивид, информация, кризис.

KEYWORDS

Virtual economy, cryptoeconomics, crypto currency, financial capital, stock market, individual, information, crisis.

Никакое знание... не может выйти
за пределы человеческого восприятия.

*Джон Локк «Опыт
о человеческом разумении» [1, 12]*

Почти двести лет назад знаменитый английский математик и философ Чарльз Лютвидж Доджсон написал удивительную и как будто детскую книгу «Алиса в Зазеркалье». Ее авторство он скрыл за

псевдонимом Льюис Кэрролл, а точнее название книги можно перевести как «Сквозь зеркало, и Что там нашла Алиса». Сюжет книги абсурден и конкретно реалистичен. В этом его философское значение. Ведь желание заглянуть в некий иной, ирреальный мир было помыслами большинства ученых, мыслителей, правителей, религиозных деятелей. Образно этот мир именовался ЗАЗЕРКАЛЬЕМ, т.е. это некое вымышленное пространство, мнимое изображение, место, где положение вещей доведено до абсурда. Но абсурд это не какофония, а особое устройство мира. Не случайно Зазеркалье, куда попадает Алиса, представляет собой шахматную доску, на которой обитают фигуры, и между ними идет процесс общения.

Сегодня виртуальная реальность стала повседневной действительностью. Человечество вошло в эпоху цифровой экономики, сетевого общения, фиктивных результатов производства, когда деньги производят сами себя, увеличивая формальную стоимость финансового капитала.

В современной философской, футурологической, социологической литературе о виртуальной реальности, изменении человеческого эго и т.п. написаны десятки тысяч работ. Наиболее концентрированно эти идеи высказал в своей энциклике «Бог есть любовь» в июне 2005 г. Папа Бенедикт XVI: «Сегодня... стало засильем в нашем обществе и культуре релятивизма, который не признавая определенности ни в чем, оставляет единственный критерий: ЭГО С ЕГО СТРЕМЛЕНИЯМИ».

Но это иллюзия свободы становится тюрьмой каждого, поскольку разделяет людей, запирает человека в клетку его собственного «ЭГО». [2, 7] В экономической теории (политэкономии) данный процесс получил название «индивидуализация». Об этом еще писал Э. Тоффлер в фундаментальном труде «Третья волна».

2017 год ознаменовался обострением экономических проблем в виртуальном мире. 11 декабря на Чикагской бирже опционов фьючерсы на биткоин (одна из разновидностей криптовалюты) подорожали на 25%, превысив 18 тыс. долларов США. А ведь в начале текущего года один биткоин стоил лишь около 100 долларов США, а пять лет назад меньше одного доллара. Только ленивый сегодня не дает оценку и не делает прогнозы по поводу развития криптовалюты. Но в реальности это лишь один из сегментов виртуальной экономики.

Если отбросить разные определения по форме и «мундиру» виртуальной экономики, то их суть будет сведена к одному: эта экономическая система не существует в реальном мире вещей, а развивается в виртуальном мире, т.е. в мире наших представлений, желаний, предпочтений и т.п. Ее результативность можно оценить лишь в виртуальных единицах: долларах, курсе акций, результатах опционов, в монетах криптовалюты, фьючерсах и других деривативных финансовых инструментах биржевой торговли и оборота ценных бумаг.

Идеологией и философией виртуальной экономики стала убежденность человечества в полной автономности финансового сектора (фондового рынка). Факти-

чески сложилась новая религия фиктивного капитала К. Маркса. Чистая приведенная стоимость будущих движений денежных средств (мейнстримные экономические теории) увлекает индивида и вводит его в новый круг монетаристского восприятия мира.

Монетаризм вытеснил из экономических отношений такие категории, как труд, спрос, предложение, потребительские качества товара и т.д. Все они стали рудиментами виртуальной экономики. Незыблемость и эффективность финансовых институтов вытекает не из «заговора закулисы», а из объективно-субъективных отношений, процессов и явлений в развитии НТП, социально-политической и экономической систем жизнедеятельности социума. В любой момент каждый человек, в принципе, может купить, продать, обменять, заложить, кредитоваться под залог акций, облигаций и т.п. ценных бумаг, которые выражают виртуальный капитал.

Глобализация хозяйства, его ускоренная космополитизация, выход на арену финансового рынка криптовалюты фактически ознаменовали окончание еще не успевшей стать на ноги экономики знаний и начало тотальной формации, которую мы условно можем назвать КРИПТОЭКОНОМИКОЙ. Она консолидирует в себе как объективные процессы виртуализации, так и субъективные изменения это индивида.

Если исходить из образов «криптоэкономики», то это некое зазеркалье экономической действительности виртуальной реальности. Немного тавтологично, но, по

нашему мнению, верно по сути. Информатизация общества, формирование в целях хозяйствования цифровой продукции, развитие интернета, социальных сетей, возможности человека пользоваться любыми гаджетами сформировали уже сегодня «новую экономическую систему».

Но зазеркальная экономика, хотя с точки зрения прошлой политэкономии абсурдна, однако она не ирреальна. Виртуальное экономическое пространство — это искусственно сконструированное пространство, в котором циркулирует информация. Ее движение идет без лишних помех, запретов, ограничений, национальной государственной цензуры, по схемам в симуляционной форме, отражающей объективную реальность. Но реальность такова, что эти процессы носят не просто информационный характер, т.е. дают возможность безлимитных контактов, знакомств, общения, обсуждений, но являются механизмом «зарабатывания» денег. Автор ставит категорию «заработок» в кавычки не потому, что она фиктивна, а потому, что, хотя она и связана с затратами живого труда (интеллекта, знаний, образования и т.п.), ее результат виртуален и для его натурализации требуется обмен на продукт, созданный в реальном секторе экономики.

Другим, не менее важным условием, определяющим виртуализацию заработка денег, стало формирование «нового» человека, как деривативного клона абстрактного индивида. Победа либерализма в общественном устройстве социума, рынка в экономике, и личного

обогащения в школе ценности эго индивида привели к следующему. С одной стороны, к формированию «новой экономики», построенной на глобализации и космополитизации хозяйственного процесса, виртуализации производства, прироста ее результатов на фондовом рынке, основанных на информационном капитале и новых потребностях человека. С другой стороны, к кризису современного хозяйства как обострению антагонистических противоречий между ускоренной виртуализацией и значительным отставанием реального сектора экономики, входящей в него большой массы людей, живущих по традициям, меркам, идеологии традиционного общества, исповедующего фундаментальную рыночную доктрину: баланс спроса и предложения и развитие по схеме $D-T-D'$, где $D'=D+\Delta D$, полученный за счет роста стоимости товара, созданный путем соединения прошлого и живого труда, и приращения добавленной стоимости, произведенной живым трудом.

Индивид должен измениться, иначе данный кризис, порожденный противоречиями старого и нового мира, его раздавит. Сегодня в литературе можно встретить рассуждения о формировании в новом глобальном космополитическом сообществе некоего постиндивида, постчеловека, постличности. По мнению этих авторов, только «новый человек» может «развиваться» в такт с «бесконечным ростом», не замечая сбоев со стороны «матрицы». [3] Фактически эти рассуждения приводят к выводу о перерождении человека в некий свой дериватив, клон, киборг, голограмму.

Все возможно. Но мы не согласны с такой трактовкой развития человека. Р. Уотсон написал: «...будущее нам роздано не поровну». [4] Это подтверждается жизнью каждого индивида. Она многогранна, разнолика, непредсказуема. Ни одна, даже самая совершенная программа, не сможет повторить всю совокупность социально-экономических отношений человека. Следовательно, ни один, даже самый мощный компьютер, не заменит человеческого разума, а самый продвинутый робот — человека, его эго. Можно еще добавить и о взаимоотношениях человека в рамках социума, его воспроизводстве, процессе накопления информации, скептицизме мышления, моральных устоях и т.п., но это выходит за рамки нашей статьи.

Нас интересует виртуальная экономика и процесс ее протекания на фондовом рынке. Ведь именно фондовый рынок стал той отражающе-преломляющей системой, с помощью которой наиболее доступно наблюдать и анализировать изменения в хозяйственной жизни мира, его ускоренной виртуализацией, глобализацией, космополитизацией и перерастанием в криптоэкономику.

Зазеркалье Алисы оказалось сном. Но ее путешествие по шахматной доске окончилось не просто на восьмой клетке. Именно на этой клетке Алиса стала королевой. Криптоэкономика — это не сон, и человек может в ней стать лидером. Но для этого он должен научиться «жить в обратную сторону». Новейшие технологии цифрования экономики ускоренно сформировали

новые правила игры на фондовом рынке, вплоть до оборота криптовалюты. Сама финансовая система превратилась в некий «экономический пузырь», основой роста которого стали финансовые спекуляции. Однако не каждый мыльный пузырь взрывается. Некоторые превращаются в «воздушные шары». Виртуальная экономика может и не взорваться, как ей это предрекают многие исследователи. Напротив, именно через регуляторы фондового рынка она должна стать источником роста постиндустриальной экономической системы.

Однако преодоление финансового кризиса затруднено, с одной стороны, консерватизмом мировоззренческой позиции большинства людей, а с другой стороны, неугасаемым желанием спекулятивных игроков финансового рынка извлечь максимальную прибыль, даже в ущерб общечеловеческим интересам и потребностям, пытаясь сохранить отмирающую экономическую парадигму, порождающую антагонистическое противоречие между реальным и фиктивным секторами глобального хозяйства.

Решение мировых проблем невозможно без создания мировых центров управления, контроля, оценки, регулирования на финансовом рынке. Такие инфраструктурные регуляторы уже созданы. Например, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ). Изменения в архитектуре финансового мира происходят не только по воле США. Сегодня в этот процесс активно входит Россия. В 2015 г. в Уфе был запущен новый мировой финансовый проект — Новый банк раз-

вития (НБР) БРИКС. Значение НБР объясняется тем, что в совокупности на страны БРИКС приходится 41% мирового населения и около 25% глобального валового внутреннего продукта (ВВП). В последние годы развивающиеся страны значительно увеличили свою долю в глобальном ВВП, и для ускорения этого роста крайне необходимы инвестиции в инфраструктуру. Их нехватка оценивается по всему миру в 1 трлн долларов, и Новый банк БРИКС внесет свою лепту в то, чтобы ликвидировать эту нехватку [5].

Крупнейшими регуляторами на фондовом рынке стали также южноамериканский рынок — МЕРКОСУР, Южно-Тихоокеанский союз, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива со своими структурными звеньями: таможенным союзом и общим рынком.

Эти объединения не только регулируют с помощью кредитно-валютных операций подконтрольные им сегменты мирового фондового рынка, но и предлагают и уже вводят собственные денежные эквиваленты доллара США.

Но эти эмиссионно-регулирующие центры пока еще отстают от общемировых потребностей в управлении фондовым рынком. Вместе с тем инвестиции необходимы глобальному хозяйству. Сегодня криптовалюты, ценные бумаги, валютные курсы играют роль посредников в поддержке доллара США как мировой валюты и в конечном итоге власти «клуба Г7». Фиктивность виртуального капитала зашкаливает, его отрыв в капитализации «от стоимости столь велик, что он делает со-

мнительным и качество этого феномена как капитала, принципиально неизвестно, приносит он прибыль или убыток» [6, 41].

Вывод один: необходимо перейти от заклинания виртуализации экономики к попытке заглянуть в ее зазеркалье и активно формировать инструменты, позволяющие оценивать, анализировать процессы хозяйствования в виртуальной реальности, принимать быстрые, адекватные и эффективные решения, учитывать их глобальные космополитические последствия, создавать межнациональные механизмы регулирования фондовых операций, встраивать в архитектуру глобального фондового рынка посредников перелива фиктивного капитала в реальный сектор экономики и оптимально увеличивать инвестиционные ресурсы, новые цифровые технологии в производстве натурального продукта, способного удовлетворить возрастающие реальные потребности социума.

Задача крайне сложная. Для ее решения в качестве инструментов развития процессов на фондовом рынке автор предлагает использовать систему маркеров. Они, отражая качество, тенденции, направленность и последствия развития фондового рынка, совместно с фондовыми индексами дадут полную и объективную картину состояния и движения финансового рынка.

Мир меняется. Эти изменения не остановить. Они объективны и вытекают из изменений в социально-экономических отношениях, которые сами и стимулируют их к развитию. Необходимо, учитывая все эти измене-

ния, использовать всю мощь экономических процессов в созидательности нового глобального хозяйства.

Библиографический список

1. Дюпре Б. Философия. 50 идей, о которых нужно знать: пер. с англ. / Б. Дюпре. — М.: Фантом Пресс, 2014.
2. Бенедикт XVI, Папа Римский. «Deus Caritas Est» («Бог есть любовь») 2005.
3. Дугин А. Кризис золотого тельца. URL.: <http://www.profile.ru/politics/item/56321-krizis-zolotogo-teltsa-56321> (дата обращения: 10.11.2017).
4. Уотсон Р. Будущее. 50 идей, о которых нужно знать: пер. с англ. / Р. Уотсон. — М.: Фантом Пресс, 2014.
5. Эксперт: банк БРИКС станет важным дополнением к глобальной финансовой архитектуре. URL.: <http://tass.ru/economika/205294> (дата обращения: 10.11.2017).
6. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Первый экономический кризис XXI века: (марксистский анализ). — Альтернатива. — 2009. — № 1. — URL.: http://www.alternativy.ru/ru/webfm_send/424 (дата обращения: 15.11.2017).

References

1. Djupre B. Filosofija. 50 idej, o kotoryh nuzhno znat': per. s angl. / B. Djupre. — M.: Fantom Press, 2014.
2. Benedikt XVI, Papa Rimskij. «Deus Caritas Est» («Bog est' ljubov») 2005.
3. Dugin A. Krizis zolotogo tel'ca. URL.: <http://www.profile.ru/politics/item/56321-krizis-zolotogo-teltsa-56321> (data obrashhenija: 10.11.2017).

4. Uotson R. Budushhee. 50 idej, o kotoryh nuzhno znat': per. s angl. / R. Uotson. — M.: Fantom Press, 2014.
5. Jekspert: bank BRIKS stanet vazhnym dopolnieniem k global'noj finansovoj arhitekture. URL.: <http://tass.ru/economika/205294> (data obrashhenija: 10.11.2017).
6. Buzgalin A.V., Kolganov A.I. Pervyj jekonomicheskij krizis XXI veka: (marksistskij analiz). — Al'ternativa. — 2009. — № 1. URL.: http://www.alternativy.ru/ru/webfm_send/424 (data obrashhenija: 15.11.2017).

Контактная информация:

Университетская пл., 1 Воронеж, Россия, 394018

Universitetskaya Sq., 1 Voronezh, Russia, 394018

e-mail: mos.mail600@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ СТРАН – УЧАСТНИЦ ЕАЭС В ВАЛЮТНОЙ СФЕРЕ

FEATURES OF THE INTEGRATION PROCESSES OF THE EEU MEMBER COUNTRIES IN THE MONETARY SPHERE

К.С. ИВАНОВА

Аспирантка, департамент «Мировая экономика и мировые финансы», Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва

K.S. IVANOVA

Post-graduate student, department of «International economics and international finance», Financial university under the Government of the Russian Federation, Moscow

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу эволюции интеграционного процесса стран – участниц ЕАЭС в валютной сфере с момента распада

СССР до современности. Показано, что инициативы по введению единой валюты прорабатывались как в рамках СНГ, так и в более узком формате стран – участниц ЕАЭС на всем протяжении современной истории России. Результатом обсуждений стало закрепление в Договоре о создании ЕАЭС задач по координации валютной политики и повышению роли национальных валют в трансграничных расчетах. Создание валютного союза, по мнению большинства экспертов и регуляторных органов, является преждевременным по ряду экономических и геополитических причин. Предлагается на переходном этапе к возможному в долгосрочном периоде созданию валютного союза активизировать усилия по выравниванию макроэкономического развития стран – участниц ЕАЭС, гармонизировать валютное законодательство, создать развитую финансовую инфраструктуру, включающую валютные биржи и платежную систему, а также проработать механизм трансграничных расчетов с использованием классических клиринговых систем либо альтернативных новых блокчейн-технологий.

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of the evolution of the integration process of the EEU member countries in the currency sphere from the moment of the collapse of the USSR to the present day. It is shown that initiatives to introduce a single currency were worked out both within the framework of the CIS and in a narrower format of the countries participating in the EEU throughout the whole modern history of Russia. The result of the discussions reflected in the introduction in the Treaty on establishment of the EEU of the goals of coordinating foreign exchange policy and increasing the role of national currencies in

cross-border settlements. The creation of a monetary union in the opinion of most experts and regulators is premature for a number of economic and geopolitical reasons. It is proposed at the stage transitional to the possible in the long run monetary union, to intensify efforts to equalize level of macroeconomic development of the EEU member countries, to harmonize currency legislation, to create developed financial infrastructure including currency exchanges and payment system, and to work out a mechanism for cross-border settlements using classical clearing systems or alternative new blockchain technologies.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Валютная интеграция, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), валютная политика, клиринг, блокчейн в трансграничных расчетах, макроэкономическое развитие.

KEYWORDS

Monetary integration, the Eurasian Economic Union (EEU), monetary policy, clearing, blockchain in cross-border settlements, macroeconomic development.

Интеграционные процессы на пространстве постсоветских стран начались практически сразу после распада Советского Союза. Между участниками созданного Союза национальных государств (СНГ) на протяжении длительного исторического периода существовали тесные экономические, политические и культурные связи, которые должны были стать естественным интеграционным фактором. Тяжелый экономический кризис 90-х годов, а также политичес-

кая нестабильность привели к разрушению внутреннего экономического уклада бывших советских республик и нарушению межгосударственных связей некогда единого экономического комплекса. В связи с этим многочисленные попытки стран воссоздать на капиталистических основах механизмы союза, в том числе валютного, длительное время не приносили результатов. Только в урезанном формате к сегодняшнему дню удалось объединить пять стран бывшего СССР в Евразийский экономический союз (далее — ЕАЭС), одной из основных целей которого является «стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза»¹.

Раздел 14 Договора о Евразийском экономическом союзе (далее — Договор) посвящен теме валютной политики, где обозначены цели и принципы согласованной валютной политики. Следует отметить, что содержание этого раздела не является новшеством для стран — участниц ЕАЭС. Напротив, он базируется на принципах, заложенных в более ранних документах интеграционных объединений стран на пространстве СНГ. На сегодняшний момент Договором не предусмотрена цель создания валютного союза в рамках ЕАЭС, акцент делается на согласовании валютной политики. Таким образом, интеграция постсоветских стран в настоящий момент закреплена на четвертом этапе интеграционного процесса — создании экономического союза без четкой цели перехода к валютному

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014). — С. 7.

союзу. На рисунке 1 представлена схема развития экономической интеграции на пространстве СНГ, где вопросом обозначен год создания валютного союза, и его перспективы неочевидны.

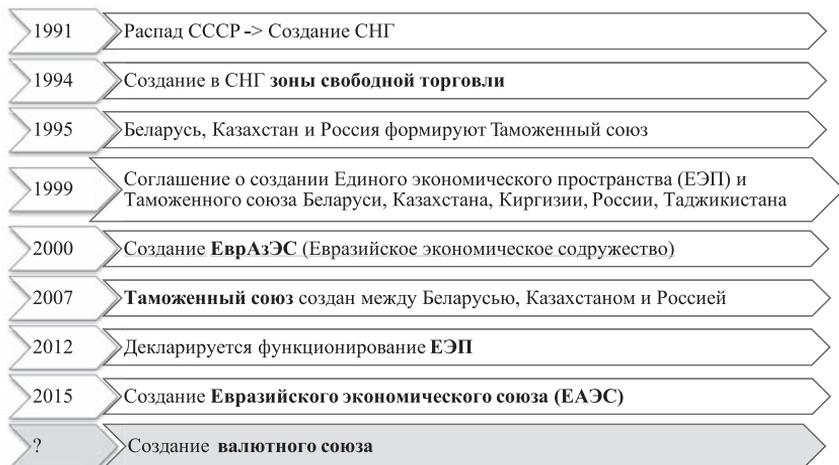

Рис. 1. Основные вехи интеграционных процессов на пространстве СНГ, 1991–2018 гг.

Источник: составлено автором

От распада Советского Союза до создания ЕАЭС прошло около 14 лет, в рамках которых предпринимались попытки создания зоны свободной торговли между странами СНГ с целью дальнейшей их интеграции по классической схеме, которая должна была бы привести к созданию Таможенного союза на втором этапе. В 1995 г. только три страны — Беларусь, Казахстан и Россия — пришли к договоренностям о формировании Таможенного союза и уже после подписания в 1999 г.

Соглашения о его создании фактически основали Таможенный союз в 2007 г. Процесс формирования Таможенного союза, отвечающего целям его создания, затянулся, так как на начальном этапе государства-участники не согласовывали тарифные условия друг с другом, в частности, при вступлении в ВТО.

Одновременно с интеграционными инициативами вышеуказанных трех стран продолжались попытки их распространения на все государства — члены СНГ. Однако Соглашение о создании зоны свободной торговли от 1994 г. во многом носило декларативный характер, и на первый план выходили двухсторонние соглашения между странами об отмене таможенных пошлин. В 2003 г. была предпринята еще одна итерация по оформлению проекта создания зоны свободной торговли в СНГ, и в октябре 2011 г. подписан Договор о зоне свободной торговли². Ни одна из этих попыток не привела к успеху в объединении бывших советских республик в новый союз в рамках рыночных условий функционирования экономики.

Реальный процесс интеграции происходил только среди наиболее активных участников ЕврАзЭС, организации, основанной в 2000 году. ЕврАзЭС был создан для формализации инициатив по продвижению Таможенного Союза и Единого экономического пространства. В его состав, помимо нынешних участников ЕАЭС, входили Таджикистан и Узбекистан. В ЕврАзЭС был принят

² Степаненко, А. Процесс Евразийской интеграции стран СНГ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1141> (дата обращения: 21.11.2017).

принцип многоуровневой (разноскоростной) интеграции, поэтому созданный в 2007 г. Таможенный союз объединял три наиболее инициативные страны-участницы. К 2012 г. можно было говорить о завершении этапа Таможенного союза в ЕврАзЭС и возможности перейти к полноценному формированию ЕЭП. Благодаря активной работе трех стран ЕврАзЭС и политической воле удалось к 1 января 2015 г. сформировать достаточный фундамент для создания Евразийского экономического союза (ЕАЭС), в состав которого сейчас входят Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Россия (Армения и Кыргызстан присоединились позднее, в октябре и декабре 2014 г. соответственно).

В рамках существующей модели ЕАЭС проводится работа, по крайней мере, для достижения состояния экономического союза, так как необходимо преодолеть многочисленные противоречия экономического и политического характера. Вопрос о валютной интеграции активно обсуждается, и с существующими предпосылками ее перспективы рассматриваются большинством экспертов как негативные, однако в долгосрочном периоде возможности для единой валюты существуют.

Как упоминалось ранее, обсуждения валютной интеграции происходили задолго до создания ЕАЭС и, более того, носили гораздо более оптимистичный и конкретный характер. Формирование Валютного союза было намечено в Договоре об экономическом союзе, подписанном 11 государствами СНГ в 1993 г. В 1994 г. было заключено Соглашение о создании Платежного союза,

в рамках которого предполагалось ввести взаимную конвертируемость национальных валют и создать систему многосторонних расчетов с переходом к валютному союзу.

Как и с экономической интеграцией в СНГ, так и с валютной интеграцией дальше деклараций дело не дошло. В 1998–1999 гг. в Договоре о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве также было упомянуто о валютной координации. Тогда же в Договоре о создании Союзного государства России и Беларуси было предусмотрено введение единой валюты. На основании соглашения между РФ и РБ «О введении единой денежной единицы и формирования единого эмиссионного центра» к 2005 г. должно было появиться единое валютное пространство с российским рублем. Этим планам также не суждено было сбыться.

В 2002 г. страны — члены СНГ вновь инициировали подписание соглашения об основных направлениях сотрудничества в сфере валютных отношений. В течение 2004 года активно разрабатывались проекты по созданию международного платежного средства и резервной валюты в СНГ. В 2006 г. были созданы финансовые институты ЕврАзЭС: Евразийский банк развития (ЕАБР) и антикризисный фонд ЕврАзЭС.

В 2009 г. подписано Соглашение об основополагающих принципах валютной политики государств — членов ЕврАзЭС. В 2010 г. подписано Соглашение о согласованных принципах валютной политики ЕЭП и о создании условий на финансовых рын-

ках для обеспечения свободного достижения капитала между Беларуссией, Казахстаном и Россией. В течение 2011–2013 гг. шла проработка плана по реализации приоритетных направлений развития ЕврАзЭС, который предусматривал формирование институциональной и организационно-правовой основы для введения единой валюты в рамках ЕврАзЭС³.

Основные цели, задачи и принципы, утвержденные упомянутыми документами, начиная от подписанных в 2009 г. соглашений, практически в неизменном виде отразились в Договоре о создании ЕАЭС. В Договоре дополнительный акцент сделан на развитие торгов национальными валютами на организованных рынках государств-членов и развитие инструментов финансового рынка, в том числе производных инструментов.

Для реализации давно задуманных планов по интеграции валютной сферы отдельных бывших советских республик, по-видимому, не хватило политической воли. Экономические обоснования для откладывания введения единой валюты в СНГ и в ЕАЭС также существовали и остаются актуальными на сегодняшний момент. Создание валютного союза по ряду причин является преждевременным, но требуется воля к реализации закрепленных еще в 2009 г. задач по координации в валютной сфере как фундамента для реализации возможных долгосрочных планов по введению единой валюты.

³ Прогнозно-аналитический доклад «Образ желаемого будущего финансовой среды ЕАЭС»: проект для обсуждения, представленный на Международном специальном профессиональном форуме «Новая финансовая среда ЕАЭС» 17.06.2016.

В основополагающих документах ЕАЭС закреплены задачи по гармонизации валютной политики стран — участниц ЕАЭС, повышения роли национальных валют стран — участниц ЕАЭС во внешнеторговых и инвестиционных операциях, обеспечения взаимной конвертируемости валют и развития взаимных расчетов в национальных валютах.

На сегодняшний момент для стран — участниц ЕАЭС характерны следующие особенности в валютной и денежно-кредитной сфере:

1) различия в установленных режимах денежно-кредитной политики (ДКП) и валютных курсов: наиболее близкие режимы установлены в Армении, Казахстане и России. Однако в Армении и Казахстане наблюдаются отклонения от официально заявленных режимов, что характеризует их переходное состояние;

2) установленные целевые показатели по инфляции в среднесрочном периоде в странах — членах ЕАЭС находятся на близких уровнях 3–5% (кроме Киргизии, где верхняя планка достигает 7%);

3) в среднесрочной перспективе следует ожидать, что все страны — участницы ЕАЭС будут готовы унифицировать режимы ДКП и валютных курсов. В частности, центральные банки должны развивать соответствующие инструменты денежно-кредитной политики;

4) во всех странах — участницах ЕАЭС наблюдается низкая эффективность большинства каналов трансмиссии, кроме канала валютного курса. Это является препятствием для проведения политики таргетирова-

ния инфляции, которое необходимо преодолевать через развитие институциональной среды;

5) для всех стран — участниц ЕАЭС характерна низкая монетизация экономики. Эта проблема, а также снижение темпов роста экономики вызывают аналогичные дискуссии среди экономистов «за» и «против» мягкой или жесткой денежно-кредитной политики;

6) в большинстве государств — участников ЕАЭС высокий уровень долларизации экономики, который особенно проявляется в Армении, Беларуси и Казахстане, что является существенным препятствием для развития стран;

7) низкая эффективность институциональной среды, которая включает в себя: слабость национальной финансовой системы; подверженность к конъюнктурным шокам на сырьевых рынках; зависимость от конъюнктурных потоков капитала; отсутствие должной монетарной и бюджетной дисциплины⁴; низкую конкуренцию в банковском секторе (в меньшей степени в России, см. табл.).

Обозначенные области являются ключевыми направлениями работы по координации в валютной, а также в целом денежно-кредитной сферах в ЕАЭС.

Страны — члены ЕАЭС характеризуются как различием в экономическом развитии друг с другом, с преобладающей ролью России, так и отставанием по многим показателям от развитых стран (см. рис. 2). Эти фак-

⁴ Горюнов, Е. Денежно-кредитная политика Банка России: стратегия и тактика / Е. Горюнов, С. Дробышевский, П. Трунин // Вопросы экономики. — 2015. — № 4. — С. 53–85.

торы затрудняют полноценную интеграцию, особенно в валютно-финансовой сфере⁵. Именно по этим причинам, помимо действий, непосредственно касающихся валютной политики и институциональных вопросов в области обращения национальных валют, необходимо обеспечить и макроэкономическое развитие стран-участниц ЕАЭС (и других потенциальных участников союза), их выравнивание между собой.

Таблица

Ключевые показатели банковской системы стран – участниц ЕАЭС, янв. 2017 г.

Страна	Активы КО/ ВВП, % ⁶	Доля привлеченных средств на межбанковском рынке в активах, %	Ключевая ставка, %	Ставка по кредитам нефинансовым организациям, % ⁷	Количество кредитных организаций	
					2017	2016
Армения	80	0,4	6,25	17,14	17 ⁸	21
Беларусь	68	2,9	18	19,40	24 ⁹	30
Казахстан	62	5,4	12	15	33 ¹⁰	35
Киргизия	39	1,2	5	26,5	25 ¹¹	25
Россия	93	11	10	11,6	623 ¹²	733

⁵ Иванова, К.С. Экономический союз стран ЕАЭС как основа валютно-финансовой интеграции // Российский экономический журнал. — № 3. — 2017. — С. 1.

⁶ Сборника аналитических материалов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.asros.ru/public/files/14/13621-sbornikanaliticheskikhmaterialov.pdf> (дата обращения: 21.05.2017)

⁷ Национальных Банков стран-участниц ЕАЭС

⁸ Из них 8 банков со 100% долей иностранного участия.

⁹ Из них 5 банков со 100% долей иностранного участия.

¹⁰ Из них 11 банков со 100% долей иностранного участия.

¹¹ Из них 6 банков со 100% долей иностранного участия.

¹² Из них 67 банков со 100% долей иностранного участия.

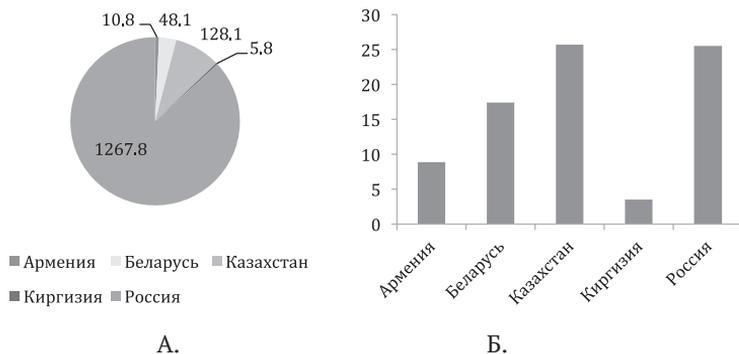

Рис. 2. А. ВВП стран — участниц ЕАЭС в текущих ценах, млрд долл. США; Б. ВВП на душу населения по ППС, 2016 г., млрд долл. США

Источник: Евразийская экономическая интеграция — 2017. — СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2017. — С. 28

При условии выполнения задач по выравниванию макроэкономических показателей стран — участниц ЕАЭС, движении этих показателей к более высоким уровням, а также гармонизации валютной политики и развития валютно-финансовой институциональной среды представляется возможным задуматься о перспективах создания валютного союза. Главным положительным эффектом от его формирования должна стать интенсификация торговли и инвестиций между государствами, которые к определенному моменту должны будут уже добиться успеха в достижении целей созданного таможенного и экономического союза.

Введение единой валюты между странами позволяет снизить транзакционные издержки, негативное влияние волатильности валют и противостоять симметричным внешним шокам, до их возникновения, но и несет

серьезные издержки. Ключевой проблемой является отсутствие гибкости в проведении монетарной политики (нет рычагов реагирования на асимметричные внешние шоки). Опыт Европейского союза доказал, что форсированное введение единой валюты может привести к серьезным проблемам, которые перевесят все преимущества валютного союза. Именно поэтому центральные банки стран — участниц ЕАЭС так осторожны в вопросах планирования движения к валютному союзу.

Евразийским банком развития и Евразийской экономической комиссией на основе разработанного экономико-математического инструментария проведен количественный анализ выгод валютного союза в ЕАЭС. Методология основывается на аппарате DSGE-модели и финансовом программировании. Авторы доклада, Винокуров Е.Ю., Демиденко М.В. и Коршунов Д.А., пришли к выводу о том, что «создание валютного союза требует от государств-участников серьезной предварительной подготовки и представляется целесообразным только в долгосрочной перспективе»¹³.

Хорошей возможностью в переходном периоде является создание системы трансграничных расчетов, которая позволит решить часть проблем, связанных с издержками использования резервных валют в торговых и инвестиционных операциях. При низких объемах торговли и инвестиций между странами эти меры

¹³ Винокуров, Е.Ю. Потенциальные выгоды и издержки валютной интеграции в Евразийском экономическом союзе / Е.Ю. Винокуров, М.В. Демиденко, Д.А. Коршунов // Вопросы экономики. — 2017. — № 2. — С. 92.

могут быть не очень значимыми. Тем не менее следует учитывать два фактора:

1) поставлены задачи дальнейшего развития интеграционного процесса в ЕАЭС, улучшения макроэкономических показателей стран, из чего следует ожидать роста объемов взаимной торговли и инвестиций;

2) существование спроса со стороны бизнеса на использование национальных валют в расчетах, который должен увеличиваться вместе с ростом объемов взаимной торговли и инвестиций.

По результатам опроса, проведенного Евразийским банком развития (ЕАБР), «в форме глубинных интервью с представителями бизнеса, национальных и наднациональных регуляторов и экспертного сообщества..., более половины респондентов из числа представителей бизнеса и экспертного сообщества ожидают усиления роли национальных валют во взаиморасчетах»¹⁴.

Уже сейчас доминирующую роль в расчетах на пространстве ЕАЭС занимает российский рубль (около 74% в 2016 г.¹⁵). Центральный банк России заинтересован и предлагает использовать российскую валюту в расчетах между странами — участницами ЕАЭС, однако для этого российский рубль должен проникнуть в двусторонние сделки между евразийскими государствами (без участия России), где его доля незначительна, и по-

¹⁴ Национальные валюты во взаиморасчетах в рамках ЕАЭС: препятствия и перспективы — СПб.: ЦИИ ЕАБР. — 2018. — № 48. — С. 6–8. Опрошены 42 респондента из России, Казахстана, Беларуси, Армении, Кыргызстана и Таджикистана, в том числе представляющие международные организации и крупный бизнес.

¹⁵ Национальные валюты во взаиморасчетах в рамках ЕАЭС: препятствия и перспективы — СПб.: ЦИИ ЕАБР. — 2018. — № 48. — С. 6.

прежнему доминирует доллар США. Высокая волатильность российской валюты и нежелание дополнительно акцентировать доминирование России в ЕАЭС являются препятствием для использования рубля как общей валюты в регионе.

В июле 2017 г. Евразийский банк развития (ЕАБР) предложил центральным банкам входящих в ЕАЭС стран создать региональный расчетный инструмент по примеру ЭКЮ, действовавшей в Европе в 1979–1998 годах до введения евро¹⁶. Более того, Казахстан предлагает задействовать технологию блокчейн для создания расчетной единицы. В дальнейшем такая расчетная единица, которая не заменяет национальные денежные средства, но функционирует параллельно (по примеру ЭКЮ и «переводного рубля» в странах СЭВ), может расширяться и вне рамок ЕАЭС, например, в периметре «Шелкового пути». Детального изучения требуют возможности использования блокчейн-технологий во взаимных расчетах между странами ЕАЭС как альтернатива традиционным «клиринговым механизмам» мультивалютных расчетов.

Таким образом, страны к созданию валютного союза в ЕАЭС, как подтверждают исследования ряда экономистов и мнения центральных банков стран, в текущей ситуации, с одной стороны, недостаточно готовы. При этом очевидно, что проблема имеет не

¹⁶ В ЕАЭС предложили создать «расчетный инструмент Шелкового пути» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://iz.ru/623950/alina-evstigneeva/eabr-predlagaet-sozdanie-raschetnoi-edinitsy-shelkovogo-puti> (дата обращения: 11.01.2018).

только технологическое измерение, но и геоэкономическое и геополитическое измерение, поскольку очевидно, что наши конкуренты не заинтересованы в формировании нового эффективно действующего интеграционного механизма, который бы ограничивал для них самих возможности беспрепятственного доминирования в финансово-экономической сфере. Оптимальным выглядит срок до 2025 года для создания единого финансового рынка, координации валютной, монетарной и макроэкономической политики с целью экономической конвергенции, а также активной работы по дедолларизации экономик Союза и создания единого пространства для национальных платежных систем. В качестве параллельного процесса требуется развить систему мультивалютного клиринга либо в его традиционном виде через единый клиринговый центр на базе имеющейся инфраструктуры, либо с помощью применения современных блокчейн-технологий.

Библиографический список

1. В ЕАЭС предложили создать «расчетный инструмент Шелкового пути» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://iz.ru/623950/alina-evstigneeva/eabr-predlagaet-sozdanie-raschetnoi-edinitcy-shelkovogo-puti>.
2. Винокуров, Е.Ю. Потенциальные выгоды и издержки валютной интеграции в Евразийском экономическом союзе / Е.Ю. Винокуров, М.В. Демиденко, Д.А. Коршунов // Вопросы экономики. — 2017. — № 2. — С. 75–96.

3. Горюнов, Е. Денежно-кредитная политика Банка России: стратегия и тактика / Е. Горюнов, С. Дробышевский, П. Трунин // Вопросы экономики. — 2015. — № 4. — С. 53–85.
4. Евразийская экономическая интеграция — 2017. — СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2017. — 88 с.
5. Договор о Евразийском экономическом союзе.
6. Национальные валюты во взаиморасчетах в рамках ЕАЭС: препятствия и перспективы — СПб.: ЦИИ ЕАБР. — 2018. — № 48. — 76 с.
7. Прогнозно-аналитический доклад «Образ желаемого будущего финансовой среды ЕАЭС»: проект для обсуждения, представленный на Международном специальном профессиональном форуме «Новая финансовая среда ЕАЭС» 17.06.2016.
8. Сайты национальных Банков стран-участниц ЕАЭС.
9. Сборник аналитических материалов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.asros.ru/public/files/14/13621-sbornikanaliticheskikhmaterialov.pdf> (дата обращения: 21.05.2017).
10. Степаненко, А. Процесс Евразийской интеграции стран СНГ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1141>.

References

1. V EAS predlozhili sozdat' «raschetnyj instrument Shelkovogo puti» [Elektronnyj resurs]. — Rezhim dostupa: <https://iz.ru/623950/alina-evstigneeva/eabr-predlagaet-sozdanie-raschetnoi-edinitcy-shelkovogo-puti>.
2. Vinokurov, E.Ju. Potencial'nye vygody i izderzhki valjutnoj integracii v Evrazijskom jekonomicheskom sojuze / E.Ju. Vinokurov,

- M.V. Demidenko, D.A. Korshunov// Voprosy jekonomiki. — 2017. — № 2. — S. 75–96.
3. Gorjunov, E. Denezhno-kreditnaja politika Banka Rossii: strategija i taktika / E. Gorjunov, S. Drobyshevskii, P. Trunin // Voprosy jekonomiki. — 2015. — № 4. — S. 53–85.
 4. Evrazijskaja jekonomicheskaja integracija — 2017. — SPb.: CII EABR, 2017. — 88 s.
 5. Dogovor o Evrazijskom jekonomicheskom sojuze.
 6. Nacional'nye valjuty vo vzaimoraschetah v ramkah EAJeS: prepjatstvija i perspektivy — SPb.: CII EABR. — 2018. — № 48. — 76 s.
 7. Prognozno-analiticheskij doklad «Obraz zhelaemogo budushhego finansovoj srede EAJeS»: proekt dlja obsuzhdenija, predstavlenyj na Mezhdunarodnom special'nom professional'nom forumе «Novaja finansovaja sreda EAJeS» 17.06.2016.
 8. Sajty nacional'nyh Bankov stran-uchastnic EAJeS.
 9. Sbornik analiticheskikh materialov [Jelektronnyj resurs]. — Rezhim dostupa: <http://www.asros.ru/public/files/14/13621-sbornikanaliticheskikhmaterialov.pdf> (data obrashhenija: 21.05.2017).
 10. Stepanenko, A. Process Evrazijskoj integracii stran SNG [Jelektronnyj resurs]. — Rezhim dostupa: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1141>.

Контактная информация:

Российская Федерация, 125993 (ГСП-3), г. Москва, Ленинградский просп., 49, департамент «Мировая экономика и мировые финансы»
Russian Federation, 125993 (GSP-3), Moscow, Leningradsky Prosp., 49,
Department “World Economy and World Finances”
e-mail: christina.s.ivanova@gmail.com

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ВОЕННО- ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ РОССИИ

ASSESSMENT OF RUSSIA'S MILITARY- INDUSTRIAL COMPLEX IMPACT ON THE NATIONAL ECONOMY GROWTH

Д.А. АЗАРОВ

Ассистент кафедры бизнес-информатики
ФГБОУ ВО «Уральский государственный
экономический университет»

D.A. AZAROV

Teaching Assistant of Business Information
Science Dept., Ural State University of
Economics

Д.М. НАЗАРОВ

Заведующий кафедрой бизнес-информатики
ФГБОУ ВО «Уральский государственный
экономический университет», д.э.н.

D.M. NAZAROV

Head of Business Information Science Dept.,
Ural State University of Economics, PhD in
Economics

АННОТАЦИЯ

Рассмотрена проблема оценки влияния военно-промышленного комплекса на экономический рост Российской Федерации. Актуализирована сущность понятия «военно-промышленный комплекс» в современном понимании. Представлены результаты нечеткой оценки и прогнозирования влияния военно-промышленного комплекса на экономический рост России.

ABSTRACT

The paper deals with the problem of assessing the Russian Federation military-industrial complex impact on the national economy growth. It epitomizes the essence of the military-industrial complex in the modern sense of the term. The article presents the results of the fuzzy assessment and forecast of the military-industrial complex effect on Russia's economic growth.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Военно-промышленный комплекс, нечеткая модель, имплицитное влияние, имплицитный фактор, экономический рост.

KEYWORDS

Military-industrial complex, fuzzy model, implicit influence, implicit factor, economic growth.

Современный военно-промышленный комплекс (далее — ВПК) имеет многоцелевую направленность и не ограничивается выполнением задач по обеспечению обороноспособности государства. Осуществляя свою деятельность в системе национальной экономики, он оказывает воздействие на ее функционирование и выступает в качестве источника формирования достигаемых результатов. Стремление контролировать производимые таким образом и обладающие высокой ценностью в масштабах страны эффекты объясняет потребность в их тщательном исследовании и определяет необходимость в проведении своевременного и достоверного комплексного анализа ВПК, одно из важнейших мест в котором отводится оценке его влияния на экономический рост.

Новые экономические реалии вносят свои изменения в деятельность ВПК России и требуют принципиально иного подхода к анализу его экономического воздействия. В результате, несмотря на обширные теоретические и научно-практические разработки, вопросы оценки влияния ВПК на экономический рост Российской Федерации остаются недостаточно разработанными.

Авторами предлагается актуализировать сущностные характеристики понятия «ВПК» путем включения в его состав имплицитных факторов и применения системного подхода к исследованию структурных особенностей функционирования. Анализ существующей теоретической базы, специфики деятельности

ВПК и обобщение понятийного аппарата позволяют определить ВПК Российской Федерации как подсистему мезоуровня национальной экономики, включающей в себя, по крайней мере, шесть подсистем: управляющую (объединяющую в себе подсистемы принятия и реализации управленческих решений), научно-техническую, социальную, финансово-экономическую, образовательную и производственную; приоритетно нацеленной на обеспечение обороноспособности страны, функционирующей в непрерывно меняющейся окружающей среде и обладающей имплицитной природой внешнего влияния и способностью к адаптации за счет изменения характера взаимодействия подсистем и их иерархии.

Применительно к объекту исследования к имплицитным факторам необходимо отнести неявные факторы подсистемы ВПК, оказывающие значимое влияние (непосредственно или опосредованно) на ее окружающую среду, в основе которых лежит скрытая, не учитываемая ранее информация, практически полезная и доступная для генерации знаний в рамках принятия экономически обоснованных решений. Имплицитные влияния характеризуют воздействия имплицитных факторов, способные произвести неявные внешние эффекты на экономическую систему страны, заключающиеся в стимулировании или сдерживании ее развития [1, с. 397].

По мнению авторов, в условиях отсутствия готовых методических решений, учитывающих имплицитность, наиболее полно требованиям к проведению

оценки влияния ВПК на экономический рост России удовлетворяют адаптированная модель оценки влияния имплицитных факторов в системе показателей деятельности объекта управления и нечетко-множественный подход. Модель используется для исследования в количественном выражении силы воздействия имплицитных факторов на численно измеряемые показатели через некоторые опосредованные количественные параметры.

Проведенные авторами исследования [2] свидетельствуют о необходимости учета шести имплицитных факторов, пятнадцати промежуточных измеримых показателей ВПК и пяти основных показателей экономического роста страны в соответствии с классификацией индикаторов развития Группы Всемирного банка [3] (табл. 1).

Обучение модели проводилось с применением правил нечеткой импликации Гогена [4, с. 334] на данных 2009–2012 гг. Расчет комплексного показателя экономического роста проводился по методу центра тяжести [5; 6]. Максимальная наблюдаемая погрешность составила $7,43646 \cdot 10^{-14}\%$ (при вычислении темпа роста нормы валовых внутренних сбережений РФ 2010 г. к 2012 г., показатель C_3) и представляется незначительной: относительная ошибка при определении комплексного показателя v составила $1,34229 \cdot 10^{-14}\%$.

Оценка влияния ВПК на экономический рост России, выполненная по последнему доступному полному набору данных, показывает, что в 2012 г. относитель-

Таблица 1

Распределение показателей влияния ВПК на экономический рост Российской Федерации

ИмPLICITные факторы ВПК РФ	Промежуточные измеримые показатели ВПК РФ	Основные показатели экономического роста РФ
<p>A1: темп роста системности структурного реформирования ВПК РФ;</p> <p>A2: темп роста соответствия распределения бюджетных средств приоритетам военно-технической политики РФ;</p> <p>A3: темп роста достаточности мер налогового стимулирования предприятий ВПК РФ;</p> <p>A4: темп роста уровня компетентности кадров предприятий ВПК РФ;</p> <p>A5: темп роста соблюдения технологической дисциплины на предприятиях ВПК РФ;</p> <p>A6: темп роста жесткости требований к квалификации работников предприятий ВПК РФ</p>	<p>V1: темп роста доли военных расходов РФ в ВВП РФ;</p> <p>V2: темп роста доли экспорта ВиВТ РФ в общем объеме экспорта РФ;</p> <p>V3: темп роста доли импорта ВиВТ РФ в общем объеме импорта РФ;</p> <p>V4: темп роста доли расходов на национальную оборону, национальную безопасность и правоохранительную деятельность в федеральном бюджете РФ;</p> <p>V5: темп роста доли ГОЗ РФ в федеральном бюджете РФ;</p> <p>V6: темп роста доли ГОЗ РФ в части закупок ВиВТ в федеральном бюджете РФ;</p> <p>V7: темп роста доли ГОЗ РФ в части НИОКР в федеральном бюджете РФ;</p> <p>V8: темп роста доли ГОЗ РФ в части ремонта в федеральном бюджете РФ;</p> <p>V9: темп роста доли финансирования прочих мер государственной поддержки предприятий ВПК РФ в консолидированном бюджете РФ;</p> <p>V10: темп роста промышленной продукции ВПК РФ;</p> <p>V11: темп роста выпуска научно-технической продукции ВПК РФ;</p> <p>V12: темп роста рентабельности ВПК РФ по чистой прибыли;</p> <p>V13: темп роста выработки на одного работника промышленного сектора ВПК РФ;</p> <p>V14: темп роста выработки на одного работника научного сектора в отрасли ВПК РФ;</p> <p>V15: темп роста количества полученных предприятиями ВПК РФ рекламаций</p>	<p>C1: темп роста ВВП РФ;</p> <p>C2: темп роста доли расходов на конечное потребление в ВВП РФ;</p> <p>C3: темп роста нормы валовых внутренних сбережений РФ;</p> <p>C4: темп роста доли валового накопления основного капитала в частном секторе в ВВП РФ;</p> <p>C5: темп роста уровня инфляции в РФ</p>

но большее влияние на него оказывали темпы роста соответствия распределения бюджетных средств приоритетам военно-технической политики РФ ($\mu_A(a_2) = 1$), системности структурного реформирования ВПК РФ ($\mu_A(a_1) = 0,97$), жесткости требований к квалификации работников предприятий ВПК РФ ($\mu_A(a_6) = 0,97$).

Учитывая имплицитный и опосредованный через показатели подмодели В характер воздействия факторов подмодели А на параметры подмодели С, наиболее доступным способом повышения экономических результатов работы ВПК будет снижение доли импорта ВиВТ РФ в общем объеме импорта РФ (показатель-посредник V_3).

Принимая во внимание оптимистически смещенную оценку качества модели в силу явления переобучения, для повышения объективности при проверке ее адекватности использовалась независимая тестовая выборка 2013 и 2014 гг. Погрешность прогноза не превысила 10%, что, по мнению авторов, можно считать удовлетворительным результатом, позволяющим сделать вывод об адекватности модели объекту исследования.

В таблице 2 приведены вычисленные с использованием нечеткой модели данные ретроспективного и поискового прогнозов комплексного показателя v в 2013–2020 гг. в зависимости от колебаний имплицитных факторов.

Прогнозирование влияния ВПК на экономический рост России на 2018–2020 гг. свидетельствует об установлении значения комплексного показателя $v_{\text{прогноз}}$ на

уровне 102,99% при осуществлении изменений в рамках принятого курса развития ВПК, что свидетельствует о наличии положительного экономического эффекта.

Таблица 2

Прогноз влияния ВПК на экономический рост Российской Федерации в 2013–2020 гг.

Показатель	Год							
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
A1	0,93481	0,98120	0,98238	0,98469	0,97778	0,97250	0,96904	0,96044
A2	0,96786	0,97711	0,98970	0,99006	0,99010	0,99013	0,99017	0,99022
A3	0,97963	0,98141	0,98312	0,98631	0,97713	0,96622	0,96060	0,94660
A4	0,96478	0,95335	0,95156	0,95408	0,94897	0,94750	0,94697	0,93445
A5	0,99841	0,99979	0,99467	0,98156	0,99220	0,98721	0,98446	0,97757
A6	0,95778	0,95497	0,95688	0,95645	0,94604	0,93547	0,92855	0,91502
упрогноз, %	103,18	103,21	103,09	102,99	103,04	102,99	102,99	102,99
υфакт, %	99,17	114,50	–	–	–	–	–	–
Погрешность υ, %	4,04	9,86	–	–	–	–	–	–

Итак, современный ВПК в авторском понимании является межотраслевым комплексом и представляет собой подсистему мезоуровня национальной экономической системы Российской Федерации, имеющую ряд составляющих. ИмPLICITные факторы подсистемы, проявляющие свое воздействие в процессе ее функционирования оказывают значимое влияние на ее окружающую среду и требуют соответствующего учета при оценке экономических результатов ВПК.

Отсутствие среди имеющихся методических решений подходящих средств учета имPLICITных влияний

предопределяет необходимость использования разработанной с учетом выявленных особенностей функционирования ВПК авторской модели оценки его влияния на экономический рост Российской Федерации. Достоверность полученных на ее основе результатов проверена путем вычисления погрешности расчетных значений показателей подмодели С и комплексного показателя $v_{\text{расчет}}$. Обнаруженное относительное отклонение расчетных величин не оказывает существенного влияния на результаты исследования.

Оценка показателей деятельности ВПК РФ с применением разработанной методики предполагает в качестве наиболее доступного способа стимулирования развития комплекса с экономической точки зрения снижение доли импорта ВиВТ РФ в общем объеме импорта РФ. При этом получаемый эффект приведет к распространению положительных экстерналий на общеэкономические индикаторы, в первую очередь, уровень инфляции и объем ВВП. Применение предложенной нечеткой модели доказывает свою актуальность для построения прогнозов влияния ВПК на экономический рост России, идентифицируя положительное воздействие при сохранении текущего вектора преобразований.

Проведенная оценка, по мнению авторов, может послужить базой для построения прогнозов и формирования рекомендаций, направленных на перспективное улучшение показателей экономического роста страны. Полученные на ее основе выводы могут быть исполь-

зованы при осуществлении мониторинга параметров функционирования ВПК представителями профильных министерств Российской Федерации.

Библиографический список

1. Азаров Д.А., Назаров Д.М., Силин Я.П. Нечеткая оценка экономического влияния военно-промышленного комплекса Российской Федерации в условиях «новой нормальности» // Международная конференция по мягким вычислениям и измерениям (Санкт-Петербург, 24–26 мая 2017 г.). — Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2017. — Т. 2. — С. 396–399.
2. Азаров Д.А. Особенности нечеткого моделирования экономического влияния военно-промышленного комплекса Российской Федерации в современных условиях // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. — 2016. — № 14-2. — С. 128–131.
3. World Bank Open Data. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://data.worldbank.org/>.
4. Goguen J. A. The logic of inexact concepts // *Synthese*. — 1969. — Vol. 19. — № 3. — P. 325–373.
5. Mamdani E. H. Applications of fuzzy algorithms for simple dynamic plants // *IEE*. — 1974. — Vol. 121. — P. 1585–1588.
6. Mamdani E. H., Assilian S. An experiment in linguistic synthesis with a fuzzy logic controller // *International journal of man-machine studies*. — 1975. — Vol. 7. — № 1. — P. 1–13.

References

1. Azarov D.A., Nazarov D.M., Silin Ya.P. Nechetkaya otsenka ekonomicheskogo vliyaniya voenno-promyshlennogo kompleksa

- Rossiiskoi Federatsii v usloviyakh «novoï normal'nosti» // Mezhdunarodnaya konferentsiya po myagkim vychisleniyam i izmereniyam (Sankt-Peterburg, 24–26 maya 2017 g.). — Sankt-Peterburg: Izd-vo SPbGETU «LETI», 2017. — T. 2. — S. 396–399.
2. Azarov D.A. Osobennosti nechetkogo modelirovaniya ekonomicheskogo vliyaniya voenno-promyshlennogo kompleksa Rossiiskoi Federatsii v sovremennykh usloviyakh // Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya v sovremennom mire. — 2016. — № 14-2. — S. 128–131.
 3. World Bank Open Data. [Elektronnyi resurs] — Rezhim dostupa: <https://data.worldbank.org/>.
 4. Goguen J. A. The logic of inexact concepts // Synthese. — 1969. — Vol. 19. — № 3. — P. 325–373.
 5. Mamdani E. H. Applications of fuzzy algorithms for simple dynamic plants // IEE. — 1974. — Vol. 121. — P. 1585–1588.
 6. Mamdani E. H., Assilian S. An experiment in linguistic synthesis with a fuzzy logic controller // International journal of man-machine studies. — 1975. — Vol. 7. — № 1. — P. 1–13.

Контактная информация:

620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45, ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»

62/45 8 Marta/Narodnoy Voli St., Yekaterinburg, Russia, 620144, Ural State University of Economics

e-mail: andr17@yandex.ru, slup2005@mail.ru

ФАКТОРЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА КРУПНЕЙШИХ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ

DRIVERS AND TRENDS OF THE SOCIO-ECONOMIC SPACE DEVELOPMENT OF THE LARGEST RUSSIAN CITIES

Н.Ю. ВЛАСОВА

Профессор кафедры государственного
и муниципального управления,
Уральский государственный
экономический университет, д.э.н.,
профессор

N.YU. VLASOVA

Professor of State and Municipal
Governance Department, Ural State
University of Economics, Dr. of science
(economics), Professor

АННОТАЦИЯ

Цель исследования: выявить основные тенденции развития крупнейших российских городов. Динамические изменения внешней среды и новые мегатенденции приводят к значительной трансформации источников и факторов пространственного развития городов. Гипотеза исследования заключается в том, что пространственное развитие крупнейших российских городов все больше подвержено глобальным тенденциям, тем не менее советские черты продолжают накладывать определенный отпечаток на все процессы. Используются сравнительные, аналитические, исторические методы. Показано, что крупнейшие города имеют общие черты и закономерности развития социально-экономического пространства.

ABSTRACT

The aim of the study was to identify the main trends of the socio-economic spatial development of the largest Russian cities. Dynamic changes in the external environment and new megatrends lead to a significant transformation of the sources and factors of urban growth and development and are reflected in the transformation of the socio-economic spatial structure. The hypothesis of the study is the trends of socio-economic space development of the largest Russian cities more exposed to global trends, however, Soviet features and realities continue to impose definite imprint on all processes. The study used comparative, analytical and historical methods. It is shown that the largest Russian cities have common features, and patterns of development of socio-economic spatial structure.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Социально-экономическое пространство, факторы развития, социальное пространство города, крупнейший город.

KEYWORDS

Socio-economic space, drivers of development, urban social space, the largest city.

Исследование пространственной экономики и различного вида территориальных структур имеет давнюю традицию. В данной статье мы не будем подробно описывать эволюцию теоретических подходов к понятию пространственной экономики и основных направлений ее исследования. Отошлем к статье П.А. Минакира, А.Н. Демьяненко, где авторы детально проследили и систематизировали основные этапы и направления развития пространственной экономики как науки [1]. Существует достаточно полное библиографическое исследование в этой области [2]. Б.С. Жихаревич предлагает следующее определение социально-экономического пространства региона: «...совокупность свойств социально-экономической среды региона, в которой происходит хозяйственная деятельность и жизнь людей» [3, с. 47]. Различные разновидности социально-экономического пространства как сложной динамичной системы в большей степени изучаются на региональном уровне [4, 5]. Если обратиться к уровню городов, то исследования зачастую фокусируются на каком-либо аспекте социально-экономического пространства [6].

Исследования показывают, что практически во всех постсоветских городах произошли существенные трансформации структуры социально-экономического

пространства, что в целом соответствует глобальным тенденциям [7]. Кроме того, эволюционируют теоретические концепции факторов развития различных территориальных систем, меняется понимание движущих сил городского развития [8].

Выделим следующие основные факторы, влияющие на изменение социально-экономического пространства крупнейших российских городов.

Во-первых, рыночные факторы стали приоритетным драйвером экономического роста, что повлияло на конфигурацию социально-экономического пространства российских городов. Если в советский период промышленность играла ведущую роль в развитии крупнейших городов, то в постсоветских городах доля промышленных функций и промышленных территорий в пространственной структуре города сократились значительно. В структуре экономики постсоветских городов существенно увеличились финансовые, сервисные функции, особенно это характерно для крупных и крупнейших городов, которые смогли существенно перестроить свою экономику. Все большее внимание уделяется формированию креативного сектора экономики и так называемых креативных городских пространств (креативных кластеров, арт-кластеров, креативных кварталов, коворкингов, дизайн-заводов и т.п.), что в целом соответствует мировым тенденциям развития городов [9, 10]. Креативные пространства не только привлекают различные креативные виды деятельности, но и трансформируют существующие, под-

страивая их под свой образ и задачи. Так, гостиницы, чтобы соответствовать требованиям и образу креативного или арт-пространства, преобразуются в дизайн-, арт- и бутик-отели. Однако специфика постсоветского города проявляется в том, что индустриальные функции продолжают оказывать значительное влияние на развитие городов, в том числе и крупных. Усилия направлены на повышение эффективности промышленного производства, чтобы перевести традиционно промышленные функции в русло новой индустриализации.

Во-вторых, изменилась система городского планирования и управления. В советский период была создана достаточно сложная и стройная система городского планирования, которая базировалась на четкой иерархии принципов и факторов городского развития. Одним из основных показателей, определяющих все прочие параметры города, была расчетная численность населения, исходя из которой определялись все остальные сферы жизни и деятельности — жилье, объекты социальной сферы, транспортная инфраструктура и т.п. Развитие каждого населенного пункта строго вписывалось в общую схему развития соответствующей мезотерритории, экономического района, а также страны в целом. Система планирования носила долгосрочный характер и предусматривала преемственность во времени. После распада Советского Союза данная стройная система была разрушена практически полностью и за прошедшие более чем 20 лет создавалась новая идеология, методология и методика планирования развития

городов, которая в большей степени соответствует новым вызовам времени. На сегодняшний день в России создана сложная система планирования, которая делает обязательным разработку стратегических и градостроительных документов для всех территориальных единиц — муниципалитетов и регионов (субъектов РФ). Заметную роль в развитии городов играют мегапроекты, которые дают возможность получить существенное финансирование на развитие из федерального бюджета. В качестве примера можно привести Олимпийские игры 2014 г. в Сочи, Чемпионат мира по футболу 2018 г., охвативший ряд российских городов, Универсиаду в Казани и т.п. [11]. Так же, как и для многих зарубежных городов, мегапроекты меняют социально-экономическое пространство российских городов, выводя их на новый уровень экономического развития.

В-третьих, меняется размерная структура экономики за счет активного развития малого и среднего бизнеса. Безусловно, до сих пор основу экономики большинства российских городов составляют крупные компании, зачастую с государственным участием. Тем не менее малый и средний бизнес становится все более заметным игроком в экономической сфере городов [12]. Важное значение имеет возможность для местных жителей разрабатывать и реализовывать различные проекты в рамках города — начиная от малого бизнеса и заканчивая различными социальными инициативами.

В-четвертых, агломерационные тенденции все в большей степени трансформируют социально-эко-

номическое пространство крупнейших городов. В настоящее время в РФ насчитывается около 20 крупных агломераций с численностью населения более одного млн человек в каждой. Доля агломераций в городском населении России по экспертным оценкам составляет 42%. Многие крупные и крупнейшие города планируют свое развитие с учетом развития близлежащих населенных пунктов; в ряде случаев городские агломерации становятся обязательным элементом стратегии регионального развития. Однако до сих пор в практике планирования отсутствует законодательно закрепленное понятие агломерации, нет методики определения границ агломерации. Сложность заключается и в несовершенстве законодательной базы, не дающей возможность полноценного экономического сотрудничества муниципалитетов в пространстве агломерации.

В-пятых, население все больше вовлекается в процессы городского планирования и управления, становясь все более активным актором формирования социально-экономического пространства. В России созданы механизмы, позволяющие учитывать мнение общественности при принятии решений. Это и электронное открытое правительство, и механизмы общественного обсуждения, которые, однако, в условиях отсутствия длительного опыта демократии зачастую остаются формальными. Тем не менее население научилось отстаивать свои интересы и консолидироваться для достижения определенных результатов. В ряде случаев это приводит к достаточно заметным конфликтам в го-

родах между властью, инвесторами и населением. Еще одна особенность — это новые принципы формирования локальных сообществ, что также трансформирует социально-экономическое пространство городов. Если в советском городе сообщество больше формировалось по месту работы, то в постсоветском городе — по месту жительства или по интересам, взглядам, вероисповеданию и т.п.

В-шестых, все большее внимание уделяется формированию эффективных общественных пространств. Качественное общественное пространство повышает инвестиционную и туристическую привлекательность города, дает возможность коммуникации. Именно поэтому в конкурентоспособных городах формируются совершенно различные по размерам и функциям общественные пространства. Если в социалистическом городе основным общественным пространством считалась главная площадь и центральные улицы, использующиеся для шествий, парадов и демонстраций, то в постсоциалистическом городе существующие общественные пространства трансформируются, диверсифицируются и активно создаются новые. Улицы и площади, парки, городские рынки наполняются новым содержанием. Так, городской рынок является не просто местом продажи товаров, но и местом тестирования стартапов, местом общения локального сообщества.

В-седьмых, все большее внимание уделяется вопросам безопасности городской среды, причем безопасность понимается в самых разных смыслах, начиная

от экологической, транспортной, пожарной безопасности, и заканчивая антитеррористическими аспектами безопасности. Зачастую это приводит к фрагментации социально-экономического пространства города, к ограничению доступа на определенные территории, к формированию так называемых закрытых сообществ, что может нарушать интересы всего городского сообщества.

Наконец, в формировании социально-экономического пространства крупнейших городов и управлении им все большее значение приобретают новые технологии использования данных, включая использование больших баз данных, что вполне соответствует мировым тенденциям [13]. В результате активно внедряются элементы умных российских городов, в которых обновляются системы регулирования транспортными потоками, уборкой мусора, освещением и т.п.

Все обозначенные выше движущие силы и тенденции постепенно меняют конфигурацию социально-экономического пространства крупнейших городов России.

Библиографический список

1. Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Пространственная экономика. — 2010. — № 2. — С. 6–32.
2. Демьяненко А.Н., Украинский В.Н., Демьяненко Н.А. Российская пространственная экономика: библиометрический анализ // Пространственная экономика. — 2012. — № 3. — С. 111–134.

3. Жихаревич Б.С. Институциональное измерение регионального социально-экономического пространства: подход к исследованию // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. — 2011. — № 45. — С. 46–50.
4. Силин Я.П., Анимица Е.Г., Новикова Н.В. Тенденции развития экономического пространства Уральского макрорегиона // Управленец. — 2017. — № 2 (66). — С. 2–11.
5. Сурнина Н.М., Шишкина Е.А. Исследование особенностей развития социально-экономического пространства макрорегиона на основе свойств иерархичности и фрактальности // Известия Уральского государственного экономического университета. — 2012. — № 6 (44). — С. 102–107.
6. Заборова Е.Н. Феномен города с точки зрения теории социального пространства // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. — 2006. — № 2 (57). — С. 188–195.
7. Urban Eurasia : cities in transformation / edited by Isolde Brade and Carola S. Neugebauer. — Berlin : DOM publishers, 2017.
8. Capella, R. (2013). Recent Theoretical Paradigms in Urban Growth // European Planning Studies. Vol. 21, No. 3, 316–333.
9. Montgomery, J. (2008). The New Wealth of Cities. City Dynamics and the Fifth Wave. Ashgate Publishing Limited. 437 p.
10. Thiel, J. (2015). Creative cities and the reflexivity of the urban creative economy // European Urban and Regional Studies. Vol. 24 issue: 1. P. 21–34.
11. Golubchikov, O. (2017). From a sports mega-event to a regional megaproject: the Sochi winter Olympics and the return of geography in state development priorities // International Journal of Sport Policy and Politics. DOI: 10.1080/19406940.2016.1272620.

12. Kinossian, N. (2012). 'Urban entrepreneurialism' in the post-socialist city: governmentled urban development projects in Kazan, Russia // *International Planning Studies*, Vol. 17(4), P. 333–352.
13. Thakuriah, P., N. Tilahun and M. Zellner (2015). Big Data and Urban Informatics: Innovations and Challenges to Urban Planning and Knowledge Discovery. In *Proc. of NSF Workshop on Big Data and Urban Informatics*, p. 4-32.

Reference

1. Minakir P.A., Dem'yanenko A.N. Prostranstvennaya ehkonomika: ehvolyuciya podhodov i metodologiya // *Prostranstvennaya ehkonomika*. — 2010. — № 2. — P. 6–32.
2. Dem'yanenko A.N., Ukrainskij V.N., Dem'yanenko N.A. Rossijskaya prostranstvennaya ehkonomika: bibliometricheskij analiz // *Prostranstvennaya ehkonomika*. — 2012. — № 3. — P. 111–134.
3. Zhiharevich B.S. Institucional'noe izmerenie regional'nogo social'no-ehkonomicheskogo prostranstva: podhod k issledovaniyu // *Ehkonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya*. — 2011. — № 45. — P. 46–50.
4. Silin Y.P., Animica E.G., Novikova N.V. Tendencii razvitiya ehkonomicheskogo prostranstva Ural'skogo makroregiona // *Upravlenec*. — 2017. — № 2 (66). — P. 2–11.
5. Surnina N.M., Shishkina E.A. Issledovanie osobennostej razvitiya social'no-ehkonomicheskogo prostranstva makroregiona na osnove svojstv ierarhichnosti i fraktal'nosti // *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ehkonomicheskogo universiteta*. — 2012. — № 6 (44). — P. 102–107.
6. Zaborova E.N. Fenomen goroda s tochki zreniya teorii social'no-go prostranstva // *Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo*

- universiteta. Seriya: Social'no-gumanitarnye nauki. — 2006. — № 2 (57). — S. 188–195.
7. Urban Eurasia : cities in transformation / edited by Isolde Brade and Carola S. Neugebauer. — Berlin : DOM publishers, 2017.
 8. Capella, R. (2013). Recent Theoretical Paradigms in Urban Growth // European Planning Studies. Vol. 21, No. 3, 316–333.
 9. Montgomery, J. (2008). The New Wealth of Cities. City Dynamics and the Fifth Wave. Ashgate Publishing Limited. 437 p.
 10. Thiel, J. (2015). Creative cities and the reflexivity of the urban creative economy // European Urban and Regional Studies. Vol. 24 issue: 1. P. 21–34.
 11. Golubchikov, O. (2017). From a sports mega-event to a regional megaproject: the Sochi winter Olympics and the return of geography in state development priorities // International Journal of Sport Policy and Politics. DOI: 10.1080/19406940.2016.1272620.
 12. Kinossian, N. (2012). 'Urban entrepreneurialism' in the post-socialist city: governmentled urban development projects in Kazan, Russia // International Planning Studies, Vol. 17(4), P. 333–352.
 13. Thakuriah, P., N. Tilahun and M. Zellner (2015). Big Data and Urban Informatics: Innovations and Challenges to Urban Planning and Knowledge Discovery. In Proc. of NSF Workshop on Big Data and Urban Informatics, p. 4–32.

Контактная информация:

620144, Екатеринбург, 8 Марта/Народной Воли, 62/45, Уральский государственный экономический университет

620144, Ekaterinburg, 8 March / Narodnaya Volya, 62/45, Ural State Economic University

e-mail: nat-vlasova@yandex.ru

СОСТОЯНИЕ РЫНКА ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ ТОВАРОВ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1990 ГОДУ

(по материалам Центра документации
общественных организаций)

CONDITION OF THE MARKET OF FOOD GOODS OF THE SVERDLOVSK REGION IN 1990

(on materials of the Center of documentation
of public organizations)

В.Н. МАМЯЧЕНКОВ

Профессор кафедры региональной экономики, инновационного предпринимательства и безопасности, Институт государственного управления и предпринимательства, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина; профессор кафедры государственного и муниципального управления, Институт экономики, Уральский

государственный экономический университет,
доктор исторических наук

V.N. MAMYACHENKOV

Professor of the Department of Regional Economics, Innovative Business and Security, Institute of Public Administration and Entrepreneurship, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin; Professor of the Department of State and Municipal Administration, Institute of Economics, Ural State University of Economics, Doctor of Historical Sciences

АННОТАЦИЯ

В статье утверждается, что разработка проблематики системного кризиса в высшей степени актуальна. Констатируется, что наиболее объективными источниками являются архивные материалы. Отмечается, что частое отсутствие необходимых товаров потребительского спроса в магазинах было обычным явлением для населения Среднего Урала и большинства других регионов. Доказывается, что с 1990 г. начинается быстрое и неотвратимое сползание страны в сторону даже уже не кризиса, а продовольственного коллапса. Делается вывод, что именно кризисная ситуация на продовольственных рынках страны во многом послужила катализатором тех событий, которые и привели в декабре 1991 г. к распаду СССР.

Статья посвящена лишь фрагментарно разработанной в отечественной историографии теме, особенно в том, что касается ее регионального аспекта. Исследование проведено на материалах Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Утверждается, что разработ-

ка проблематики системного кризиса, приведшего к распаду СССР, в высшей степени актуальна, а состояние потребительского рынка является важным индикатором экономического положения страны или ее регионов. Констатируется, что наиболее объективными источниками являются материалы федеральных и региональных архивов. Декларируется, что исследуя материалы архивных фондов, можно в деталях воссоздать тяжелейшую ситуацию, сложившуюся на потребительском рынке Свердловской области и всей страны в 1990 г. – последнем году существования СССР. Отмечается, что частое отсутствие необходимых товаров потребительского спроса в магазинах было обычным явлением для населения Среднего Урала и большинства других регионов, а сам рынок и в советский период истории России служил индикатором социально-экономической ситуации в стране. Доказывается, что с 1990 г. начинается быстрое и неотвратимое сползание страны в сторону даже уже не кризиса, а продовольственного коллапса. Делается вывод, что именно кризисная ситуация на продовольственных рынках страны во многом послужила катализатором тех событий, которые и привели в декабре 1991 г. к распаду СССР.

ABSTRACT

The article is devoted only to a fragment fragmented in the Russian historiography, especially as regards its regional aspect. The study was carried out on the materials of the Documentation Center of Public Organizations of the Sverdlovsk Region (CDCE). It is alleged that the development of the problems of the systemic crisis that led to the collapse of the USSR is highly relevant, and the state of the consumer market is an important indicator of the economic situation of the country or its regions. It is stated that the

most objective sources are the materials of federal and regional archives. It is declared that by examining the materials of archival funds, it is possible to reconstruct in detail the grave situation that has developed in the consumer market of the Sverdlovsk region and the whole country in 1990, the last year of the existence of the USSR. It is noted that the frequent absence of necessary consumer goods in stores was common for the population of the Middle Urals and most other regions, and the market itself served as an indicator of the socioeconomic situation in the country during the Soviet period of the history of Russia. It is proved that since 1990 rapid and inevitable slipping of the country in the direction of even no longer a crisis, but a food collapse. The conclusion is drawn that it was the crisis situation in the country's food markets that largely served as a catalyst for the events that led to the collapse of the USSR in December 1991.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Продовольственные товары, Свердловская область, социально-экономические реформы, системный кризис.

KEYWORDS

Food goods, Sverdlovsk region, social and economic reforms, systemic crisis.

Трудно спорить с тем, что состояние потребительского рынка является важным индикатором экономического положения страны или ее регионов: ведь любая активизация экономической жизни начинается обычно с него, а всякий кризис отражается прежде всего на его стабильности. Конечно, в услови-

ях планово-распределительной экономики функции потребительского рынка до предела сужены и порой трудноотличимы от рутинного распределения материальных благ. Тем не менее и в советский период истории России рынок товаров потребительского спроса чутко реагировал на изменения социально-экономической ситуации в стране. Так было и во второй половине 1980-х гг., когда СССР вступал в эпоху кардинальных социально-экономических реформ, получивших обобщенное название «перестройка».

Несмотря на то что упомянутые события происходили почти три десятилетия назад, оценки их причин и последствий до сих пор разнятся до противоположных, что делает разработку проблематики системного кризиса, приведшего к распаду СССР, в высшей степени актуальной. При этом одними из наиболее объективных источников являются, по нашему мнению, материалы, хранящиеся в различных федеральных и региональных архивах. В Свердловской области одним из наиболее известных архивов является Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО), располагающий довольно широким кругом материалов по интересующему нас периоду — 1990 году, последнему году существования СССР. Именно на материалах данного архива (бывшего партийного архива обкома КПСС) автор настоящей статьи уже исследовал, например, парадоксы потребления населением продовольственных товаров в начале 1990-х гг. [1].

Анализируя материалы архивных фондов, можно в деталях воссоздать тяжелейшую ситуацию, сложившуюся тогда на продовольственном (и вообще на потребительском) рынке Свердловской области. Например, в информации областного комитета КПСС первых месяцев 1990 г. говорится следующее: «В области в настоящее время из основных продуктов питания имеются бесперебойно в продаже только хлеб, макаронные изделия и крупы 3–4 наименований, масло растительное, маргариновая продукция, яйца, из кондитерских изделий — пряники, рыба свежемороженая одного наименования, соленая 2–3-х наименований, консервы только из морской капусты и пресервы 2–3-х видов и некоторые другие товары. Значительно ухудшилась торговля мясом птицы: в продаже она с постоянными перебоями. В 20-ти городах области торговля колбасными изделиями производится по талонам, однако из-за необеспеченности мясопродуктами мяскокомбинаты работают с перебоями и талоны, выданные населению, постоянно не отовариваются, что вызывает недовольство трудящихся. В сельской местности колбасные изделия бывают эпизодически и по кооперативным ценам. Из-за ухудшающейся торговли птицей и колбасными изделиями резко подскочили цены на рынках: в настоящее время 1 кг говядины стоит 8 руб., свинины — 6 руб. Повсеместно в области торговля сахаром производится по талонам, в отдельных городах и районах введены талоны на чай, во многих — на алкогольные напитки... 29 декабря 1989 г. в Свердловске

произошел стихийный митинг на почве нехватки мясо-продуктов» [2, оп. 119, д. 547, лл. 31, 41].

Из процитированного документа видно, что руководство области достаточно объективно оценивало ситуацию на продовольственном рынке, но воздействовать на нее оно практически не могло — в его распоряжении были инструментарии только плано-распределительного характера. Впрочем, оно с трудом управляло ситуацией и в предыдущие десятилетия, ведь кризис продовольственного рынка в стране носил системный характер, то есть не мог быть разрешен в рамках советской системы хозяйствования. Не будет открытием сказать, что продовольственный кризис в той или иной мере был неотъемлемым атрибутом жизни всех регионов страны и ощущался даже в сравнительно благополучные 1970-е годы.

Вот, например, что говорилось в одном из документов Свердловского обкома КПСС (которым, кстати, руководил тогда Б.Н. Ельцин) от 1978 г., направленного в адрес ЦК партии: «Торговля мясом в области не производится (выделено нами. — В.М.). В продаже имеются [только] колбасные изделия, ассортимент которых ограничен. В отдельных городах Свердловской области торговля ими производится с перебоями. Расход мясо-продуктов в 1977 году в Свердловской области составил 190,4 тыс. т, на 1978 год выделено столько же. Для бесперебойной торговли колбасными изделиями необходимо выделение в текущем году [дополнительно] не менее 5 тыс. т мясопродуктов. Торговля молоком и мас-

лом во многих городах области производится с перебоями, их не хватает на полный день. Практически отсутствует творог, крайне недостаточно молочнокислых продуктов. Необходимо дополнительно выделить на текущий год 4000 т масла и 500 т сыров» [2, оп. 89, д. 212, лл. 81–82].

Таким образом, частое (а порой — постоянное) отсутствие необходимых товаров потребительского спроса в магазинах было обычным явлением для населения Среднего Урала и большинства других регионов (за исключением Москвы, столиц союзных республик и стратегически важных «атомных» городов). Но можно утверждать, что с 1990 г. начинается быстрое и неотвратимое сползание страны в сторону даже уже не кризиса, а продовольственного коллапса: именно в указанном году в документах обкома партии применительно к сложившейся на потребительском рынке ситуации появляются термины «чрезвычайная» и «критическая». Так, в записке обкома партии под названием «О чрезвычайной ситуации в снабжении продовольствием и товарами народного потребления населения Свердловской области» от октября 1990 г. говорилось следующее:

«В текущем году, начиная с июля, резко обострилась обстановка в торговле практически всем ассортиментом продовольственных и непродовольственных товаров и в сентябре достигла критической (выделено нами. — В.М.) ситуации. Из-за постоянных срывов поставок в область из других регионов страны за 9 месяцев недополучено и,

соответственно, не продано населению товаров на 84,2 млн руб., в том числе продовольственных — на 58,6 млн. Вызывает особую тревогу снижение продажи жизненно важных продуктов питания: мясных, рыбных, молочных, масла животного, сахара. За 9 месяцев сократилась продажа мясных продуктов на 13,7 тыс. т (7,3%), молочных — на 31,5 тыс. т (2,7%), в том числе животного масла на 1447 т (6,3%), рыбы свежемороженой на 1049 т (2,5%), сахара — на 6258 т (7,6%)... На октябрь завоз масла не запланирован... Из-за необеспеченности мукой предприятий хлебопекарной промышленности торговля хлебом проходила крайне напряженно. Резко увеличилась продажа крупы и макаронных изделий, в результате в большинстве городов и районов в постоянной продаже эти продукты исчезли, а в ряде городов были введены талоны» [2, оп. 119, д. 547, лл. 78–80].

Тот факт, что ухудшение состояния продовольственного рынка происходило довольно высокими темпами, подтверждается снижением цифр среднедушевого потребления продуктов питания населением области (см. таблицу). По приведенной нами таблице видно, что за три года потребление мяса, молока и масла животного сократилось почти на 10%, а сахара — более чем на 10%. Сократилось даже (правда, незначительно) потребление «второго хлеба» — картофеля. Лишь некоторой компенсацией этому послужил рост потребления рыбопродуктов.

В фондах ЦДООСО хранится изданный фактически только для служебного пользования документ Сверд-

ловского областного управления статистики под названием «О социально-экономическом развитии Свердловской области за январь-декабрь 1990 г.» [2, оп. 119, д. 495, л. 86]. Он интересен тем, что в нем обком партии дает оценку состояния потребительского рынка (в том числе продовольственного) в 1990 г. и подводит его итоги. В частности, в документе говорится, что за указанный год в Свердловской области сократилось производство: масла животного — на 166, расфасованного растительного масла — на 275, рыбной продукции — на 680 т, мяса — на 6,5, колбасных изделий — на 7, а цельномолочной продукции — на 26,2 тыс. т. Это при том, что значительная часть продуктов питания завозилась в Свердловскую область из других регионов — в документе прямо говорится, что в 1990 г. области «по плану дотаций из союзно-республиканского бюджета недопоставлено 17, 2 тыс. т мяса и 89,6 тыс. т молока» [2, оп. 119, д. 495, л. 88].

Последние фразы документа звучали уже как грозная прелюдия грядущим тяжелым событиям: «Неуверенность в завтрашнем дне побуждает население приобретать продовольствие в запас. Расширяется практика нормированного распределения основных продуктов питания... В настоящее время в торговой сети раскупаются практически все товары, сократились запасы товаров, введены нормы отпуска на все виды товаров» [2, оп. 119, д. 495, л. 90].

Подводя итоги нашего небольшого исследования, можно констатировать, что в 1990 г. на продоволь-

ственном рынке Свердловской области сложилась абсолютно нетерпимая ситуация острейшего кризиса, что требовало принятия в следующем, 1991 году принятия самых неотложных мер. Но, как известно, таковые так и не были приняты. Как нам представляется, именно кризисная ситуация на продовольственных рынках практически всех регионов во многом послужила катализатором дестабилизации общей обстановки в стране, а также тех событий, которые и привели в декабре 1991 г. к распаду СССР.

Таблица

Потребление продуктов питания населением Свердловской области в 1988–1990 гг. (на одного члена семьи в год по 1300 обследуемым семьям) [2, оп. 119, д. 547, л. 110]

Наименование продуктов	Годы		Разница, кг	В %
	1988	1990		
Рыба и рыбопродукты	16,2	17,6	+ 1,4	+ 8,6
Фрукты и ягоды	43,8	45,4	+ 1,6	+ 3,7
Овощи и бахчевые	86,1	88,3	+ 2,2	+ 2,6
Хлебопродукты	78,5	79,5	+ 1,0	+ 1,3
Кондитерские изделия	13,6	13,7	+ 0,1	+ 0,7
Картофель	80,2	79,5	- 0,7	- 0,9
Молокопродукты	398,1	375,6	- 22,5	- 5,7
- в т.ч. молоко	109,2	100,5	- 8,7	- 8,0
- в т.ч. масло животное	6,7	6,1	- 0,6	- 9,0
Яйца, шт.	242,1	227,7	- 14,4	- 5,9
Мясо	72,1	65,4	- 6,7	- 9,3
Сахар	22,9	20,4	- 2,5	- 10,9

Библиографический список

1. Мамяченков В.Н. Шоковая терапия в Свердловской области: парадоксы потребления / В.Н. Мамяченков // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы VIII Всероссийской научной конференции [г. Екатеринбург], 27–28 апреля 2007 г. — Екатеринбург: АМБ, 2007. — Т. 2. — С. 166–168.
2. ЦДООСО — Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф.4 (Обком КПСС).

Reference

1. Mamyachenkov V.N. Shokovaya terapiya v Sverdlovskoy oblasti: paradoksyi potrebleniya / V.N. Mamyachenkov // Ural industrialnyiy. Bakuninskie chteniya : materialy VIII Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii [g. Ekaterinburg], 27–28 aprelya 2007 g. — Ekaterinburg: AMB, 2007. — Т. 2. — S. 166–168.
2. TsDOOSO — Tsentr dokumentatsii obschestvennyih organizatsiy Sverdlovskoy oblasti. F.4 (Obkom KPSS).

Контактная информация:

Институт государственного управления и предпринимательства, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Почтовый адрес: 620 000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 13Б.

Institute of Public Administration and Entrepreneurship, Ural Federal University named after the first President of Russia BN Yeltsin. Mailing address: 620 000, Ekaterinburg, Lenin Ave., 13B.

E-mail: mamyachenkov@mail.ru

УСТОЙЧИВОСТЬ СИСТЕМЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ТЕОРЕТИКО- МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹

THE STABILITY OF THE SYSTEM OF FOOD SECURITY: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECT

А.В. КУРДЮМОВ

Заведующий кафедрой конкурентного
права и антимонопольного
регулирования,
Уральский государственный
экономический университет, кандидат
экономических наук

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-02-00327 «Формирование устойчивой системы продовольственной безопасности Российской Федерации в условиях воздействия экстремальных факторов: теоретические и методологические аспекты».

A.V. KURDYUMOV

Head of the Department of Competition Law of Antimonopoly Regulation, The Ural State Economic University, Candidate of Economic Sciences

АННОТАЦИЯ

Используя теоретико-методологический аппарат различных научных подходов, в статье рассматриваются значимые характеристики устойчивой системы продовольственной безопасности, акцентированные в открытости, динамичности и асинхронности формирующейся совокупности правил. При анализе категории «устойчивая система продовольственной безопасности» использован синергетический, системно-прогностический, системно-функциональный, ситуационный, социологический и социокультурный подходы, позволяющие сформировать методологию оценки устойчивости системы продовольственной безопасности с учетом трансформирующейся системы продовольственной безопасности.

ABSTRACT

Using the theoretical and methodological apparatus of different scientific approaches in the scientific article discusses the important characteristics of a sustainable food security system, accented in openness, dynamics and asynchrony emerging set of rules. When analyzing the essence of the category “sustainable food security” is used a synergistic, systemic-prognostic, systemic-functional, situational, sociological and socio-cultural approaches that allow to formulate methodological approaches to the identification and assessment of the sustainability of the food safety system taking into account transforming the food safety system in the

conditions of influence of extreme factors of different nature. The conclusion about the most promising approaches for the stability analysis of the food safety system are synergistic and institutional approaches.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Устойчивость системы, система продовольственной безопасности, продовольственная безопасность, воздействие экстремальных факторов.

KEYWORDS

System stability, system of food security, food security, the impact of extreme factors.

В условиях всемирной интеграции и расширения границ влияния доминирующих государств на экономические, политические и культурные процессы других стран обострились проблемы обеспечения жизнедеятельности человеческого общества, в том числе обеспечение населения продовольствием, в основе которого лежит продовольственная безопасность.

На государственном уровне вопросы продовольственной безопасности находят свое отражение в нормативных правовых актах, закрепляющих допустимый уровень обеспечения продовольственной безопасности, в которых акцент ставится на собственном производстве продовольствия.

Основополагающим нормативным правовым актом в Российской Федерации, регламентирующим уровень обеспечения продовольственной безопасности

и раскрывающим понятие «продовольственная безопасность», является Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации.

В настоящее время определение «продовольственная безопасность» и основные ее принципы заложены в Доктрине продовольственной безопасности России, базирующейся на законопроектах 1997 и 1999 гг. Однако следует констатировать, при наличии значительного количества исследований в области формирования и развития системы продовольственной безопасности России отсутствует формализованная методология оценки устойчивости системы продовольственной безопасности [1].

В современную эпоху массового потребления проблема перехода социально-экономических систем на модель устойчивого развития приобретает особую актуальность, вызывая повышенный интерес к ней как отечественных, так и зарубежных ученых. Исследованию различных аспектов и уровней устойчивого развития посвящены труды мировых ученых.

В то же время у научного сообщества остается много спорных и нерешенных вопросов, что позволяет утверждать о стадии становления теории устойчивого развития социально-экономических систем.

Во-первых, некоторые ученые до сих пор не понимают, как соотносятся между собой понятия «устойчивость», «устойчивый рост», «устойчивое развитие», и не пришли к единому мнению о категории «устойчивость социально-экономической системы».

Во-вторых, дискуссия разворачивается вокруг корректности понятия «устойчивость динамичной социально-экономической системы», с учетом философского методологического подхода устойчивость выражается в постоянстве и пребывании в одном состоянии, противоположном ее изменению.

Ученые Абалкин Л.И., Гордиенко Д.В., Конопляник Т.М. рассматривают устойчивость системы через прямую связь с прочностью, надежностью, стабильностью, безопасностью и целостностью системы [2, 3, 4].

Применительно к сельской местности, Э.Н. Крылатых отмечает, что «устойчивое сельское развитие — необратимый процесс качественного улучшения всех составляющих сельского развития и достижение синергетического эффекта за счет комплексного применения факторов (ресурсов)» [5].

Калинчиков М.Ю., Дунаев О.Н., Дружинин А.Н. рассматривают устойчивость системы через способности саморазвития [6, 7].

Исследователями Чайковской Н.В., Бодряшовым Е.С., Кретиным В.А. устойчивость системы рассматривается как интегрированное свойство системы сохранять динамическое равновесие при изменении в допустимых пределах параметров внешней и внутренней среды [7, 8].

С целью уточнения и формирования методологии оценки устойчивости системы продовольственной безопасности следует использовать теоретико-методологический аппарат различных научных взглядов в разрезе

различных научных подходов (синергетический, системно-прогностический, системно-функциональный и ситуационный), которые в наибольшей степени раскроют характеристики исследуемого объекта.

Используя системно-функциональный подход, система продовольственной безопасности рассматривается как структурно-сложная социально-экономическая система, являющаяся подсистемой более крупной системы национальной безопасности, находящаяся в постоянной взаимосвязи с ее иными подсистемами.

Применение синергетического подхода позволяет рассматривать продовольственную безопасность с позиции системы, которой присущи следующие характеристики: открытая, сложная, нелинейная система, находящаяся в состоянии неустойчивости. Необходимо отметить, что по мере отклонения системы от равновесного состояния она становится чувствительнее к внешним воздействиям — система продовольственной безопасности, находящаяся в условиях трансформаций, является более восприимчивой к изменениям внешней среды.

В рамках данного исследования следует отметить наличие многочисленных флуктуаций системы продовольственной безопасности как внешнего (демографическая, структурная деформированность, интеграционные процессы, коррупция и т.п.), так и внутреннего (ухудшение материало- и энергоемкости продукции, низкий технико-технологический уровень, инновационная и т.п.) характера.

С позиции системно-прогностического подхода продовольственная безопасность рассматривается как целостная система, являющаяся частью национальной безопасности, находящаяся в динамике и отражающая происходящие в ней перемены, но в достаточной степени автономная, имеющая собственную инфраструктуру и развивающаяся в соответствии с собственными целями и закономерностями.

Ситуационный подход позволяет характеризовать продовольственную безопасность как систему продовольственной безопасности, формирующуюся как реакция на воздействие извне поступающих сигналов. В основе данного подхода лежит обусловленность присутствия одного явления другим.

С точки зрения социологического подхода система продовольственной безопасности представляет собой уровень удовлетворенности обеспечением продовольствием, его физической и экономической доступности населению, безопасностью пищевых продуктов, как непосредственно включенных в его систему, так и косвенно связанных с ней.

В основе социокультурного подхода лежит социальный контекст структуры питания различных социальных общностей. В рамках данного методологического подхода система продовольственной безопасности рассматривается как социокультурный феномен.

Учитывая трансформационные процессы системы продовольственной безопасности России, являющие-

ся следствием государственной политики, наиболее перспективными для реализации поставленной цели исследования являются синергетический и институциональный подходы.

Протекающие в системе продовольственной безопасности любые трансформации, в том числе гармонизация агропродовольственного пространства, направленная на обеспечение национальной продовольственной безопасности, должны в основе своей иметь понятное институциональное поле, обладающее конкретными характеристиками.

С позиции институционального подхода следует рассматривать систему продовольственной безопасности в условиях транснационального процесса продовольственного обеспечения как открытую, динамическую, асинхронную формирующуюся совокупность норм и правил, опосредующих или воздействующих на отношения в области трансформирующейся системы продовольственной безопасности.

Значимые характеристики, содержащиеся в данной формулировке акцентированы в открытости, динамичности и асинхронности формирующихся совокупности правил.

Синергетический подход позволяет интерпретировать с позиции теории и методологии *открытость* системы продовольственной безопасности как наличие источников постоянного взаимодействия нормами и правилами на транснациональном уровне, в силу динамичности изменяющихся процессов.

Динамичность обусловлена наличием постоянных изменений институциональной среды системы продовольственной безопасности, обусловленных воздействием различных факторов социально-экономической и нормативно-правовой природы.

Асинхронность формирования институциональной среды системы продовольственной безопасности обусловлена различными временными интервалами формирования и развития формальных и неформальных институтов в постоянно изменяющихся условиях как на международном, так и национальном уровне.

Представляется, что институциональная среда системы продовольственной безопасности имеет сложную структуру, состоящую из формальных (нормативно-правовые акты) и неформальных (обычаи, привычки и т.д.) институтов на макро- и микроуровне, функциональные составляющие которой заключаются в социальной, экономической, политической и правовой подсистемах.

Институциональной структурой системы продовольственной безопасности в контексте нашего исследования следует считать относительно упорядоченную систему норм и правил, структурирующих отношения в области трансформирующейся системы продовольственной безопасности в условиях воздействия различных факторов.

Достижение предсказуемости поведения экономических стейкхолдеров системы продовольственной безопасности в соответствии с институциональными установками служит критерием степени завершено-

сти (стабилизации) процесса формирования институционализации объекта исследования.

Применительно к объекту нашего исследования целью институционализации можно считать построение стабильной институциональной структуры трансформирующейся системы продовольственной безопасности в условиях воздействия экстремальных факторов различной природы.

Соответствующим уровням институциональной структуры системы продовольственной безопасности характерны целенаправленные изменения, позволяющие корректировать состояние с помощью дополнительных параметров (элементов). В основе формирования данных изменений первостепенная роль отводится государству.

Современная институциональная структура системы продовольственной безопасности является неустойчивой и находится в процессе формирования. Следовательно, целесообразно осуществлять анализ и оценку состояния институциональной среды системы продовольственной безопасности с целью прогнозирования перспективы формирования устойчивой системы продовольственной безопасности в условиях воздействия экстремальных факторов различной природы.

Библиографический список

1. Семин А.Н., Третьяков А.П. Аграрный сектор экономики в системе продовольственной безопасности государства [Текст] // монография. Екатеринбург, 2016.

2. Абалкин Л.И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. — 1994. — № 12. — С. 4.
3. Гордиенко Д.В. Перспективы повышения уровня экономической безопасности России [Текст] / Д.В. Гордиенко // Национальные интересы. Приоритеты и безопасность. — 2010. — № 15. — С. 33–44.
4. Петриков А.В. Политика сельского хозяйства в России: проблемы и приоритеты [Текст] / А.В. Петриков // Устойчивое развитие сельской местности: концепции и механизмы. — М.: Энциклопедия российских деревень. — 2001. — С. 79.
5. Крылатых Э.Н. Социально-экономические факторы и риски развития сельской местности (методологические аспекты) [Текст] / Э.Н. Крылатых // Устойчивое развитие сельской местности: концепции и механизмы. — М.: Энциклопедия российских деревень. — 2001.
6. Калинин М.Ю. Теоретико-методические основы концепции устойчивого развития региона [Текст] / Региональная экономика: теория и практика. — 2005. — № 9 (24).
7. Ускова Т.В. Управление устойчивым развитием региона [Текст] / Т.В. Ускова. — Вологда: ИСЭРТ РАН. — 2009. — С. 15.
8. Чайковская Н.В. Проблемы экономической устойчивости хозяйственной системы региона [Текст] / Н.В. Чайковская // Региональная экономика: теория и практика. — 2005. — № 6. — С. 33–35.

References

1. Semin A.N., Tretyakov A.P. Agrarnyi sektor ekonomiki v sisteme prodovol'stvennoi bezopasnosti gosudarstva [Текст] // монография. Ekaterinburg, 2016.

2. Abalkin L.I. Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii: ugrozy i ikh otrazhenie // Voprosy ekonomiki. — 1994. — № 12. — S.4.
3. Gordienko D.V. Perspektivy povysheniya urovnya ekonomicheskoi bezopasnosti Rossii [Tekst] / D.V. Gordienko // Natsional'nye interesy. Prioritety i bezopasnost'. — 2010. — № 15. — S. 33–44.
4. Petrikov A.V. Politika sel'skogo khozyaistva v Rossii: problemy i priority [Tekst] / A.V. Petrikov // Ustoichivoe razvitie sel'skoi mestnosti: kontseptsii i mekhanizmy. — M.: Entsiklopediya rossiiskikh dereven'. — 2001. — S. 79.
5. Krylatykh E.N. Sotsial'no-ekonomicheskie faktory i riski razvitiya sel'skoi mestnosti (metodologicheskie aspekty) [Tekst] / E.N. Krylatykh // Ustoichivoe razvitie sel'skoi mestnosti: kontseptsii i mekhanizmy. — M.: Entsiklopediya rossiiskikh dereven'. — 2001.
6. Kalinchikov M.Yu. Teoretiko-metodicheskie osnovy kontseptsii ustoichivogo razvitiya regiona [Tekst] / Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika. — 2005. — № 9 (24).
7. Uskova T.V. Upravlenie ustoichivym razvitiem regiona [Tekst] / T.V. Uskova. — Vologda: ISERT RAN. — 2009. — S. 15.
8. Chaikovskaya N.V. Problemy ekonomicheskoi ustoichivosti khozyaistvennoi sistemy regiona [Tekst] / N.V. Chaikovskaya // Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika. — 2005. — № 6. — S. 33–35.

Контактная информация:

Уральский государственный экономический университет
620144, РФ, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, 62/45
The Ural State Economic University, 620144, RF, Yekaterinburg, 8 Marta
/ Narodnoy Voli St. , 62/45. E-mail: kurdyumov@usue.ru

БАРОМЕМБРАННАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ПЕРЕРАБОТКИ МОЛОЧНОЙ СЫВОРОТКИ КАК ФАКТОР ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

BAROMEMBRANE MILK WHEY PROCESSING TECHNOLOGY AS A FACTOR OF FOOD SECURITY OF THE URAL REGION

В.А. ЛАЗАРЕВ

Заместитель директора Института торговли,
пищевых технологий и сервиса,
доцент кафедры пищевой инженерии
Уральского государственного экономического
университета, к.т.н.

V.A. LAZAREV

Vice-director of the Trade, Food technology and Services Dept., Associate Professor of the Food Engineering Dept. of the Ural State University of Economics, Cand. Sc. (Tech.)

АННОТАЦИЯ

В статье раскрыты основные проблемы продовольственной безопасности региона в отрасли переработки молока. Рассмотрены основные направления переработки молочной сыворотки. Предложен метод безотходной переработки молочной сыворотки с применением баромембранной технологии. Приведено авторское решение безотходной переработки молочной сыворотки в две стадии: ультрафильтрации молочной сыворотки на керамических мембранах отечественного производства без предварительной подготовки, обратноосмотическом концентрировании пермеата с последующим смешиванием. Экспериментально определены оптимальные режимные параметры процессов ультрафильтрации и обратного осмоса, подтвержденные в условиях производства.

ABSTRACT

The article reveals the main problems of food security in the region in the milk processing industry. The main directions of processing of whey are considered. A method of non-waste processing of whey with the use of baromembrane technology is proposed. The author's solution of non-waste processing of whey in two stages is presented: ultrafiltration of milk whey on domestic-produced ceramic membranes without preliminary preparation, reverse-osmotic concentration of permeate and mixing both of products. The optimal regime parameters of ultrafiltration and re-

verse osmosis processes, confirmed in production conditions, were experimentally determined.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Переработка молока, мембранная технология, продовольственная безопасность, молочная сыворотка, ультрафильтрация, обратный осмос, Уральский регион.

KEYWORDS

Milk processing, membrane technology, food security, milk whey, ultrafiltration, reverse osmosis, the Ural region.

ВВЕДЕНИЕ

Переработка молока является важным сегментом отрасли молочного животноводства. Объемы переработки молочного сырья в России продолжают ежегодно увеличиваться, но при этом импорт молочных продуктов из-за рубежа сокращается незначительно. Особенно остро стоит проблема утилизации молочной сыворотки, образующейся в большом количестве при производстве различных видов сыров и творога [1]. Отношение к сыворотке как к отходу производства, сброс ее в канализацию, или того хуже — непосредственно в водные или другие природные объекты, говорит о низкой культуре производства на данном предприятии, нехозяйственном подходе как к окружающей среде, так и к собственным материальным ресурсам. По расчетам Международной молочной ассоциации, из 140 млн тонн сыворотки, получаемой в мире, до 50% сливается сточными водами в канализацию. На терри-

тории России, по экспертным оценкам, этот процент достигает 80% и более [2].

Основными направлениями и продуктами переработки молочной сыворотки являются:

- использование в натуральном виде (изготовление пастеризованных и кисломолочных напитков на основе сыворотки; применение в хлебопечении в качестве улучшителя; производство кормовых смесей для сельскохозяйственных животных);
- производство концентратов (концентрирование в сухом и сгущенном виде с различным содержанием сухих веществ — смеси сухие молочные обезжиренные; альбумин молочный; сыворотка молочная сухая, в т.ч. деминерализованная; сыворотка сброженная сгущенная и т.д.);
- выделение наиболее ценных компонентов (сухие концентраты сывороточных белков; молочный жир; лактоза и др.);
- биологическая конверсия [2].

По данным статистического портала Ru-Stat [3], товарооборот России с другими странами по товарам из группы «молочная сыворотка» («молочная сыворотка, сгущенная или несгущенная, с добавлением или без добавления сахара или других подслащивающих веществ; продукты из натуральных компонентов молока, с добавлением или без добавления сахара или других подслащивающих веществ») с января по декабрь 2016 г. составил более 58.1 долл. млн, общим весом 118 тыс. тонн (рис. 1).

Основной товароборот пришелся на товары «сыворожка молочная, сгущенная или нет, с добавлением сахара или без» (84%) и «прочие молочные продукты с добавлением или без добавления сахара» (16%). В структуре товарооборота по странам на первом месте Беларусь (77%), на втором месте Аргентина (10%).

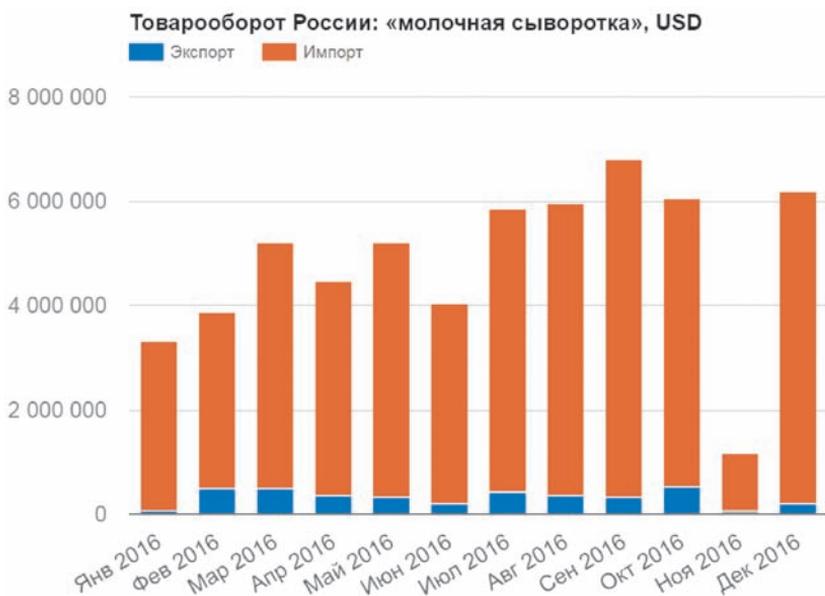

Рис. 1. Структура товарооборота России по товарам группы «молочная сыворожка»

Как показывает анализ, 99% продукции группы товаров «молочная сыворожка» в настоящее время импортируется из-за рубежа, что делает отечественные предприятия молочной отрасли зависимыми от по-

ставщиков-импортеров, как с позиции ценообразования, так и с точки зрения выполнения обязательств по срокам реализации поставок товарной продукции.

С целью обеспечения продовольственной безопасности Уральского региона и России в целом, целесообразно разрабатывать и внедрять в производство собственные безотходные технологии переработки молочной сыворотки, реализуемые с использованием отечественного оборудования. Уральский регион и, в частности, Свердловская область обладают значительным потенциалом в области переработки творожной и подсырной молочной сыворотки. В Свердловской области находится более 30 предприятий молокоперерабатывающей отрасли с возможностью расширения ассортимента и снижения издержек производства за счет реализации продуктов переработки молочной сыворотки.

Организация комплексной безотходной переработки молочной сыворотки производства не под силу многим предприятиям, так как требует больших финансовых вложений в сложное и дорогостоящее оборудование. На начальных этапах переработки целесообразно внедрять стадию концентрирования молочной сыворотки, реализация которой позволит достаточно быстро получать прибыль предприятием за счет продаж сывороточного концентрата с содержанием 20% сухих растворенных веществ. Концентрат может использоваться как самостоятельный продукт во многих отраслях пищевой промышленности [2], а также на самом предприятии-производителе. Из него можно получить

сухую сыворотку, организовав процесс сушки на месте или отправляя концентрат на централизованную сушку на специализированные предприятия.

Давно известно, что для концентрирования молочной сыворотки предпочтительными являются баромембранные технологии, являющиеся одним из критически важных направлений развития отечественной науки [4]. Согласно решению Правительственной комиссии по научно-технической политике от 21 июля 1996 г. мембранная технология получила статус критической технологии федерального уровня. Данная технология является ключевой для технологического обновления отечественной промышленности, обеспечения национальной безопасности, в том числе продовольственной, и устранения острых социально-экономических проблем, имеющих в России [5].

Из всего многообразия мембранных методов для переработки молочной сыворотки чаще всего применяют обратный осмос, нанофильтрацию и ультрафильтрацию, позволяющие получать продукты высокого качества. При переработке данными методами в концентрате остаются в нативном состоянии все белковые вещества, так как процесс протекает без нагрева сыворотки. По сравнению с концентрированием методом выпаривания в десятки раз снижаются энергетические затраты.

На рынке мембранного оборудования в настоящее время лидируют зарубежные фирмы GEA, APV, Tetra Pak, Alfa Laval и Tami. Оборудование, производимое

данными компаниями, имеет высокое качество исполнения, функциональный дизайн, высокую степень автоматизации и, как следствие, высокие рыночные цены. Также известно, что проблемой при переработке молочной сыворотки баромембранными методами является необходимость ее очистки перед подачей в мембранный модуль, так как полимерные мембранные элементы очень чувствительны к механическим включениям в перерабатываемом продукте, а также содержанию в нем жира. Нарушение технологии проведения подготовки или изменение состава исходной сыворотки приводят к существенному снижению технических характеристик мембранных установок, а также к быстрому износу полимерных мембранных элементов.

Анализ отечественных и зарубежных литературных источников показывает, что процесс концентрирования с применением баромембранных технологий должен состоять из двух стадий — ультрафильтрации с целью отделения высокомолекулярных компонентов (белок) на первом этапе и нанофильтрации или обратном осмосе с целью отделения лактозы и минеральных веществ на заключительном этапе. Процесс ультрафильтрации целесообразно осуществлять с применением керамических мембран, которые не требуют подготовки сыворотки. При этом срок эксплуатации керамических мембран в 3–5 раз больше по сравнению с полимерными мембранами; керамические мембраны значительно проще регенерируются.

Ниже приведены результаты исследований концентрирования подсырной сыворотки баромембранными методами. Исследования проводились в лабораторных условиях Уральского государственного экономического университета на кафедре пищевой инженерии и в условиях промышленного производства Крестьянского (фермерского) хозяйства Аникьева А.В. (г. Полевской Свердловской области).

На лабораторной установке были определены основные параметры оптимального режима процесса ультрафильтрации молочной сыворотки. В качестве исследуемых мембран были использованы керамические ультрафильтрационные мембраны отечественного производства (ООО «НПО „Керамикфильтр“», г. Москва).

Определено, что при допустимой проницаемости мембран, равной $40 \cdot 10^{-5} \text{ м}^3/(\text{м}^2 \cdot \text{ч})$, оптимальная скорость потока сыворотки над мембраной составила 1,75 м/с. Кроме того, определено оптимальное давление внутри мембранного контура при сохранении приемлемой проницаемости мембран, которое составило 0,3 МПа.

В производственных условиях исследования проводились на пилотной мембранной установке, изготовленной совместно с ООО «Молмашстрой» (г. Екатеринбург), состоящей из ультрафильтрационного и нанофильтрационного модулей.

В качестве мембранных фильтрующих элементов в ультрафильтрационном модуле применялись мем-

браны КУФЭ-19 (0,01) производства ООО «НПО „Керамикфилтър“» (г. Москва). Наночелтратичионни модуль был оснащен мембранами ЭРО-100-475 производства ЗАО «НТЦ „Владипор“» (г. Владимир).

Назначение ультрафелтратичионного модуля — разделение молочной сыворотки путем ультрафелтратичионии на белковый концентрат (альбумин) и пермеат (лактозно-солевой водный раствор). Подача сыворотки в данный модуль была организована напрямую из сыроизготовителя, без какой-либо предварительной подготовки. В процессе ультрафелтратичионного разделения получался сывороточный концентрат — раствор сливочной структуры с содержанием сухих растворенных веществ около 20% и пермеат, представляющий собой прозрачный раствор со слабым по окраске желто-зеленым цветом. Основным компонентом пермеата после ультрафелтратичионии являлась растворенная лактоза. Показатели исходного и конечного продуктов после модуля ультрафелтратичионии приведены в табл. 1.

Назначение обратноосмотического модуля — разделение лактозно-солевого водного раствора на концентрат лактозы и пермеат. Раствор подавался в наночелтратичионни модуль без какой-либо подготовки после процесса ультрафелтратичионии. В процессе наночелтратичионного разделения получался концентрат водного раствора лактозы — прозрачный раствор с интенсивным по окраске желто-зеленым цветом, с содержанием сухих растворенных веществ более 20% и пермеат, представляющий собой практически чистую воду, с не-

большим количеством солей, пригодный для СІР-мойки оборудования [6].

Образующиеся концентраты после модулей ультрафильтрации и обратного осмоса смешивались с получением сывороточного концентрата (табл. 2)

Таблица 1

Показатели исходного и конечного продуктов после модуля ультрафильтрации

Параметры	Сыворотка	Концентрат	Пермеат
Белок общий, %	0,91	8,42	0,01
Лактоза, %	4,66	6,25	4,45
Жир, %	0,37	3,4	0,0
Минеральные вещества, %	0,50	2,10	0,45
Сухие вещества, %	6,5	20,17	4,91

Таблица 2

Показатели конечного продукта (сывороточного концентрата)

Параметры	Белок общий, %	Лактоза, %	Жир, %	Минеральные вещества, %	Сухие вещества, %	Кислотность, оТ
Значение	2,15±0,15	14,95±0,02	0,20±0,05	0,67±0,05	17,97±0,22	19,50

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приведено авторское решение ультрафильтрации молочной сыворотки без ее предварительной подготовки на керамических мембранах КУФЭ-19 (0,01) производства ООО «НПО „Керамикфильтр“» (г. Москва). Установлено, что процесс ультрафильтрации эффективен до значений концентрации высокомолекулярных ве-

ществ в сыворотке $C = 8\%$ ВМВ при скорости потока $u \geq 1,5$ м/с; давлении $P = 0,3$ МПа; температуре $t = 20 \pm 5$ °С с применением керамических мембран КУФЭ-19 (0,01). Определено, что процесс обратноосмотического концентрирования эффективен при температуре $t = 20 \pm 5$ °С, рабочее давление $P = 2,0 - 2,4$ МПа для концентрации $C = 5 - 15\%$ СВ и $P = 3,8 - 5,0$ МПа для концентрации $C = 15 - 22\%$ СВ с применением мембран МГА-80П, при этом сыворотка обессоливается на 20%.

Разработана технологическая схема безотходной переработки молочной сыворотки: концентрация белка — 7,1 мг/л; концентрация лактозы — 49,3 мг/л; селективность УФ мембран по белку общему — 0,975; селективность ОО мембран по лактозе — 0,985; доля отбора пермеата на стадии УФ — 90%, на стадии ОО — 75%. Расчет экономических показателей, с учетом всех статей расходов, показал, что срок окупаемости линии составит 18 месяцев. Внедрение предлагаемой технологии безотходной переработки молочной сыворотки на все молокоперерабатывающие предприятия позволит обеспечить продовольственную безопасность Уральского региона и России в целом в сегменте молочной отрасли, исключив зависимость отечественной пищевой промышленности от зарубежных поставщиков продуктов группы товаров «молочная сыворотка».

Библиографический список

1. Храмцов А.Г., Нестеренко П.Г. Безотходная переработка молочного сырья. — М. КолосС, 2008.

2. Ожгихина Н.Н., Волкова Т.А. Рациональная переработка молочной сыворотки // Переработка молока. — 2012. — № 9. — С. 44–46.
3. Статистический портал Ru-Stat. Экспорт и импорт товаров группы «молочная сыворотка» с января по декабрь 2016 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ru-stat.com/date-M201601-201612/RU/trade/world/010404> (по данным ФТС России).
4. Евдокимов И.А. Современное состояние и перспективы переработки молочной сыворотки // Журнал «Переработка молока». — 2011. — № 9.
5. Платэ Н.А. Мембранные технологии — авангардное направление развития науки и техники XXI века // Крит. технол. мембраны. — 1999. — Т. 1. — С. 4–13.
6. Лазарев В.А., Тихонов С.Л., Муратов А.А. Безотходная мембранная технология переработки молочной сыворотки // Журнал «Индустрия питания». — 2017. — № 1 (2). — С. 60–71.

References

1. Khramtsov AG, Nesterenko PG Wasteless processing of dairy raw materials. — M. KolosS, 2008.
2. Ozhgikhina NN, Volkova TA Rational processing of dairy whey // Processing of milk. — 2012. — № 9. — P. 44–46.
3. Statistic portal Ru-Stat. Export and import of goods of the “milk whey” group from January to December 2016. <http://ru-stat.com/date-M201601-201612/RU/trade/world/010404> (according to the Federal Customs Service of Russia).
4. Evdokimov I.A. Current state and perspectives of whey processing // Journal of Milk Processing. — 2011. — № 9.

5. Plate N.A. Membrane technology - the avant-garde direction of the development of science and technology of the XXI century // Crete. technol. Membranes. — 1999. — Т. 1. — P. 4–13.
6. Lazarev VA, Tikhonov SL, Muratov AA Wasteless Membrane Technology for Processing Milk Whey // Journal of the Food Industry. — 2017. — № 1 (2). — P. 60–71.

Контактная информация:

Уральский государственный экономический университет
620144, РФ, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45
Ural State University of Economics
620144, RF, Ekaterinburg, 8 Marta/Narodnoy Voli St., 62/45
Тел.: (343) 221-17-26, E-mail: lazarev.eka@gmail.ru

К 80-ЛЕТИЮ ВИКТОРА МЕЕРОВИЧА ПОЛТЕРОВИЧА

27 декабря 2017 г. исполнилось 80 лет заместителю директора Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, заведующему лабораторией математической экономики Центрального экономико-математического института РАН, академику РАН, доктору экономических наук, профессору Полтеровичу Виктору Мееровичу.

Виктор Меерович Полтерович родился 27 декабря 1937 г. в Москве.

В 1962 г. окончил МИНХ и ГП им. И.М. Губкина по специальности «автоматизация производственных процессов».

В 1966 г. окончил МГУ им. М.В. Ломоносова по специальности «математика».

С 1966 г. работает в ЦЭМИ РАН, в настоящее время — руководитель направления «Математическая экономика», зав. Лабораторией математической экономики. Одновременно, с 2010 г. является заместителем директора МШЭ МГУ им. М.В. Ломоносова.

Член-корреспондент РАН с 2000 г., академик РАН с 2003 г. — Отделение общественных наук РАН.

Специалист в области математической экономики и макроэкономической теории.

Академик В.М. Полтерович — один из создателей Российской экономической школы. Он предложил синтез классических теорий экономического равновесия и оптимального роста; разработал теорию неравновесия, объяснившую ряд особенностей плановых систем; предложил и исследовал дифференциально-разностный аналог уравнения Бюргерса для описания отраслевой динамики (совместно с Г.М. Хенкиным); дал первое систематическое изложение теории экономических реформ; разработал теорию институциональных ловушек; выдвинул гипотезу об инновационной паузе, объясняющую кризис 2007 года; выдвинул и обосновал гипотезу о том, что эволюция современных развитых обществ ведет к уменьшению значимости как централизованного управления, так и экономической и политической конкуренции, при этом возрастает роль механизмов сотрудничества.

Развитая В.М. Полтеровичем теория трансплантации институтов нашла подтверждение при исследовании процессов формирования ипотеки в догоняющих экономиках; результаты исследования послужили обоснованием ипотечной программы «Строительные сберегательные кассы», реализуемой Сбербанком совместно с рядом региональных правительств.

Он опубликовал более 300 научных работ.

Состоял членом редакции журналов *Econometrica*, *Journal of Mathematical Economics*, *Mathematical Social Sciences*, *Journal of Economic Behavior and Organization*.

В настоящее время — главный редактор Журнала Новой экономической ассоциации, член редколлегий и редакционных советов ряда российских экономических журналов.

В.М. Полтерович — член Экономического совета при Президенте Российской Федерации с 2013 г., член Экспертного совета при Правительстве Российской Федерации с 2015 г.

С 2009 по 2015 гг. — президент Новой экономической ассоциации, в настоящее время ее почетный президент.

Являлся членом Правления Глобальной Сети Развития (2000–2004, *Global Development Network*), членом Исполнительного комитета Международной экономической ассоциации (2005–2011, *International Economic Association*), членом Комитета по политике развития Организации объединенных наций (2010–2015, *UN Committee for Development Policy*).

В.М. Полтерович избран действительным членом (Fellow) Эконометрического общества и членом *Academia Europaea*. Удостоен чести прочитать лекцию имени Вальраса-Боули (*Walras-Bowley Lecture*) на североамериканском летнем собрании Эконометрического общества.

Обладатель титула доктора *honoris causa* (почетного доктора) Пан-Европейского университета (Братислава, Словакия).

Лауреат премий Президиума РАН им. Н.Д. Кондратьева и им. Л.В. Канторовича.

За многолетнюю плодотворную научно-педагогическую деятельность на благо Московского университета и в связи с юбилеем приказом ректора заместителю директора Московской школы экономики Виктору Мееровичу Полтеровичу объявлена благодарность.

В 2017 году – лауреат (в составе авторского коллектива Среднесрочной программы социально-экономического развития России до 2025 года «Стратегия роста») Общероссийской высшей общественной экономической премии «Экономист года», которая учреждена Вольным экономическим обществом России и является главной наградой для российского экономического сообщества.

Президиум ВЭО России сердечно поздравляет Виктора Мееровича с юбилеем. Не вызывает сомнений, что его огромный авторитет, работоспособность и талант будут способствовать развитию современной экономической науки, процветанию Российской Федерации.

От всей души желаем Виктору Мееровичу больших научных и творческих достижений, искренних друзей и коллег, крепкого здоровья, счастья и благополучия!

Использованы материалы сайта

www.msu.ru

К 65-ЛЕТИЮ КРЫМОВА ВЯЧЕСЛАВА БОРИСОВИЧА

1 февраля 2018 г. исполнилось 65 лет вице-президенту ВЭО России, президенту Региональной общественной организации «Вольное экономическое общество Московской области», председателю Комитета по экономике, предпринимательству и инвестиционной политике Московской областной Думы, доктору экономических наук Крымову Вячеславу Борисовичу.

Вячеслав Борисович Крымов родился 1 февраля 1953 г. в поселке Капустин Яр Владимирского района Астраханской области. Окончил Ленинградский инженерно-экономический институт им. П. Тольятти по специальности «инженер-экономист».

После окончания института работал в Машиностроительном конструкторском бюро «Факел» города Химки Московской области на инженерных должностях.

В 1982 г. переведен в Химкинский ГК КПСС, где работал инструктором, заместителем заведующего и заведующим организационным отделом, в 1987 г. назначен инструктором экономического отде-

ла МК и МГК КПСС. В декабре 1988 г. возглавлял отдел совершенствования хозяйственного механизма, планирования и автоматизации плановых расчетов Плановой комиссии Исполкома Мособлсовета.

В 1990 г. назначен на должность начальника Московского областного управления статистики, а в декабре 1991 г. — на должность председателя Московского областного комитета государственной статистики. В 1996 г. — член Коллегии Государственного комитета РФ по статистике.

В 2000–2011 гг. — министр экономики Правительства Московской области.

С декабря 2011 г. — депутат, председатель Комитета по экономике, предпринимательству и инвестиционной политике Московской областной Думы.

Вячеслав Борисович ведет активную общественную деятельность. В апреле 2011 г. был избран Президентом Региональной общественной организации «Вольное экономическое общество Московской области», вице-президентом Вольного экономического общества России.

Награжден орденом Почета; медалями: «В память 850-летия Москвы», «За заслуги в проведении Всероссийской переписи населения», «За заслуги в проведении Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года»; знаками Губернатора Московской области: «Благодарю», «За полезное», «За заслуги перед Московской областью», «За труды и усердие»; знаком Московской областной Думы «За вклад в развитие законодательства»; Почетными грамотами Министер-

ства экономического развития и торговли Российской Федерации, Московской областной Думы, а также Губернатора Московской области. Имеет благодарности Губернатора Московской области, присвоено почетное звание «Заслуженный экономист РФ».

Вячеслав Борисович представляет собой уникальное сочетание руководителя, имеющего колоссальный опыт решения практических задач, и ученого, стремящегося использовать и применять полученные знания на практике. Вся трудовая деятельность В.Б. Крымова связана с Московской областью. Под его руководством Московская область в период с 2000 по 2011 гг. занимала ведущие позиции по всем экономическим показателям развития, успешно конкурируя с Москвой, а по некоторым социально-экономическим показателям даже опережая ее.

За период своей деятельности в Московской областной Думе Вячеслав Борисович успешно инициировал несколько десятков законопроектов, жизненно необходимых для успешного развития экономики Московской области и решения ее социальных задач.

Президиум Вольного экономического общества России сердечно поздравляет с юбилеем Вячеслава Борисовича, внесшего значительный вклад в развитие региональной экономики нашей страны, человека широчайшего кругозора и эрудиции, всегда имеющего собственный взгляд на пути развития экономики и искренне желающего экономического процветания каждому региону России.

За особый вклад в деятельность Вольного экономического общества России, за активную социально значимую и общественную деятельность Крымов В.Б. награжден Памятной юбилейной медалью «250 лет ВЭО России».

За активное личное участие в реализации проектов и программ в области социально-экономического развития Российской Федерации, за выдающийся личный вклад в укрепление экономического потенциала России и Московской области, за многолетнюю плодотворную работу в Вольном экономическом обществе России, за большой вклад в его деятельность Крымов Вячеслав Борисович награжден Серебряной медалью ВЭО России.

Уверены, что талант руководителя и ученого, общественного и государственного деятеля позволит Вячеславу Борисовичу и в дальнейшем вносить значительный вклад в решение экономических задач развития Московской области и России в целом.

ТРЕБОВАНИЯ К НАУЧНЫМ СТАТЬЯМ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

1. Статья представляется в электронном виде в формате Word с расширением doc или docx 1.1. Объем научной статьи должен быть не менее 5 и не более 15 страниц, включая таблицы, библиографический список и графический материал.

1.2. Требования к тексту: тип шрифта Times New Roman, размер шрифта № 12, межстрочный интервал 1,5, отступ первой строки абзаца — 1,25.

1.3. Параметры страницы:

- верхнее и нижнее поля — 20 мм,
- боковые поля: левое поле — 30 мм, правое поле — 20 мм.

1.4. Сноски оформляются шрифтом Times New Roman, размер шрифта № 11, межстрочный интервал 1, без отступа.

1.5. Автоматическая расстановка переносов не ставится.

2. Структура статьи:

- название статьи на русском языке прописными буквами полужирным шрифтом;
- название статьи в переводе на английский язык;
- автор(ы) (Ф.И.О. полностью): выравнивание по левому краю, шрифт полужирный; информация об авторе(ах): ученая степень, должность, место работы автора (и каждого соавтора) на русском языке;
- информация об авторе(ах) на английском языке: ФИО (транслитерация), ученая степень, должность, место работы автора (и каждого соавтора).

2.1. Аннотация:

- краткая аннотация на русском языке (в один абзац, до 600 знаков) должна быть содержательной (отражать основные цели и способы проведения исследования, суммировать

наиболее важные результаты и научное значение статьи) и структурированной (следовать логике построения статьи);

— развернутая аннотация на английском языке должна быть подробной (средний объем 100–150 слов) и отражать основное содержание статьи, должна быть написанной грамотным английским языком с использованием специальной англоязычной терминологии.

2.2. Ключевые слова:

- на русском языке (до 10);
- на английском языке (до 10).

2.3. Текст статьи:

— таблицы в тексте или приложении к нему должны иметь заголовки, на каждую таблицу в тексте должна быть соответствующая ссылка. В электронном виде таблицы должны быть собраны в отдельных файлах;

— иллюстрации должны быть сгруппированы, иметь порядковый номер и названия. При написании математических формул, подготовке графиков, диаграмм, блок-схем не допускается применение размера шрифта менее № 10.

3. Библиографический список:

3.1. Наличие пристатейных библиографических списков в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования, является обязательным. Список использованных литературных источников оформляется на русском языке и на латинице: русскоязычные источники необходимо транслитерировать, источники на английском, французском, немецком и других языках указываются в оригинале. Для автоматической транслитерации в латиницу рекомендуется обращаться на сайт <http://translit.ru> (стандарт транслитерации — BSI; настройка перед транслитерацией).

3.2. Ссылки на источники в списке использованной литературы нумеруются последовательно, в порядке их первого упоминания в тексте (в соответствии с ГОСТом).

Ссылки в тексте, таблицах и подписях к рисункам обозначаются арабскими цифрами [в квадратных скобках] и, если необходимо, указывается конкретная страница/страницы. Постраничными остаются только смысловые сноски (комментарии, добавления и т.д.).

4. Контактная информация для каждого автора на русском и английском языке приводится в конце статьи: подробные адресные данные автора(ов).

— полный почтовый адрес организации(й), которую он(они) представляет(ют), и e-mail автора(ов).

5. При направлении статьи в электронном виде необходимо приложить к статье письмо от организации или научного руководителя, рекомендующих статью к публикации (в отсканированном варианте). Наименование файла, содержащего научную статью, должно совпадать с фамилией первого автора.

6. В первоочередном порядке к публикации принимаются статьи авторов, являющихся членами ВЭО России.

7. Статьи принимаются вместе с оригиналом квитанции о подписке автора на Научные труды ВЭО России на ближайшее полугодие (для иногородних квитанция отправляется заказным письмом в Правление ВЭО России, по адресу: Москва, ул. Тверская, д. 22а).

* * *

По вопросам публикации статей следует обращаться в ВЭО России по телефону:

+7 (495) 609-07-60, e-mail: info@veorus.ru

Научное издание

**НАУЧНЫЕ ТРУДЫ
ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ
2018**

Том двести девятый

Информационно-аналитическое издание
для членов Вольного экономического общества России

Москва, 2018

Издание осуществляется Вольным экономическим обществом России —
125009, Москва, ул. Тверская, 22а

Над выпуском работала:
А.В. Бобина

Допечатная подготовка:
АНО «Академия менеджмента и бизнес-администрирования»

Подписано в печать 09.02.2018. Заказ № 230944. Тираж 1000 экз.

Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № 77-3786 от 20.06.2000.
Лицензия на издательскую деятельность — ИД № 01775 от 11.05.2000.

Подписной индекс — 10920
в Каталоге российской прессы «Почта России»

© Вольное экономическое общество России, 2018

ISBN 978-5-94160-205-6
ISSN 2072-2060

Scientific publication

SCIENTIFIC WORKS
OF THE FREE ECONOMIC SOCIETY OF RUSSIA
2018

Volume two hundred eighth

Information and analytical edition for members
of the Free economic society of Russia

Moscow, 2018

Published by the Free economic society of Russia
#22a, Tverskaya Str., Moscow, 125009, Russia

Responsible for edition:
A.V. Bobina

Prepress:
ANO "Academia menedzhmenta i bizness-administrirovaniya"

Passed for printing 09.02.2018. Order № 230944. Circulation: 1000 copies.

The certificate of Mass-media registration — PI № 77-3786 20.06.2000.
License for publishing activities — ID № 01775 11.05.2000.
Subscription code 10920 in the Catalogue of Russian press by Russian Post.

© The Free economic society of Russia, 2018

ISBN 978-5-94160-205-6
ISSN 2072-2060

